

тринадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубли и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> приятного чтения!

Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубли и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

Стихотворения, 1922 – февраль 1923

Прозаседавшиеся*

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:

кто в глав,

кто в ком,

кто в полит,

кто в просвет,

расходится народ в учрежденья.

Обдают дождем дела бумажные,

чуть войдешь в здание:

отобрав с полсотни –

самые важные! –

служащие расходятся на заседания.

Заявишься:

«Не могут ли аудиенцию дать?

Хожу со времени она». –

«Товарищ Иван Ваньч ушли заседать –

объединение Тео* и Гукона*».

Исколесишь сто лестниц.

Свет не мил.

Опять:

«Через час велели придти вам.

Заседают:

покупка склянки чернил

Губкооперативом».

Через час:

ни секретаря,

ни секретарши нет –

гóло!

Все до 22-х лет

на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,

на верхний этаж семиэтажного дома.

«Пришел товарищ Иван Ваньч?» –

«На заседании

А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,

на заседание

врываюсь лавиной,

дикие проклятья дорóгой изрыгая.

И вижу:

сидят людей половины.

О дьявольщина!

Где же половина другая?

«Зарезали!

Убили!»

Мечусь, оря́.

От страшной картины свихнулся разум.

И слышу

спокойнейший голосок секретаря:

«Они на двух заседаниях сразу.

В день

заседаний на двадцать

надо поспеть нам.

Поневоле приходится раздвояться.

До пояса здесь,

а остальное

там».

С волнения не уснешь.

Утро раннее.

Мечтой встречаю рассвет ранний:

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»
[1922]

Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?» – «люблю, – ответил я, – когда он не нелеп»*

Многие товарищи повесили нос.
– Бросьте, товарищи!
Очень не умно-с.
На арену!
С купцами сражаться иди!
Надо счётами бить учиться.
Пусть «всерьез и надолго»,
но там,
впереди,
может новый Октябрь случиться.
С Адама буржую пролетарий не мил.
Но раньше побаивался –
как бы не сбросили;
хамил, конечно,
но в меру хамил –
а то
революций не оберешься после.
Да и то
в Октябре
пролетарская голь
из-под ихнего пуза-груза –
продралась
и загнала осиновый кол
в кругосветное ихнее пузо.
И вот,
Вечекой*,
Эмчекою* вынянчена,
вчера пресмыкавшаяся тварь еще –
трехэтажным «нэпом» улюлюкает нынче нам:
«Погодите, голубчики!
Попались, товарищи!»
Против их
инженерски-бухгалтерских числ
не попрешь, с винтовкою выйдя.
Продувным арифметикам ихним учись –
стиснув зубы
и ненавидя.
Великолепен был буржуазный Лоренцо*.
Разве что
с шампанского очень огорчится –
возьмет
и выкинет коленце:
нос
– и только! –
вымажет горчицей.
Да и то
в Октябре
пролетарская голь,
до хруста зажав в кулаке их, –
объявила:
«Не буду в лакеях!»
Сегодня,
изголодавшиеся сами,
им открывая двери «Гротеска*»,
знаем –
всех нас
горчицами,
соусами
смажут сначала:
«НЭП» – дескать.

Вам не нравится с вымазанной рожей?

И мне – тоже.

Не нравится-то, не нравится,
а черт их знает,
как с ними справиться.

Раньше

был буржуй

и жирен

и толст,

драл на сотню – сотню,

на тыщи – тыщи.

Но зато,

в «Мерилизах*» тебе

и пальто-с,

и гвоздишки,

и сапожищи.

Да и то

в Октябре

пролетарская голь

попросила:

«Убираться изволь!»

А теперь буржуазия!

Что делает она?

Ни тебе сапог,

ни ситец,

ни гвоздь!

Она –

из мухи делает слона

и после

продает слоновую кость.

Не нравится производство кости слонячей?

Производи иначе!

А так сидеть и «благородно» мучиться –

из этого ровно ничего не получится.

Пусть

от мыслей торгашских

морщины – ров.

В мозг вбирай купцовский опыт!

Мы

еще

услышим по странам миров

революций радостный топот.

[1922]

Сволочи*

Гвоздимые строками,

стойте нёмы!

Слушайте этот волчий вой,

еле прикидывающийся поэмой!

Дайте сюда

самого жирного,

самого плешивого!

За шиворот!

Ткну в отчет Помгола*.

Смотри!

Видишь –

за цифрой голой...

Ветер рванулся.

Рванулся и тише...

Снова снегами огрѐб

тысяче –

миллионно-крышй

волжских селений гроб.

Трубы –

гробовые свечи.

Даже вóроны

исчезают,

чуя,

что, дымясь,
тянется
слащавый,
тошнотворный
дух
зажариваемых мяс.
Сына?
Отца?
Матери?
Дочери?
Чья?!
Чья в людоедчестве очередь?!.
Помощи не будет!
Отрезаны снегами.
Помощи не будет!
Воздух пуст.
Помощи не будет!
Под ногами
даже глина сожрана,
даже куст.
Нет,
не помогут!
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вымеряйте!
Двадцать
миллионов!
Двадцать!
Ложитесь!
Вымрите!..
Только одна,
осипшим голосом,
сумасшедшие проклятия метелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.
Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!
Сам смотрящий смерть воочию,
еле едящий,
только б не сдох, –
тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.
«Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!»
Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.
«Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих – не вместишь в раззолоченные хлевы».
Будьте прокляты!
Пусть
за вашей головою венчанной
из колоний
дикари придут,
питаемые человечиною!
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
варится в коронах–котлах!
«Париж.
Собрались парламентарии.
Доклад о голоде.
Фритиоф Нансен*.
С улыбкой слушали.
Будто соловьиные арии.
Будто тенора слушали в модном романсе».
Будьте прокляты!
Пусть
вовсе
вам
не слышать речи человеческой!
Пролетарий французский!
Эй,
стягивай петлю вместо речи
толщ непроходимых шей!
«Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками поднимают пузы,
в океане
пшеницу
от излишества топившие, –
топят паровозы грузом кукурузы».
Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запружены.
Выбрав
место, где более больно,
пусть
по Америке –
по Северной,
по Южной –
гонят
брюх ваших
мячище футбольный!
«Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
– Патриот!
Русский! –»
Будьте прокляты!
Вечное «вон!» им!
Всех отвращая иудым видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.
«Москва.
Жалоба сборщицы:
в «Ампирах*» морщатся
или дадут
тридцатирублевку,
вышедшую из употребления в 1918 году».
Будьте прокляты!

Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жёг!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный,
вспарывая стенки кишок!
Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек!
Именем всех упокоенных тут –
проклятие отныне,
проклятие вовек
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,
это слово не к царскому трону, –
в сердце таком
слова ничего не тронут:
трогают их революций штыком.
Вам,
несметной армии частицам малым,
порох мира,
силой чьей,
силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот!
Цифрами верстовыми,
вмещающимися едва,
запишите Волгу буржуазии в счет!
Будет день!
Пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
так же беспощадны
в этот час расплаты!
[1922]

Бюрократида*
Прабабушка бюрократизма
Бульвар.
Машина.
Сунь пятак –
что-то повертится,
пошипит гадко.
Минуты через две,
приблизительно так,
из машины вылезит трехкопеечная
шоколадка.
Бараны!
Чего разглазелись кучей?!
В магазине и проще,
и дешевле,
и лучше.
Вчерашнее
Черт,
сын его
или евонный брат,
расхутившийся сверх всяких мер,
раздул машину в миллиарды крат
и расставил по всей РСФСР.
С ночи становятся людей тени.
Тяжелая – подъемный мост! –
скрипит,
глотает дверь учреждений
извивающийся человеческий хвост.
Дверь разгорожена.

Еще не узка́ им!
Через решетки канцелярских баррикад,
вырвав пропуск, идет пропускаемый.
Разлилась коридорами человечья река.
(Первый шип –
первый вой –
«С очереди сшиб!»
«Осади без трудовой!*»)
– Ищите и обрящете, –
пойди и «рящ» ее! –
которая «входящая» и которая «исходящая»?!
Обрящут через час-другой.
На рупь бумаги – совсем máло! –
всовывают дрожащей рукой
в пасть входящего журнала.
Колесики завертелись.
От дамы к даме
пошла бумажка, украшаясь номерами.
От дам бумажка перекинулась к секретарше.
Шесть секретарш от младшей до старшей!
До старшей бумажка дошла в обед.
Старшая разошлась.
Потерялся след.
Звезды считать?
Сойдешь с ума!
Инстанций не считаю – плавай сама!
Бумажка плыла, шевелилась еле.
Лениво ворочались машины валы.
В карманы тыкалась,
совалась в портфели,
на полку ставилась,
клатась в столы.
Под грудой таких же
столами коллегий
ждала,
когда подымут ввысь ее,
и вновь
под сукном
в многомесячной неге
дремала в тридцать третьей комиссии.
Бумажное тело сначала толстело.
Потом прибавились клипсы-лапки.
Затем бумага выросла в «дело» –
пошла в огромной синей папке.
Зав ее исписал на славу,
от зава к замзаву вернулась вспять,
замзав подписал,
и обратно
к заву
вернулась на подпись бумага опять.
Без подписи места не сыщем под ней мы,
но вновь
механизм
бумагу волок,
с плеча рассыпая печати и клейма
на каждый
чистый еще
уголок.
И вот,
через какой-нибудь год,
отверз журнал исходящий рот.
И, скрипнув перьями,
выкинул вон
бумаги негодной – на миллион.
Сегодняшнее
Высунув языки,
разинув рты,
носятся нэписты

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
в рьяни,
в яри...
А посередине
высятя
недоступные форты,
серые крепости советских канцелярий.
С угрозой выдвинув пики-перья,
закованные в бумажные латы,
работали канцеляристы,
когда
в двери
бумажка втиснулась:
«Сокращай штаты!»
Без всякого волнения,
без всякой паники
завертели колеса канцелярской механики.
Один берет.
Другая берет.
Бумага взад.
Бумага вперед.
По проторенному другими следу
через замзава проплыла к преду.
Пред в коллегия внес вопрос:
«Обсудите!
Аппарат оброс».
Все в коллегия спорили стойко.
Решив вести работу рысью,
немедленно избрали тройку.
Тройка выделила комиссию и подкомиссию.
Комиссия распирала работа.
Комиссия работала до четвертого пота.
Начертили схему:
кружки и линии,
которые красные, которые синие.
Расширив штат сверхштатной сотней,
работали и в праздник и в день субботний.
Согнулись над кипами,
расселись в ряд,
щеголяют выкладками,
цифрами пещрят.
Глотками хриплыми,
ртами пенными
вновь вопрос подымался в пленуме.
Все предлагали умно и трезво:
«Вдвое урезывать!»
«Втрое урезывать!»
Строчил секретарь –
от работы в мыле:
постановили – слушали,
слушали – постановили...
Всю ночь,
над машинкой склонившись низко,
резолюции переписывала и переписывала машинистка.
И...
через неделю
забрешие киски
играли листиками из переписки.
Моя резолюция
По-моему,
это
– с другого бочка –
знаменитая сказка про белого бычка.
Конкретное предложение
Я,
как известно,
не делопроизводитель.
Поэт.
Канцелярских способностей у меня нет

Но, по-моему,
надо
без всякой хитрости
взять за трубу канцелярию
и вытрясти.
Потом
над вытряхнутыми
посидеть в тиши,
выбрать одного и велеть:
«Пиши!»
Только попросить его:
«Ради бога,
пиши, товарищ, не очень много!»
[1922]

Выждем*
Видит Антанта –
не разгрызть ореха.
Зря тщатся.
Совет коммунистов
в Геную
посоветаться.
РСФСР согласилась.
И снова Франция начинает тянуть.
Авось, мол, удастся сломить разрухой.
Авось, мол, голодом удастся согнуть.
То Франция требует,
чтоб на съезд собрались какие-то дальние народы,
такие,
что их не соберешь и за годы.
То съезд предварительный требуют.
Решит, что нравится ей,
а ты, мол, сиди потом и глазами.
Ясно –
на какой бы нас ни звали съезд,
Антанта одного ждет –
скоро ли нас съест.
Стойте же стойко,
рабочий,
крестьянин,
красноармеец!
Покажите, что Россия сильна,
что только на такую конференцию согласимся,
которая выгодна нам.
[1922]

Моя речь на Генуэзской конференции*
Не мне российская делегация вверена.
Я –
самозванец на конференции Генуэзской*.
Дипломатическую вежливость товарища Чичерина*
дополню по-моему –
просто и резко.
Слушай!
Министерская компания!
Нечего заплывшими глазками мерцать.
Сквозь фраки спокойные вижу –
паника
трясет лихорадкой ваши сердца.
Неужели
без смеха
думать в силе,
что вы
на конференцию
нас пригласили?
В штыки бросаясь на Перекоп идти,
мятежных склоняя под красное знамя,
трудом сгибаясь в фабричной копоти, –

мы знали –
заставим разговаривать с нами.
Не просьбой просителей язык замер,
не нищие, жмурящиеся от господского света, –
мы ехали, осматривая хозяйскими глазами
грядущую
Мировую Федерацию Советов.
Болтают язычишки газетных строк:
«Испытать их сначала...»
Хватили лишку!
Не вы на испытание даете срок –
а мы на время даем передышку.
Лишь первая фабрика взвила дым –
враждой к вам
в рабочих
вспыхнули души.
Слюной ли речей пожары вражды
на конференции
нынче
затушим?!
Долги наши,
каждый медный грош,
считают «Матэны*»,
считают «Таймсы*».
Считаться хотите?
Давайте!
Что ж!
Посчитаемся!
О вздернутых Врангелем,
о расстрелянном,
о заколотом
память на каждой крымской горе.
Какими пудами
какого золота
оплатите это, господин Пуанкаре*?
О вашем Колчаке – Урал спросите!
Зверством – аж горы вгонялись в дрожь.
Каким золотом –
хватит ли в Сити*?! –
оплатите это, господин Ллойд-Джордж*?
Вонзите в Волгу ваше зрение:
разве этот
голодный ад,
разве это
мужицкое разорение –
не хвост от ваших войн и блокад?
Пусть
кладбищами голодной смерти
каждый из вас протащится сам!
На каком –
на железном, что ли, эксперте
не встанут дыбом волосы?
Не защититесь пунктами резолюций-плотин.
Мировая –
ночи пальбой веселя –
революция будет –
и велит:
«Плати
и по этим российским векселям!»
И розовые краснеют мало-помалу.
Тише!
Не дыша!
Слышите
из Берлина
первый шаг
трех Интернационалов?*Растя единство при каждом ударе,
идем.

Прислушайтесь –
вздрагивает здание.
Я кончил.
Милостивые государи,
можете продолжать заседание.
[1922]

Мой май*
Всем,
на улицы вышедшим,
тело машиной измаяв, –
всем,
молящим о празднике
спинам, землю натруженным, –
Первое мая!
Первый из маев
встретим, товарищи,
голосом, в пение сдруженным.
Вёснами мир мой!
Солнцем снежное тай!
Я рабочий –
этот май мой!
Я крестьянин –
это мой май.
Всем,
для убийств залёгшим,
злобу окопов измёив, –
всем,
с броненосцев
на братьев
пушками вцеливших люки, –
Первое мая!
Первый из маев
встретим,
сплетая
войной разобщенные руки.
Молкнь, винтовки вой!
Тихнь, пулемета лай!
Я матрос –
этот май мой!
Я солдат –
это мой май.
Всем
домам,
площадям,
улицам,
сжатым ледяной зимою, –
всем
изглоданным голодом
степям,
лесам,
нивам –
Первое мая!
Первый из маев
славьте –
людей,
плодородий,
вёсен разливом!
Зелень полей, пой!
Вой гудков, вздымай!
Я железо –
этот май мой!
Я земля –
это мой май!
[1922]

Как работает республика демократическая?*

Стихотворение опытное. Восторженно критическое

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
Словно дети, просящие с медом ковригу,
буржуи вымаливают.
«Паспортчек бы!
В Р-и-и-и-гу!»
Поэтому,
думаю,
не лишнее
выслушать очевидешего благоустройства заграничные.
Во-первых,
как это ни странно,
и Латвия – страна.
Все причиндалы, полагающиеся странам,
имеет и она.
И правительство (управляют которые),
и народонаселение,
и территория...
Территория
Территории, собственно говоря, нет –
только делают вид...
Просто полгубернии отдельно лежит.
А чтоб в этом
никто
не убедился воочию –
поезда от границ отходят ночью.
Спишь,
а паровоз
стареется,
ревет –
и взад,
и вперед,
и топчется на месте.
Думаешь утром – напутешествовался вот! –
а до Риги
всего
верст сто или двести.
Ригу не выругаешь –
чистенький вид.
Публика мыта.
Мостовая блестит.
Отчего же
у нас
грязно и гадко?
Дело простое –
в размерах разгадка:
такая была б Русь –
в три часа
всю берусь
и умыть и причесать.
Армия
Об армии не буду отзываться худо:
откуда ее набрать с двухмиллионного люда?!
(Кой о чем приходится помолчать условиться,
помните? – пословица:
«Не плюй вниз
в ожидании виз»).Войска мало,
но выглядит мило.
На меня б
на одного
уж во всяком случае хватило.
Тем более, говорят, что и пушки есть:
не то пять,
не то шесть.
Правительство
Латвией управляет учредилка*.
Учредилка – место, где спорят пылко.
А чтоб языками вертели не слишком часто,
председателя выбрали –

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
господин Чаксте.
Республика много демократичней, чем у нас.
Ясно без слов.
Все решается большинством голосов.
(Если выборы в руках
– понимаете сами –
трудно ли обзавестись нужными голосами!)
Голоснули,
подсчитали –
и вопрос ясен...
Земля помещикам и перешла восвояси.
Не с собой же спорить!
Глупо и скучно.
Для споров*
несколько эсдечков приручено.
Если же очень шебутятся с левых мест,
проголосуют –
и пожалуйста под арест.
Чтоб удостовериться,
правдивы мои слова ли,
спросите у Дермана* –
его «проголосовали».
Свобода слова
Конечно,
ни для кого не ново,
что у демократов свобода слова.
У нас цензура –
разрешат или запретят.
Кому такие ужасы не претят?!
А в Латвии свободно –
печатай сколько угодно!
Кто не верит,
убедитесь на моем личном примере.
«Напечатал «Люблю»* –
любовная лирика.
Вещь – безобиднее найдите в мире-ка!
А полиция – хоть бы что!
Насчет репрессий вяло.
Едва-едва через три дня арестовала.
Свобода манифестаций
И насчет демонстраций свобод немало –
ходи и пой досыта и до отвала!
А чтоб не пели чего,
устой ломая, –
учредилку открыли в день маёвки.
Даже парад правительственный – первого мая.
Не правда ли,
ловкие головки?!
Народ на маёвку повалил валом:
только
отчего-то
распелись «Интернационалом».
И в общем ничего,
сошло мило –
только человек пятьдесят полиция побила.
А чтоб было по-домашнему,
а не официально-важно,
полиция в буршей* была переряжена.
Культура
Что Россия?
Россия дура!
То-то за границей –
за границей культура.
Поэту в России –
одна грусть!
А в Латвии
каждый знает тебя наизусть.
В Латвии

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
даже министр каждый –
и то томится духовной жаждой.
Есть аудитории.
И залы есть.
Мне и захотелось лекциишку прочесть.
Лекцию не утаишь.
Лекция – что шило.
Пришлось просить,
чтоб полиция разрешила.
Жду разрешения
у господина префекта.
Господин симпатичный –
в погончиках некто.
У нас
с бумажкой
натерпелись бы волокит,
а он
и не взглянул на бумажкин вид.
Сразу говорит:
«Запрещается.
Прощайте!»
– Разрешите, – прошу, –
ну чего вы запрещаете? –
Вотще!
«Квесис, – говорит, – против футуризма вообще».
Спрашиваю,
в поклоне свесясь:
– Что это за кушанье такое –
К-в-е-с-и-с? –
«Министр внудел,
– префект рёк –
образованный –
знает вас вдоль и поперек».
– А Квесис
не запрещает,
ежели человек – брюнет? –
спрашиваю в бессильной яри.
«Нет, – говорит, –
на брюнетов запрещения нет».
Слава богу!
(я-то, на всякий случай – карий).
Народонаселение
В Риге не видно худого народонаселения.
Голод попрятался на фабрики и в селения.
А в бульварной гуще –
народ жирнющий.
Щеки красные,
рот – во!
В России даже у нэпистов меньше рот.
А в остальном –
народ ничего,
даже довольно милый народ.
Мораль в общем
Зря,
ребята,
на Россию ропщем.
[1922]

Баллада о доблестном Эмиле*
Замри, народ! Любишься, тих!
Плети венки из лилий.
Греми о Вандервельде стих,
о доблестном Эмиле!
С Эмилем сим сравнимся мы ль:
он чист, он благороден.
Душою любящей Эмиле*
голубки белой вроде.
Не любит страсть Эмиле Чеку,

Эмиль Христова нрава:
ударь щеку Эмильчику –
он повернется справа.
Но к страждущим Эмиль премил,
в любви к несчастным тая,
за всех бороться рад Эмиль,
язык не покладая.
Читал Эмиль газету раз.
Вдруг вздрогнул, кофий вылься,
и слезы брызнули из глаз
предоброго Эмиля.
«Что это? Сказка? Или быль?
Не сказка!.. Вот!.. В газете... –
Сквозь слезы шепчет вслух Эмиль: –
Ведь у эсеров дети...
Судить?! За пулю Ильичу?!
За что? Двух–трех убили?
Не допущу! Бегу! Лечу!»
Надел штаны Эмилий.
Эмилий взял портфель и трость.
Бежит. От спешки в мыле.
По миле миль несется гость.
И думает Эмилий:
«Уж погоди, Чека-змея!
Раздокажу я! Или
не адвокат я? Я не я!
сапог, а не Эмилий».
Москва. Вокзал. Народу сонм.
Набит, что в бочке сельди.
И, выгнув груди колесом,
выходит Вандервельде.
Эмиль разинул сладкий рот,
тряхнул кудрём Эмилий.
Застыл народ. И вдруг... И вот...
Мильоном кошек взвыли.
Грознее и грознее вой.
Господь, храни Эмиля!
А вдруг букетом–крапивой
кой-что Эмилю взмылят?
Но друг один нашелся вдруг.
Дорогу шпорой пыля,
за ручку взял Эмиля друг
и ткнул в авто Эмиля.
– Свою неконченную речь
слезой, Эмилий, вылей! –
И, нежно другу ткнувшись в френч,
истек слезой Эмилий.
А друг за лаской ласку льет: –
Не плачь, Эмилий милый!
Не плачь! До свадьбы заживет! –
И в ласках стих Эмилий.
Смахнувши слезку со щеки,
обнять дружище рад он.
«Кто ты, о друг?» – Кто я? Чекист
особого отряда. –
«Да это я?! Да это вы ль?!
Ох! Сердце... Сердце рана!»
Чекист в ответ: – Прости, Эмиль.
Приставлены... Охрана... –
Эмиль белей, чем белый лист,
осмыслить факты тужась.
«Один лишь друг и тот – чекист!
Позор! Проклятье! Ужас!»
* * *

Морали в сей поэме нет.
Эмилий милый, вы вот,
должно быть, тож на сей предмет
успели сделать вывод?!

Нате! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате*

Вокруг «Крокодила»

компания ходила.

Захотелось нэпам,

так или иначе,

получить на обед филей «Крокодилячий».

Чтоб обед рассервизить тонко,

решили:

– Сначала измерим «Крокодилёнка»! –

От хвоста до ноздри,

с ноздрей даже,

оказалось –

без вершка 50 сажен.

Перемерили «Крокодилину»,

и вдруг

в ней –

от хвоста до ноздри 90 саженей.

Перемерили опять:

до ноздри

с хвоста

саженей оказалось больше ста.

«Крокодилище» перемерили

– ну и делища! –

500 саженей!

750!

1000!

Бегают,

меряют.

Не то, что съесть,

времени нет отдохнуть сесть.

До 200 000 саженей дошли,

тут

сбились с ног,

легли –

и капут.

Подняли другие шум и галдеж:

«На что ж арифметика?

Алгебра на что ж?»

А дело простое.

Даже из Готтентотии житель

поймет.

Ну чего впадать в раж?!

Пока вы с аршином к ноздре бежите,

у «Крокодила»

с хвоста

вырастает тираж.

Мораль простая –

проще и нету:

Подписывайтесь на «Крокодила»

и на «Рабочую газету».

[1922]

Стих резкий о рулетке и железке*

Напечатайте, братцы, дайте отыгаться.

Общий вид

Есть одно учреждение,

оно

имя имеет такое – «Казинó».

Помещается в тесноте – в Каретном ряду*, –

а деятельность большая – желдороги, банки*.

По-моему,

к лицу ему больше идут

просторные помещения на Малой Лубянке*.

Железная дорога

в 12 без минут

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
или в 12 с минутами.
Воры, воришки,
плуты и плутики
с вздутыми карманами,
с животами вздутыми
вылазят у «Эрмитажа*», остановив «дутики*».
Две комнаты, проплеванные и накуренные.
Столы.
За каждым,
сладкий, как патока,
человечек.
У человечка ручки наманикюренные.
А в ручке у человечка небольшая лопатка.
Выроют могилку и уложат вас в яме.
Человечки эти называются «крупьями*».
Чуть войдешь,
один из «крупей»
прилепливается, как репей:
«Господин товарищ –
свободное место», –
и проводит вас чрез человеческое тесто.
Глазки у «крупьи» – две звездочки-точки.
«Сколько, – говорит, – прикажете объявить в баночке?..»
Достаешь из кармана сотнягу деньгу.
В зале моментально прекращается гул.
На тебя облизываются, как на баранье рагу.
Крупье
С изяществом, превосходящим балерину,
парочку карточек барашку кинул.
А другую пару берет лапа
арапа.
Барашек
еле успевает
руки
совать за деньгами то в пиджак, то в брюки.
Минут через 15 такой пластики
даже брюк не остается –
одни хлястики.
Без «шпалера*»,
без шума,
без малейшей царапины,
50 разбандитят до ниточки лапы арапины.
Вся эта афера
называется – шмендефером.
Рулетка
Чтоб не скучали нэповы жены и детки,
и им развлечение –
зал рулетки.
И сыну приятно,
и мамаше лучше:
сын обучение математическое получит.
Объяснение для товарищей, не видавших рулетки.
Рулетка – стол,
а на столе –
клетки.
А чтоб арифметикой позабавиться сыночку и маме,
клеточка украшена номерами.
Поставь на единицу миллион твой-ка,
крупье объявляет:
«Выиграла двойка».
Если всю доску изыграть эту,
считать и выучишься к будущему лету.
Образование небольшое –
всего три дюжины.
Ну, а много ли нэповскому сыночку нужно?
А что рабочим?
По-моему,
и от «Казино»,

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
как и от всего прочего,
должна быть польза для сознательного рабочего.

Сделать
в двери
дырку–глазок,
чтоб рабочий играющих посмотрел разок.
При виде шестиэтажного нэповского затылка
руки начинают чесаться пылко.
Зрелище оное –
очень агитационное.
Мой совет
Удел поэта – за ближнего болей.
Предлагаю
как-нибудь
в вечер хмурый
прийти ГПУ и снять «дамблэ» –
половину играющих себе,
а другую –
муру*.
[1922]

После изъятий*
Известно:
у меня
и у бога
разногласий чрезвычайно много.
Я ходил раздетый,
ходил босой,
а у него –
в жемчугах ряса.
При виде его
гнев свой
еле сдерживал.
Просто трясся.
А теперь бог – что надо.
Много проще бог стал.
Смотрит из деревянного оклада.
Риза – из холста.
– Товарищ бог!
Меняю гнев на милость.
Видите –
даже отношение к вам немного переменялось:
называю «товарищем»,
а раньше –
«господин».
(И у вас появился товарищ один.)
По крайней мере,
на человека похожи
стали.
Что же,
зайдите ко мне как-нибудь.
Снизойдите
с вашей звездной дали.
У нас промышленность расстроена,
транспорт тож.
А вы
– говорят –
занимались чудесами.
Сделайте одолжение,
сойдите,
поработайте с нами.
А чтоб ангелы не били баклуши,
посреди звезд –
напечатайте,
чтоб лезло в глаза и в уши:
не трудящийся не ест.
[1922]

Германия*
Германия –
это тебе!
Это не от Рапалло*.
Не наркомвнешторжым я рассчитаю внял.
Никогда,
никогда язык мой не трепала
комплиментщины официальной болтовня.
Я не спрашивал,
Вильгельму,
Николаю прок ли, –
разбираться в дрязгах царственных не мне.
Я
от первых дней
войнищу эту проклял,
плюнул рифмами в лицо войне.
Распустив демократические слюни,
шел Керенский в орудийном гуле*.
С теми был я,
кто в июне
отстранял
от вас
нацеленные пули.
И когда, стянув полков ободья,
сжали горла вам французы и британцы,
голос наш
взвивался песней о свободе,
руки фронта вытянул брататься.
Сегодня
хожу
по твоей земле, Германия,
и моя любовь к тебе
расцветает романнее и романнее.
Я видел –
цепенеют верфи на Одере,
я видел –
фабрики сковывает тишь.
Пусть, –
не верю,
что на смертном одре
лежишь.
Я давно
с себя
лохмотья наций скинул.
Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распеснить боль.
Рабочая песня
Мы сеем,
мы жнем,
мы куем,
мы прядем,
рабы всемогущих Стиннесов*.
Но мы не мертвы.
Мы еще придем.
Мы еще наметим и кинемся.
Обернулась шибером*,
улыбка на морде, –
история стала.
Старая врет.
Мы еще придем
Мы пройдем из Норденов*
сквозь Вильгельмов пролет* Бранденбургских ворот*.
У них доллары.
Победа дала.

Из унтерденлиндских отелей*
ползут,
вгрызают в горло доллár,
пируют на нашем теле.
Терпите, товарищи, расплаты во имя...
За все –
за войну,
за после,
за раньше,
со всеми,
с ихними
и со своими
мы рассчитаемся в Красном реванше...
На глотке колено.
Мы – зверьи рычим.
Наш голос судорогой нéмится..
Мы знаем, под кем,
мы знаем, под чьим
еще подымутся немцы.
Мы
еще
извеселим берлинские улицы.
Красный флаг, –
мы заждались –
вздымайся и рей!
Красной песне
из окон каждого Шульца
откликайся,
свободный
с Запада
Рейн.
Это тебе дарю, Германия!
Это
не долларов тыщи,
этой песней счёта с голодом не свесть.
Что ж,
и ты
и я –
мы оба нищи, –
у меня
это лучшее из всего, что есть.
[1922–1923]

На цепь!*
– Патронов не жалеите! Не жалеите пуль!
Опять по армиям приказ Антанты отдан.
Январь готовят обернуть в июль –
июль 14-го года*.
И может быть,
уже
рабам на Сене
хозяйским окриком повéлено.
– Раба немецкого поставить на колени.
Не встанут – расстрелять по переулкам Кельна!
Сияй, Пуанкаре!
Сквозь жир
в твоих ушах
раскат пальбы гремит прелестней песен:
рабочий франции по штольням мирных шахт
берет в штыки рабочий мирный Эссен.
Тюрьмою Рим – дубин заплочных свист*,
рабочий Рима, бей немецких в Руре* –
пока
чернорубашечник фашист
твоих вождей крошит в застенках тюрем.
Британский лев держи нейтралитет,
блудливые глаза прикрой стыдливой лапой,
а пальцем

укажи,
куда судам лететь,
рукой свободною колоний горсти хапай.
Блестит английский фунт у греков на носу,
и греки прут, в посул топыря веки;
чтоб Бонар-Лоу* подарить Мосул*,
из турков пустят кровь и крови греков реки.
Товарищ мир!

Я знаю,
ты бы мог
спинищу разогнуть.

И просто –
шагни!

И раздавили б танки ног
с горба попадавших прохвостов.

Время с горба сдуть.

Бунт, барабан, бей!

Время вздеть узду
капиталиста алчбе.

Или не жалко горба?

Быть рабом лучше?

Рабочих шагов барабан,

по миру греми, гремучий!

Европе указана смерть

пальцем Антанты потным.

Лучше восстать посметь,
встать и стать свободным.

□□□Тем, кто забит и сер,

□□□в ком курья вера –

□□□красный СССР

□□□будь тебе примером!

Свобода сама собою

не валится в рот.

Пять –

пять лет вырываем с бою

за пядью каждую пядь.

□□□Еще не кончен труд,

□□□еще не рай неб.

□□□Капитализм – спрут.

□□□Щупальцы спрута – НЭП.

Мы идем мерно,

идем, с трудом дыша,

но каждый шаг верный

близит коммуны шаг.

Рукой на станок ляг!

Винтовку держи другой!

Нам покажут кулак,

мы вырвем кулак с рукой.

□□□Чтоб тебя, Европа-раба,

□□□не убили в это лето –

□□□бунт бей, барабан,

□□□мир обнимите, Советы!

Снова сотни стай

лезут жечь и резать.

Рабочий, встань!

Взнуздай!

Антанте узду из железа!

[1923]

Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Моне*

Я занимаюсь художеством.

Оно –

подданное Монó*.

Я не ною:

под Моною, так под Моною.

Чуть с Виндавского* вышел –

поборол усталость и лень я.

Бегу в Моно.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
«Подпишите афиши!
Рад Москве излить впечатления».
Латвийских поездов тише
по лону Моно поплыли афиши.
Стою.
Позевываю зевотой сладкой.
Совсем как в Эйдкунене* в ожидании пересадки.
Афиши обсуждаются
и единолично,
и в купе.
Пропадут на час.
Поищут и выруют.
Будто на границе в Себеже или в Зилупе*
вагоны полдня на месте маневрируют.
Постоим...
и дальше в черепашьем марше!
Остановка:
станция «Член коллегии».
Остановка:
разъезд «Две секретарши»...
Ну и товарно-пассажирская элегия!
Я был в Моно,
был в Париже –
Париж на 4 часа ближе.
За разрешением Моно и до Парижа города
путешественники отправляются в 2.
В 12 вылазишь из Gare du Nord'a[1],
а из Моно
и в 4 выберешься едва.
Оно понятно:
меньше станций –
инстанций.
Пару моралей высказать рад.
Первая:
нам бы да ихний аппарат!
Вторая для сеятелей подписей:
чем сеять подписи –
хлеб сей.
[1923]

Пернатые*
(Нам посвящается)
Перемириваются в мире.
Передышка в грозе.
А мы воюем.
Воюем без перемирий.
Мы –
действующая армия журналов и газет.
Лишь строки-улицы в ночь рядятся,
маскированные домами-горами,
мы
клоним головы в штабах редакций
над фоно-теле-радио-граммами.
Ночь.
Лишь косятся звездные лучики.
Попробуй –
вылезь в час вот в этакий!
А мы,
мы ползем – репортеры-лазутчики –
сенсацию в плен поймать на разведке.
Поймаем,
допросим
и тут же
храбро
на мир,
на весь миллиардомильный
в атаку,
щетинаясь штыками фабера*,

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
идем,
истекая кровью чернильной.
Враг,
колючей проволокой мотанный,
думает:
– В рукопашную не дойти! –
Пустяк.
Разливая огонь словометный,
пойдет пулеметом хлестать линотип*.
Армия вражья крепости рада.
Стереть!
Не бросать идти!
По стенам армии вражьей
снарядами
бей, стереотип*!
Наконец,
в довершенье вражьей паники,
скрежеща,
воя,
ротационки-танки*,
укатывайте поле боевое!
А утром...
форды –
лишь луч проскребся –
летите,
киоскам о победе тараторя:
– Враг
разбит петитом и корпусом*
на полях газетно-журнальных территорий.
[1923]

Стихотворение это – одинаково полезно и для редактора и для поэтов*
Всем товарищам по ремеслу:

несколько идей о «прожигании глаголами сердец людей*».

Что поэзия?!

Пустяк.

Шутка.

А мне от этих шуточек жутко.

Мысленным оком окидывая Федерацию –

готов от боли визжать и драться я.

Во всей округе –

тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.

От жизни сидячей высохли в жгут.

Изголодались.

С локтями голыми.

Но денно и ночью

жгут и жгут

сердца неповинных людей «глаголами».

Написал.

Готово.

Спрашивается – прожёт?

Прожёт!

И сердце и даже бок.

Только поймут ли поэтические стада,

что сердца

сгорают –

исключительно со стыда.

Посудите:

сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть?!).

А он

вытягивает,

как булавку из ила,

пустяк,

который полегше зарифмоплесть.

А много ль в языке такой чуши,

чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!
Выберет...
и опять отчесывает вычески,
чтоб образ был «классический»,
«поэтический».
Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора лающиеся.
А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое-нибудь слово,
например, «млекопитающее».
Потеют как следует
над большим листом.
А только сбоку
на узеньком клочочке
коротенькие строчки растянулись глистом.
А остальное –
одни запятые да точки.
Хороший язык взял да и искрошил,
зря только на обучение тратились гроши.
В редакции
поэтов банда такая,
что у редактора хронический разлив жёлчи.
Банду локтями,
дверями толкают,
курьер орет: «Набилось сволочи!»
Не от мира сего –
стоят молча.
Поэту в редкость удачи лучи.
Разве что редактор заталмудится слишком,
и врасплох удастся ему всучить
какую-нибудь
позапрошлогоднюю
залежавшуюся «веснишку».
И, наконец,
выпускающий,
над чушью фыркая,
режет набранное мелким петитиком
и затыкает стихами дырку за дыркой,
на горе родителям и на радость критикам.
И лезут за прибавками наборщик и наборщица.
Оно понятно –
набирают и морщатся.
У меня решение одно отлежалось:
помочь людям.
А то жалость!
(Особенно предложение пригодилось к весне б,
когда стихом зачитывается весь нэп.)
Я не против такой поэзии.
Отнюдь.
Весною тянет на меланхолическую нудь.
Но долой рукоделие!
Что может быть старей
кустарей?!
Как мастер этого дела
(ко мне не прицепитесь)
сообщу вам об универсальном рецепте-с.
(Новость та,
что моими мерами
поэты заменяются редакционными курьерами.)
Рецепт
(Правила простые совсем:
всего – семь.)
1. Берутся классики,

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
свертываются в трубку
и пропускаются через мясорубку.
2. Что получится, то
откидывают на решето.
3. Откинутое выставляется на вольный дух.
(Смотри, чтоб на «образы» не насело мух!)
4. Просушиваемое перетряхивается еле
(чтоб мягкие знаки чересчур не затвердели).
5. Сушится (чтоб не успело перевечниться)
и сыпется в машину:
обыкновенная перечница.
6. Затем
раскладывается под машиной
} липкая бумага
(для ловли мушиной).
7. Теперь просто:
верти ручку,
да смотри, чтоб рифмы не сбились в кучку!
(Чтоб «кровь» к «любовь»,
«тень» ко «дню»,
чтоб шли аккуратненько
одна через одну)
Полученное вынь и...
готово к употреблению:
к чтению,
к декламированию,
к пению.
А чтоб поэтов от безработной меланхолии вылечить,
чтоб их не тянуло портить бумажки,
отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича*
и передать
товарищу Семашке*.
[1923]

О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах*
На съезде печати
у товарища Калининна
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте, –
как понимается описываемое в газете.
Акуловкой* получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
– «Пуанкаре терпит фиаско». –
Задумались.
Что это за «фиаска» за такая?
Из-за этой «фиаски»
грамотей Ванюха
чуть не разодрался:
– Слушай, Петь,
с «фиаской» востро держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи.
Даже Стиннеса* –
и то! –
прогнал из Рура*.
А этого терпит.
Значит богаче.
Американец, должно.
Понимаешь, дура?! –
С тех пор,
когда самогонщик,

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,
в уважение к богатству,
скидавая картуз,
его называли –
Господином Фиаской.
Последние известия получили красноармейцы.
Сели.

Читают, газетиной вея.
– О французском наступлении в Руре имеется? –
Да, вот написано:

«Дошли до своего апогея».

– Товарищ Иванов!

Ты ближе.

Эй!

На карту глянь!
Что за место такое:

А-п-о-г-е-й? –

Иванов ищет.

Дело дрянь.

У парня

аж скулу от напряжения свело.

Каждый город просмотрел,

каждое село.

«Эссен есть –

Апогея нету!

Деревушка махонькая, должно быть, это.

Верчусь –

аж дыру провертел в сапоге я –

не могу найти никакого Апогея!»

Казарма

малость

посоветчалась.

Наконец –

товарищ Петров взял слово:

– Сказано: до своего дошли.

Ведь не до чужого?!

Пусть рассеется сомнений дым.

Будь он селом или градом,

своего «апогея» никому не отдадим,

а чужих «апогеев» – нам не надо. –

Чтоб мне не писать, впусую оря,

мораль вывожу тоже:

то, что годится для иностранного словаря,

газете – не гоже.

[1923]

На земле мир. Во человецех благоволение*

Радостный крик греми –

это не краса ли?!

Наконец

наступил мир,

подписанный в Версале.

Лишь взглянем в газету мы –

мир!

Некуда деться!

На земле мир.

Благоволение во человецех.

Только (хотя и нехотя)

заметим:

у греков негоже.

Грек норовит заехать

товарищу турку по роже.

Да еще

Пуанкаре

немного

немцев желает высечь*.

Закинул в Рур ногу

солдат 200 тысяч!*

Еще, пожалуй,
в Мемеле*
Литвы поведенье игриво –
кого-то
за какие-то земли
дуют в хвост и в гриву.
Не приходите в отчаяние
(пятно в солнечном глянце):
англичане
норовят укокошить ирландца.
В остальном –
сияет солнце,
мир без края,
без берега.
Вот разве что
японцы
лезут с ножом на Америку.
Зато
в остальных местах –
особенно у северного полюса, –
мир,
пение птах.
Любой без отказа пользуйся.
Старики!
Взрослые!
Дети!
Падайте перед Пуанкарою*:
– Спасибо, отец благодетель!..
Когда
за «миры» за эти
тебя, наконец, накروют?
[1923]

Барабанная песня*
Наш отец – завод.
Красная кепка – флаг.
Только завод позовет –
руку прочь, враг!
□Вперед, сыны стали!
□Рука, на приклад ляг!
□Громи, шаг, дали!
□Громче печать – шаг!
Наша мать – пашня,
Пашню нашу не тронь!
Стража наша страшная –
глаз, винтовок огонь.
□Вперед, дети ржи!
□Рука, на приклад ляг!
□Ногу ровней держи!
□Громче печать – шаг!
Армия – наша семья.
Равный в равном ряду.
Сегодня солдат я –
завтра полк веду.
□За себя, за всех стой.
□С неба не будет благ.
□За себя, за всех в строй!
□Громче печать – шаг!
Коммуна, наш вождь,
велит нам: напролом!
Разольем пуль дождь,
разгремим орудий гром.
□Если вождь зовет,
□рука, на винтовку ляг!
□Вперед, за взводом взвод!
□Громче печать – шаг!
Совет – наша власть.

Сами собой правим.
На шею вовек не класть
рук барской ораве.
□Только кликнул совет –
□рука, на винтовку ляг!
□Шагами громи свет!
□Громче печать – шаг!
Наша родина – мир.
Пролетарии всех стран,
ваш щит – мы,
вооруженный стан.
□Где б враг нё был,
□станем под красный флаг.
□Над нами мира небо.
□Громче печать – шаг!
Будем, будем везде.
В свете частей пять.
Пятиконечной звезде –
во всех пяти сиять.
□Отступит назад враг.
□Снова России всей
□рука, на плуг ляг!
□Снова, свободная, сей!
Отступит врага нога.
Пыль, убегая, взовьёт.
С танка слезь!
К станкам!
□Назад!
□К труду.
□На завод.
[1923]

Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану*
Есть слова иностранные.

Иные
чрезвычайно странные.
Если люди друг друга процеловали до дыр,
вот это
по-русски
называется – мир.
А если
грохнут в уха оба,
и тот
орет, разинув рот,
такое доведение людей до гроба
называется убивством.
А у них –
наоборот.
За примерами не гоняться! –
Оптом перемиривает Лига Наций*.
До пола печати и подписи свисали.
Перемирили и Юг, и Север.
То Пуанкаре расписывается в Версале,
то –
припечатывает печатями Севр*.
Кончилась конференция.
Завершен труд.
Умолкните, пушечные гулы!
Ничего подобного!
Тут –
только и готовь скулы.
– Севрский мир – вот это штука! –
орут,
наседают на греков турки.
– А ну, турки,
помиримся,
ну-ка! –
орут греки, налазя на турка.

ионадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Сыплется с обоих с двух штукатурка.

Ясно –

каждому лестно мириться.

В мирной яри

лезут мириться государств тридцать:

румыны,

сербы,

черногорцы,

болгаре...

Суматоха.

У кого-то кошель стянули,

какие-то каким-то расшибли переносья –

и пошли мириться!

Только жужжат пули,

да в воздухе летают щеки и волосья.

Да и версальцы людей мирят не худо.

Перемирили половину европейского люда.

Поровну меж государствами поделили земли:

кому Вильны*,

кому Мемели.

Мир подписали минуты в две.

Только

география – штука скользкая;

польские городишки раздарили Литве,

а литовские –

в распоряжение польское.

А чтоб промеж детей не шла ссора –

крейсер французский

для родительского надзора.

Глядит восторженно Лига Наций.

Не ей же в драку вмешиваться.

Милые, мол, бранятся –

только... чешутся.

Словом –

мир сплошной:

некуда деться,

от Мосула*

до Рура*

благоволение во человецех.

Одно меня настраивает хмуро.

Чтоб выяснить это,

шлю телеграмму

с оплаченным ответом:

«Париж

(точка,

две тире)

Пуанкаре – Мильерану.

Обоим

(точка).

Сообщите –

если это называется мира,

то что

у вас

называется мордобоем?»

[1923]

Париж**

(Разговорчики с Эйфелевой башней)

Обшаркан миллионом ног.

Ишелестен тыщей шин.

Я борозжу Париж –

до жути одинок,

до жути ни лица,

до жути ни души.

Вокруг меня –

авто фантастят танец,

вокруг меня –

из зверорыбьих морд –

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
еще с Людовиков*
свистит вода, фонтанясь.
Я выхожу
на Place de la Concorde[2].
Я жду,
пока,
подняв резную главку,
домовьей слезкою умаяна,
ко мне,
к большевику,
на явку
выходит Эйфелева из тумана.
– Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлепайте! –
увидят! –
луна – гильотинная жуть.
Я вот что скажу
(пришипился в шепоте,
ей
в радиоухо
шепчу,
жужжу):
– Я разагитировал вещи и здания.
Мы –
только согласия вашего ждем.
Башня –
хотите возглавить восстание?
Башня –
мы
вас выбираем вождем!
Не вам –
образцу машинного гения –
здесь
таять от аполлинеровских* вирш.
Для вас
не место – место гниения –
Париж проституток,
поэтов,
бирж.
Метро согласилось,
метро со мною –
они
из своих облицованных нутр
публику выплюют –
кровью смоят
со стен
плакаты духов и пудр.
Они убедились –
не ими литься
вагонам богатых.
Они не рабы!
Они убедились –
им
более к лицам
наши афиши,
плакаты борьбы.
Башня –
улиц не бойтесь!
Если
метро не выпустит уличный грунт –
грунт
исполосуют рельсы.
Я подымаю рельсовый бунт.
Бойтесь?
Трактиры заступятся стаями?
Бойтесь?
На помощь придет Рив-гош[3].

Не бойтесь!
Я уговорился с мостами.
Вплавь
реку
переплыть
не легко ж!
Мосты,
распаясь от движения злого,
подымутся враз с парижских боков.
Мосты забунтуют.
По первому зову –
прохожих ссыпят на камень быков.
Все вещи вздыбятся.
Вещам невоготу.
Пройдет
пятнадцать лет
иль двадцать,
обдрябнет сталь,
и сами
вещи
тут
пойдут
Монмартрами* на ночи продаваться.
Идемте, башня!
К нам!
Вы –
там,
у нас,
нужней!
Идемте к нам!
В блестеньи стали,
в дымах –
мы встретим вас.
Мы встретим вас нежней,
чем первые любимые любимых.
Идем в Москву!
У нас
в Москве
простор.
Вы
– каждой! –
будете по улице иметь.
Мы
будем холить вас:
раз сто
за день
до солнц расчистим вашу сталь и медь.
Пусть
город ваш,
Париж франтих и дур,
Париж бульварных ротозеев,
кончается один, в сплошной складбищась Лувр*,
в старье лесов Булонских* и музеев.
Вперед!
Шагни четверкой мощных лап,
прибитых чертежами Эйфеля,
чтоб в нашем небе твой израдиило лоб,
чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили!
Решайтесь, башня, –
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам –
я
вам достану визу!
[1923]

Давиду Штеренбергу – Владимир Маяковский*

Милый Давид!

При вашем имени

обязательно вспоминаю Зимний.

Еще хлестали пули-ливни –

нас

с самых низов

прибой-революция вбросила в Зимний

с кличкой странной – ИЗО.

Влетели, сея смех и крик,

вы,

Пунин*,

я

и Ося Брик*.

И древних яркостью дразня,

в бока дворца впилась «мазня».

Дивит покои царёвы и князьи

наш

далеко не царственный вид.

Люстры –

и то шарахались даже,

глядя...

хотя бы на вас, Давид:

рукой

в подрамниковой раме

выводите Неву и синь,

другой рукой –

под ордерами

расчеркиваетесь на керосин.

Собранье!

Митинг!

Речью сотой,

призвав на помощь крошки-руки,

выхваливаете ком красóты

на невозможном волапюке*.

Ладно,

а много ли толку тут?!

Обычно

воду в ступе толкут?!

Казалось,

что толку в Смольном?

Митинги, вот и всё.

А стали со Смольного вольными

тысячи городов и сёл.

Мы слыли говорунами

на тему: футуризм,

но будущее не нами ли

сияет радугой риз!

[1922–1923?]

Поэмы, 1922 – февраль 1923

Люблю*

Обыкновенно так

Любовь любому рожденному дадена, –

но между служб,

доходов

и прочего

со дня на день

очерствеваает сердечная почва.

На сердце тело надето,

на тело – рубаха.

Но и этого мало!

Один –

идиот! –

манжеты наделал

и груди стал заливать крахмалом.

Под старость спохватятся.

Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру* мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожаца.
Любовь поцветет,
поцветет –
и скукожится.
Мальчишкой
я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людьё
трусами муштровано.
А я –
убёг на берег Риона*
и шлялся,
ни чёрта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатём под забором в «три листика*».
Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Вворачивал солнцу то спину,
то пузо –
пока под ложечкой не заноеет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже –
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место –
и мне,
и реке,
и стовёрстым скалам?!»
Юношей
Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках*.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры*.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего – мол – стоят лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы – все на свете.

Мой университет
французский знаете.
Делите.
Множите.
Склоняете чудно.
Ну и склоняйте!
Скажите –
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человеческий,
чуть только вывелся –
за книжки рукой,
за тетрадные дести.
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкорнав,
ободрав ее –
учат.
И вся она – с крохотный глобус.
А я
боками учил географию –
недаром же
наземь
ночёвкой хлопаюсь!
Мутят Иловайских* большие вопросы:
– Была ль рыжа борода Барбароссы?* –
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я –
любая в Москве мне известна история!
Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть), –
фамилья ж против,
скулит родовая.
Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.
Научатся,
сядут –
чтоб нравиться даме,
мыслишки звякают лбёнками медненькими.
А я
говорил
с одними домами.
Одни водокачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши – что брошу в уши я.
А после
о ночи
и друг о друге
трещали,
язык ворочая – флюгер.
Взрослое
У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Душой отдыхаете на женах, на вдовах.

Меня

Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.

В сердца,

в часишки

любовницы тикают.

В восторге партнеры любовного ложа.

Столиц сердцебиение дикое

ловил я,

Страстную площадью лёжа.

Враспашку –

сердце почти что снаружи –

себя открываю и солнцу и луже.

Входите страстями!

Любовями влазьте!

Отныне я сердцем править не властен.

У прочих знаю сердца дом я.

Оно в груди – любому известно!

На мне ж

с ума сошла анатомия.

Сплошное сердце –

гудит повсеместно.

О, сколько их,

одних только вёсен,

за 20 лет в распалённого ввалено!

Их груз нерастраченный – просто несносен.

Несносен не так,

для стиха,

а буквально.

Что вышло

Больше чем можно,

больше чем надо –

будто

поэтовым бредом во сне навис –

комоч сердечный разросся громадой:

громада любовь,

громада ненависть.

Под ношей

ноги

шагали шатко –

ты знаешь,

я же

ладно сложен –

и всё же

тащусь сердечным придатком,

плеч подгибая косую сажень.

Взбухаю стихов молоком

– и не вылиться –

некуда, кажется – полнится заново.

Я вытомлен лирикой –

мира кормилица,

гипербола

праобраза Мопассанова*.

Зову

Поднял силачом,

понес акробатом.

Как избирателей сзывают на митинг,

как сёла

в пожар

созывают набатом –

я звал:

«А вот оно!

Вот!

Возьмите!»

Когда

такая махина ахала –

не глядя,

пылью,
грязью,
сугробом
дашьё
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,
нам вроде танго бы...»
Нести не могу –
и несую мою ношу.
Хочу её бросить –
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат рёбровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.
Ты
Пришла –
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть –
как девочка мячиком.
И каждая –
чудо будто видится –
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его –
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.
Невозможно
Один не смогу –
не снесу рояля
(тем более –
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватит –
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя –
богатством в железо –
запрятал,
хожу
и радуюсь Крезом*.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.
Так и со мной
Флоты – и то стекаются в гавани.
Поезд – и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней
– я же люблю! –
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я к тебе возвращаюсь, –
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.
Вывод
Не смоят любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемя торжественно стих строкопёрстый,
клянусь –
люблю
неизменно и верно!
[1922]

IV Интернационал*

I открытое письмо маяковского ЦК РКП, объясняющее некоторые его, Маяковского, поступки[4]

Были белые булки.

Более

звезд.

Маленькие.

И то по фунту.

А вы

уходили в подполье,

готовясь к голодному бунту.

Жили, жря и ржа.

Мир

в небо отелями вылез,

лифт франтих винтил по этажам спокойным.

А вы

в подпольи таились,

готовясь к грядущим войнам.

В креслах времен

незыблем

капитализма зад.

Жизнь

стынет чаем на блюдце.

А вы –

уже! –

смотрели в глаза

атакующим дням революций.

Вывернувшись с изнанки,
выкрасив бороду,
гоняли изгнанники
от города к городу.
В колизеи душ,
в стадионы-го́ловы,
еле-еле взнеся их в парижский чердак,
собирали в цифры,
строили голь вы
так –
притекшие человеческой кашей
с плантаций,
с заводов –
обратно
шагали в марше
стройных рабочих взводов.
Фарами фирмы марксовой
авто диалектики врезалось в годá.
Будущее рассеивало мрак свой.
И когда
Октябрь
пришел и зáлил,
огневой галоп,
казалось,
не взнуздает даже дым,
вы
в свои
железоруки
взяли
революции огнедымые бразды.
Скакали и прямо,
и вбок,
и криво.
Кронштадтом конь*.
На дыбы.
Над Невою.
Бедой Ярославля горит огнегривый*.
Царицын сковал в кольцо огневое.
Гора.
Махнул через гору –
и к новой.
Бездна.
Взвился над бездной –
и к бездне.
До крови с-под ногтя
в загривок конёвый
вцепившийся
мчался и мчался наездник.
Восторжен до крика,
тревожен до боли,
я тоже
в бешеном темпе галопа
по меди слов языком колоколил,
ладонями рифм торжествующе хлопал.
Доскакиваем.
Огонь попритушен.
Чадит мещанство.
Дымится покамест.
Но крепко
на загнанной конской туше
сидим,
в колени зажата боками.
Сменили.
Битюг трудовой.
И не мешкая,
мимо развалин,
пожарищ мимо мы.
Головешку за головешкою

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Машинин
притушим.
иными развеясь дымами.
Во тьме
без пути
по развалинам лазая,
твой конь дрожит,
спотыкается тычась твой.
Но будет:
Шатурское*
тысячеглазое
пути сияньем прозрит электричество.
Пойди,
битюгом Россию промеряй-ка!
Но будет миг,
верую,
скоро у нас
паровозная встанет Америка.
Высверлит пулей поля и горы.
Въезжаем в Поволжье,
корезжит вид его.
Костями устелен.
Выжжен.
Чахл.
Но будет час
жития сытого,
в булках,
в калачах.
И тут-то вот
над земною точкою
загнулся огромный знак вопроса.
В грядущее
тыкаюсь
пальцем-строчкой,
в грядущее
глазом образа вросся.
Коммуна!
Кто будет пить молоко из реки ея?
Кто берег-кисель расхлебает опоен?
Какие их мысли?
Любови какие?
Какое чувство?
желанье какое?
Сейчас же,
вздымая культурнейший вой,
патент старье коммуне выдало:
«что будет?
Будет спаньем,
едой
себя развлекать человечье быдло.
что будет?
Асфальтом зальются улицы.
Совдепы вычинят в пару лет.
И в праздник
будут играть
пролеткультицы*
в сквере
перед совдепом
в крокет.
Свистит любой афиши плеть:
– Капут Октябрю!
Октябрь не выгорел! –
Коммунисты
толпами
лезут млеть
в Онегине,
в Сильве,
в Игоре.
К гориллам идете!

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
К духовной дырке!
К животному возвращаетесь вспять!
От всей
вековой
изошренной лирики
одно останется:
– Мужчина, спать! –
В монархию,
В коммуны ль мещанина выселим мы.
И в городе-саде ваших дач
он будет
одинаково
работать мыслью
только над счетом кухаркиных сдач.
Уже настало.
Смотрите –
вот она!
На месте ваших вчерашних чаяний
в кафках,
нажравшись пироженью рвотной,
коммуны славя, расселись мещане.
Любовью
какой обеспечит Собес?!
Семашко ль поможет душ калекам?!»
Довольно!
Мы возьмемся,
если без
нас
об этом подумать некому.
Каждый омолаживайся!
Спешите
юношество
душу седую из себя вытрясти.
Коммунары!
Готовьте новый бунт
в грядущей
коммунистической сытости.
Во имя этого
награждайте Академиком
или домом –
ни так
и ни даром –
я не стану
ни замом,
ни предом,
ни помом,
ни даже продкомиссаром.
Бегу.
Растет
за мной,
эмигрантом,
людей и мест изгонявших черта.
Знаю:
придет,
взбарабаню,
и грянет там...
Нынче ж
своей голове
на чердак
загнанный,
грядущие бунты славлю.
В марксову диалектику
стосильные
поэтические моторы ставлю.
Смотрите –
ряды грядущих лет текут.
Взрывами мысли головы содрогая,
артиллерией сердец ухая,

встает из времен
революция другая –
третья революция
духа.
Штык–язык остри и три!
Глаза на прицел!
На перевес уши!
Смотри!
Слушай!
Чтоб душу врасплох не смяли,
чтоб мозг не опрокинули твой –
эй-ка! –
Смирно!
Ряды вздвой,
мысль–красногвардейка.
Идите все
от Маркса до Ильича вы,
все,
от кого в века лучи.
Вами выученный,
миры величавые
вижу –
любой приходи и учись!
[1922]

Пятый Интернационал*

8 частей

Часть первая

Приказ № 3

Прочесть по всем эскадрильям футуристов, крепостям классиков, удушливогазным командам символистов, обозам реалистов и кухонным командам имагинистов.

Где еще

– разве что в Туле? –

позволительно становиться на поэтические ходули?!

Провинциям это!..

«Ах, как поэтично...

как возвышенно...

Ах!»

Я двадцать лет не ходил в церковь.

И впредь бывать не буду ни в каких церквах.

Громили Василия Блаженного*.

Я не стал теряться.

Радостный,

вышел на пушечный зов.

Мне ль

вычеканивать венчики аллитераций

богу поэзии с образами образóв.

Поэзия – это сиди и над розой ной...

Для меня

невыносима мысль,

что роза выдумана не мной.

я 28 лет отращиваю мозг

не для обнюхивания,

а для изобретения роз.

Надсоны,

не в ревность

над вашим сонмом

эта

моя

словостройка взвеена.

Я стать хочу

в ряды Эдисонам*,

Лениным в ряд,

в ряды Эйнштейнам*.

Я обкармливал.

Я обкармливался деликатесами дóсыта.

Ныне –

мозг мой чист.
Язык мой гол.
Я говорю просто –
фразами учебника Марго*.
Я
поэзии
одну разрешаю форму:
краткость,
точность математических формул.
К болтовне поэтической я слишком привык, –
я еще говорю стихом, а не напрямик.
Но если
я говорю:
«А!» –
это «а»
атакующему человечеству труба.
Если я говорю:
«Б!» –
это новая бомба в человеческой борьбе.
Я знаю точно – что такое поэзия. Здесь описываются мною интереснейшие события,
раскрывшие мне глаза. Моя логика неоспорима. Моя математика непогрешима.

Внимание!
Начинаю.
Аксиома:
Все люди имеют шею.
Задача:
Как поэту пользоваться ею?
Решение:
Сущность поэзии в том,
чтоб шею сильнее закрутить винтом.
Фундамент есть.
Начало благополучно.
По сравнению с Гершензоном* даже получается научно.
Я и начал!
С настойчивостью Леонардо да Винчевою*,
закручу,
раскручу
и опять довинчиваю.
(Не думаю,
но возможно,
что это
немного
похоже даже на самоусовершенствование йога*.)
Постепенно,
практикуясь и тужась,
я шею так закрутил,
что просто ужас.
В том, что я сказал,
причина коренится,
почему не нужна мне никакая заграница.
Ехать в духоте,
трястись,
не спать,
чтоб потом на Париж паршивый пялиться?!
Да я его и из Пушкина вижу,
как свои
пять пальцев.
Мой способ дешевый и простой:
руки в карманы заложил и стой.
Вставши,
мысленно себя вытягивай за уши.
Так
через год
я
мог
шею свободно раскручивать на вершок.
Прохожие развозмущались.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский.
Потом привыкли.
Наконец,
и смеяться перестали даже –
мало ли, мол, какие у футуристов бывают блажи.
А с течением времени
пользоваться даже стали –
при указании дороги.
«Идите прямо, –
тут еще стоят такие большие-большие ноги.
Ноги пройдет, и сворачивать пора –
направо станция,
налево Акулова гора».
Этой вот удивительной работой я был занят чрезвычайно долгое время.

Я дней не считал.
И считать на что вам!
Отмечу лишь:
сквозь еловую хвою,
года отшумевши с лесом мачтовым,
леса перерос и восстал головою.
Какой я к этому времени –
даже определить не берусь.
Человек не человек,
а так –
людогусь.
Как только голова поднялась над лесами, обзираю окрестность.
Такую окрестность и обозреть лестно.
Вы бывали в Пушкине (Ярославская ж. д.) так в 1925–30 году? Были болота.
Пахалось невесть чем. Крыши – дыры. Народ крошечный. А теперь!

В красных,
в зеленых крышах села!
Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый!
У станции десятки линий.
Как только не путаются –
не вмещает ум.
Станция помножилась на 10 – минимум.
«Серьезно» –
поздно
является.
Молодость – известное дело – забавляется.
Нагибаюсь.
Глядя на рельсовый путь,
в трубу паровозу б сверху подуть.
Дамы мимо.
Дым им!
Дамы от дыма.
За дамами дым.
Дамы в пыль!
Дамы по луже.
Бегут.
Расфыркались.
Насморк верблюжий.
Винты дальше!
Пушкино* размельчилось.
Исчезло, канув.
Шея растягивается
– пожарная лестница –
голова
уже,
разве что одному Ивану
Великому*
ровесница.
Москва.
Это, я вам доложу, – зрелище. Домá. Дома необыкновенных величин и красот.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Помните,
дом Нирензее*
стоял,
над лачугами крышицу взвеивая?
Так вот:
теперь
под гигантами
грибочком
эта самая крыша Нирензеевая.
Улицы циркулем выведены. Электричество ожерельями выложило булыжник. Диадимищами горит в театральных лбах. Горящим адрес-календарем пропечатывают ночь рекламы и вывески. Из каждой трубы – домовьей, пароходной, фабричной – дым. Работа. Это Москва – 940–950 года во всем своем великолепии.

Винти!
Водопьяный переулочек* разыскиваю пока,
Москва стуманилась.
Ока змейнула.
Отзмеилась Ока.
Горизонт бровями лесными хмурится.
Еще винчусь.
Становища Муромца
из глаз вон.
К трем морям
простор
одуряющ и прям.
Волга,
посредине Дон,
а направо зигзагища Днепра.
До чего ж это замечательно!
Глобус – и то хорошо. Рельефная карта – еще лучше. А здесь живая география.
Какой-нибудь Терек – жилкой трепещет в дарьяльском виске. Волга игрушечная переливается фольгой. То розовым, то голубым акварелит небо хрусталик Араратика.

Даже размечтался – не выдержал.
Воздух
голосом прошлого
ветрится басов...
Кажется,
над сечью облачных гульб
в усах лучей
головища Тарасов
Бульб.
Еще развинчиваюсь,
и уже
бежит глаз
за русские рубежи.
Мелькнули
валяющиеся от войны дробилки:
Латвии,
Литвы
и т. п. политические опилки.
Гущей тел искалеченных, по копям скрученным,
тяжко,
хмуро,
придавленная версальскими печатями сургучными,
Германия отрабатывается на дне Рура.
На большой Европейской дороге,
разбитую челюсть
Версальским договором перевязав,
зубами,
нож зажавшими, щерясь,
стоит француз-зуав*.
Швейцария.
Закована в горный панцырь.
Италия...
Сапожком на втором планце...
И уже в тумане:

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Испания...
Испанцы...
А потом океан – и никаких испанцев.
Заворачиваю шею в полоборотца.
За плечом,
ледниками ляская –
бронзовая Индия.
Встает бороться.
Лучи натачивает о горы Гималайские.
Поворачиваюсь круто.
Смотрю очумело.
На горизонте Япония,
Австралия,
Англия...
Ну, это уже пошла мелочь.
Я человек ужасно любознательный. С детства.
Пользуюсь случаем –
полюсы
полез осмотреть получше.
Наклоняюсь настолько низко,
что нос
мороз
выдергивает редиской.
В белом,
снегами светящемся мире
Куки*,
Пири*.
Отвоевывают за шажками шажок, –
в пуп земле
наугад
воткнуть флажок.
Смотрю презрительно,
чуть не носом тыкаясь в ледовитые пятна –
я вот
полюсы
дюжинами б мог
открывать и закрывать обратно.
Растираю льдышки обмороженных щек.
Разгибаюсь.
Завинчиваюсь еще.
Мира половина –
кругленькая такая –
подо мной,
океанами с полушария стекая.
Издали
совершенно вид апельсиний;
только тот желтый,
а этот синий.
Раза два повернул голову полным кругом. Кажется, наиболее интересные вещи
осмотрены.

Ну-с,
теперь перегнусь.
Пожалуйста!
Нате!
Соединенные
штат на штате.
Надо мной Вашингтоны,
Нью-Йорки.
В дыме.
В гаме.
Надо мной океан.
Лежит
и не может пролиться.
И сидят,
и ходят,
и все вверх ногами.
Вверх ногами даже самые высокопоставленные лица.

Наглядевшись американских дивёс,
как хороший подъемный мост,
снова выпрямляюсь во весь
рост.
Тут уже начинаются дела так называемые небесные.
Звезды огромнеют,
потому – ближе.
Туманна земля.
Только шумами дальними ухо лижет,
голоса в единое шумливо смеля.
Выше!
Тишь.
И лишь
просторы,
мирам открытые странствовать.
Подо мной,
надо мной
и насквозь светящее реянье.
Вот уж действительно
что называется – пространство!
Хоть руками щупай в 22 измерения,
Нет краев пространству,
времени конца нет.
Так рисуют футуристы едущее или идущее:
неизвестно,
что вещь,
что след,
сразу видишь вещь из прошедшего в грядущее.
Ничего не режут времени ножи.
Планеты сшибутся,
и видишь –
разом
разворачивается новая жизнь
грядущих планет туманом-газом.
Некоторое отступление. –
Выпустят из авиашколы летчика.
Долго ль по небу гоняет его?
И то
через год
у кареглазого молодчика
глаза
начинают просвечивать синевой.
Идем дальше.
Мое пребывание небом не считано,
и я
от зорь его,
от ветра,
от зноя
окрасился весь небесно-защитно –
тело лазоревосинесквозное.
Я так натянул мою материю,
что ветром
свободно
насквозь свистело, –
и я
титанисто
боролся с потерей
привычного
нашего
плотного тела.
Казалось:
миг –
и постройки масса
рухнет с ног
со всех двух.
Но я
оковался мысляй каркасом.
Выметаллизировал дух.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
Нервная система?
Черта лешего!
Я так разгимнастировал ее,
что по субботам,
вымыв,
в просушку развешивал
на этой самой системе белье.
Мысль –
вещественней, чем ножка рояльная.
Вынешь мысль из под черепа кровельки,
и мысль лежит на ладони,
абсолютно реальная,
конструкцией из светящейся проволоки.
Штопором развинчивается напрягшееся ухо.
Могу сверлить им
или
на бутылку нацелиться слухом
и ухом откупоривать бутылки.
Винты еще!
Тихо до жути.
Хоть ухо выколи.
Но уши слушали.
Уши привыкли.
Сперва не разбираю и разницу нот.
(Это всего-то отвинтившись версты на три!)
Разве выделишь,
если кто кого ругнет
особенно громко по общеизвестной матери.
А теперь
не то что мухин полет различают уши –
слышу
биенье пульса на каждой лапке мушьею.
Да что муха,
пустяк муха.
Слышу
каким-то телескопическим ухом:
мажорно
мира жернов
басит.
Выворачивается из своей оси.
Уже за час различаю –
небо в приливе.
Наворачивается облачный валун на валун им.
Это месяц, значит, звезды вывел
и сам
через час
пройдет новолунием.
Каждая небесная сила
по-своему голосила.
Раз!
Раз! –
это близко,
совсем близко
выворачивается Марс.
Пачками колец
Сатурн
расшуршался в балетной суете.
Вымахивает за туром тур он
свое мировое фуэтэ*.
По эллипсисам,
по параболам,
по кругам
засвистывают на невероятные лады.
Солнце-дирижер,
прибрав их к рукам,
шипит –
шипенье обливаемой сковороды.
А по небесному стеклу,

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
будто с чудовищного пера,
скрип
пронизывает оркестр весь.
Это,
выворачивая чудовищнейшую спираль,
солнечная система свистит в Геркулес*.
Настоящая какофония!
Но вот
на этом фоне я
жесткие,
как пуговицы,
стал нащупывать какие-то буквы.
Воздух слышу, –
расходятся волны его,
груз фраз на спину взвалив.
Перекидываются словомолниево
Москва
и Гудзонов залив.
Москва.
«Всем! Всем! Всем!
Да здравствует коммунистическая партия!
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Эй!»
Чикаго.
«Всем! Всем! Всем!
Джимми Долларс предлагает партию
откормленнейших свиней!»
Ловлю долетающее сюда извне.
В окружающее вросся.
Долетит –
и я начинаю звенеть и звенеть
антеннами глаза,
глотки,
носа.
Сегодня я добился своего. Во вселенной совершилось наивероятнейшее
превращение.

Пространств мировых одоления ради,
охвата ради веков дистанций
я сделался вроде
огромнейшей радиостанции.
С течением времени с земли стали замечать мое сооружение. Земля ошеломилась.
Пошли целить телескопы. Книга за книгой, за статьей статья. Политехнический
музей* взрывался непрекращающимися диспутами. Я хватал на лету радио важнейших
мнений. Сводка.

Те, кто не видят дальше аршина,
просто не верят:
«Какая такая машина??»
Поэты утверждают:
«Новый выпуск «истов»,
просто направление такое
новое –
унанимистов*».
Мистики пишут:
«Логос*».
Это всемогущество. От господ бога-с».
П.С. Коган*:
«Ну, что вы, право,
это
просто
символизируется посмертная слава».
Марксисты всесторонне обсудили диво.
Решили:
«Это
олицетворенная мощь коллектива».
А. В. Луначарский:
«Это он о космосе!»

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
Я не выдержал, наклонился и гаркнул на всю землю:
– Бросьте вы там, которые о космосе!
Что космос?
Космос далеко–с, мусью–с!
То, что я сделал,
это
и есть называемое «социалистическим поэтом».
Выше Эйфелей,
выше гор
– кепка, старое небо дырь! –
стою,
будущих былин Святогор
богатырь.
Чтоб поэт перерос веков сроки,
чтоб поэт
человечеством полководить мог,
со всей вселенной впитывай соки
корнями вросших в землю ног.
Товарищи!
У кого лет сто свободных есть,
можете повторно мой опыт произвести.
А захотелось на землю
вниз –
возьми и втянись.
Практическая польза моего изобретения:
при таких условиях
древние греки
свободно разгуливали б в тридцатом веке.
Часть вторая
Простите, товарищ Маяковский. Вот вы всё время орете – «социалистическое искусство, социалистическое искусство». А в стихах – «я», «я» и «я». Я радио, я башня, я то, я другое. В чем дело?

Для малограмотных
Пролеткультцы* не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультиста
все равно что неприличность.
И чтоб психология
была
«коллективней», чем у футуриста,
вместо «я–с–то»
говорят
«мы–с–то».
А по-моему,
если говорить мелкие вещи,
сколько ни заменяй «Я» – «Мы»,
не вылезешь из лирической ямы.
А я говорю
«Я»,
и это «Я»
вот,
балагурия,
прыгая по словам легко,
с прошлых
многовековых высот,
озирает высоты грядущих веков.
Если мир
подо мной
муравейника менее,
то куда ж тут, товарищи, различать местоимения?!
Теперь сама поэма
Напомню факты. Раскрутив шею, я остановился на каких-то тысячных метрах.

Подо мной земля –
капля из-под микроскопа:

ионадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубли и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
загогулина и палочка, палочка и загогулина..
Европа лежит грудой раскопок,
гулом пушек обложенная огульно.
Понятно,
видишь только самые общие пятна.
Вот
она,
Россия,
моя любимая страна.
Красная,
только что из революции горнила.
Рабочей
чудовищной силой
ворочало ее и гранило.
Только еле
остатки нэпа ржавчиной чернели.
А это Польша,
из лоскуточков ссучена.
Тут тебе сразу вся палитра.
Склей такую!
Потратила пилсудчина*
слюны одной тысячу литров.
Чувствуешь –
зацепить бы за лоскуточек вам,
и это
всё
разлезется по швам.
Германия –
кратера огнедышащий зной.
Камня,
пепла словесное сеянье.
Лава –
то застынет соглашательской желтизной,
то, красная,
дрожит революции землетрясением.
Дальше.
Мрак.
Франция.
Сплошной мильерановский фрак*.
Черный–черный.
Прямо синий.
Только сорочка блестит –
как блик на маслине.
Чем дальше – тем чернее.
Чем дальше – тем мрачнее.
Чем дальше – тем ночнее.
И на горизонте,
где Америка,
небо кроя,
сплошная чернотища выметалась икрою.
Иногда лишь
черноты горы
взрывались звездой света –
то из Индии,
то из Ангоры*,
то из Венгерской республики Советов*.
Когда же
сворачивался лучей веер,
день мерк –
какой расфееривался фейерверк!
Куда ни нагнись ты –
огнисто.
Даже ночью, даже с неба узнаю РСФСР.
Мало–помалу,
еле–еле,
но вместе с тем неуклонно,
неодолимо вместе с тем
подо мной

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

развертываются
огней параллели –
это Россия железнодорожит темь.
А там вон
в линиях огни поредели,
в кучи сбились,
горят тангово.
Это значит –
Париж открывает бордели
или еще какая из животоварных торговек.
Собрать бы молнии
да отсюда
в золотооконный
в этот самый
в Мулен
в Руж*...
Да разве попрешь?
Исторические законы!
Я марксист,
разумеется, не попру ж!
Если б вы знали,
с какой болью
ограничиваюсь свидетельской ролью.
Потушить антенны глаз. Настроить на 400 000 верст антенны слуха!

Сначала
– молодое рвение –
радостно принимал малейшее веянье.
Ловлю перелеты букв-пуль.
Складываю.
Расшифровываю,
волнуясь и дрожа.
И вдруг:
«Ллойд-Джордж зовет в Ливерпуль*.
На конференцию.
Пажа-пажа*!!»
Следующая.
Благой мат.
Не радио,
а Третьяков в своем «Рыде*»:
«Чего не едете?
Эй, вы,
дипломат!
Послезавтра.
Обязательно!
В Мадриде!»
До чего мне этот старик осточертел!
Тысячное радио.
Несколько слов:
«Ллойд-Джордж.
Болезнь.
Надуло лоб.
Отставка.
Вызвал послов.
Конференция!»
Конотоп!
Черпнешь из другой воздушной волны.
Волны
другой чепухой полны.
«Берлину
Париж:
Гони монету!»
«Парижу
Берлин:
Монет нету!»
«Берлину.
У аппарата Фош*.
Платите! –

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский «а то зазвените».

«Парижу,
что ж,
заплатим,
извините».
И это в конце каждого месяца.
От этого
даже Аполлон Бельведерский* взбесится.
А так как
я
человек, а не мрамор,
то это
меня
извело прямо.
Я вам не в курзале под вечер летний,
чтоб слушать
эти
радиосплетни.
Завинчусь.
Не будет нового покамест –
затянусь облаками-с.
Очень оригинальное ощущение. Головой провинтил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя голова.

Мореет тучами.
Облаком застит.
И я
на этом самом
на море
горой-головой плыву головастиль –
второй какой-то брат черноморий*.
Эскадры
верблюдокорабледраконы.
Плывут.
Иззолочены солнечным крезом.
И встретясь с фантазией ультра-Маркони*,
об лоб разбиваемы облакорезом.
Громище.
Закатится
с тучи
по скату,
над ухом
грохотом расчересчурясь.
Втыкаю в уши облака вату,
стою в тишине, на молнии щурясь.
И дальше летит
эта самая лета*;
не злобствуя дни текут и не больствуя,
а это
для человека
большое удовольствие.
Стою спокойный. Без единой думы. Тысячесилием воли сдерживаю антенны. Не гудеть!

Лишь на извилах подсознательных,
проселков окольней,
полумысль о культуре проходящих поколений:
раньше
аэро
шуршали о голени,
а теперь
уже шуршат о колени.
Так
дни
текли и текли в покое.
Дни дотекли.
И однажды
расперегрязнуло такое,

что я
затрясся антенной каждой.
Колонны ног,
не колонны – стебли.
Так эти самые ноги колеблет.
В небо,
в эту облакову няньку,
сквозь земной
непрекращающийся зуд,
все законы природы вывернув наизнанку,
в небо
с земли разразили грозу.
Уши –
просто рушит.
Радиосмерч.
«Париж...
Согласно Версальскому
Пуанкаре да Ллойд...»
«Вена.
Долой!»
«Париж.
Фош.
Врешь, бош.
Берегись, унтер...»
«Berlin.
Runter!» [5]
«Вашингтон.
Закрывать Европе кредит.
Предлагаем должникам торопиться со взносом».
«Москва.
А ну!
Иди!
Сунься носом».
За радио радио в воздухе пляшет.
Воздух
в сплошном
и грозобуквом ералаше.
Что это! Скорее! Скорее! Увидеть. Раскидываю тучи. Ладонь ко лбу. Глаза укрепил
над самой землей. Вчера еще закандаленная границами, лежала здесь Россия
одиноким красным оазисом. Пол-Европы горит сегодня. Прорывает огонь границы
географии России. А с запада на приветствия огненных рук огнеплетет германский
пожар. От красного тела России, от красного тела Германии огненными руками
отделились колонны пролетариата. И у Данцига –

пальцами армий,
пальцами танков,
пальцами фоккеров*
одна другой руку жала.
И под пальцами
было чуть-чуть мокро
там,
где пилсудчина коридорами лежала. –
Влились. Сплошное огневище подо мной. Сжалось. Напряглось. Разорвалось звездой.

Надрывающиеся вопли:
«Караул!
Стой!»
А это
разливается пятиконечной звездой
в пять частей оторопевшего света.
Вот
один звездозуб,
острый,
узкий,
врезывается в край земли французской.
Чернота старается.
Потушить бы,
поймать.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

А у самих
в тылу
разгорается кайма.
Никогда эффектнее не видал ничего я!
Кайму протягивает острие лучевое.
Не поможет!
Бросьте назад дуть.
Красное и красное – слилось как ртуть.
Сквозь Францию
дальше,
безудержный,
грозный,
вгрызывается зубец красноточный.
Ору, восторженный:
– Не тштитесь!
Ныне
революции не залить.
Склонись перед нею! –
А луч
взбирается на скат Апеннинский.
А луч
рассвечивается по Пиренею.
Сметая норвежских границ следы,
по северу
рвется красная буря.
Здесь
луч второй прожигает льды,
до полюса снега опурпурия.
Поезда чище
лился Сибирию третий лучище.
Красный поток его
уже почти докатился до Токио.
Четвертого лучища жар
вонзил в юго-восток зубец свой длинный,
и уже
какой-то
поджаренный раджа
лучом
с Гималаев
сбит в долины.
Будто проверяя
– хорошо остра ли я, –
в Австралию звезда.
Загорелась Австралия.
Правее – пятый.
Атакуют такой же.
Играет красным у негров по коже.
Прошел по Сахаре,
по желтому клину,
сиянье
до южного полюса кинул.
Размахивая громадными руками, то зажигая, то туша глаза, сеть уха вылавливая
каждое слово, я весь изработался в неодолимой воле – победить. Я облаками
маскировал наши колонны. Маяками глаз указывал места легчайшего штурма. Путаю
вражьи радио. Все ливни, все лавы, все молнии мира – охажую собираю, обрушиваю
на черные головы врагов. Мы победим. Мы не хотим, мы не можем не победить.
Только Америка осталась. Перегибаюсь. Сею тревогу.

Дрожит Америка:
революции демон
вступает в Атлантическое лоно..
Впрочем,
сейчас это не моя тема,
это уже описано
в интереснейшей поэме «Сто пятьдесят миллионов».
Кто прочтет ее, узнает, как победили мы. Отсылаю интересующихся к этой истории.
А сам

замер;
смотрю,
любуюсь,
и я
вижу:
вся земная масса,
сплошь подмятая под красноезвездные острия,
красная,
сияет вторым Марсом.
Видением лет пролетевших взволнован,
установка
восторгаться в победном раже,
я
голову
в небо заправил снова
и снова
стал
у веков на страже.
Я видел революции,
видел войны.
Мне
и голодный надоел человек.
Хоть раз бы увидеть,
что вот,
спокойный,
живет человек меж веселий и нег.
Радуюсь просторам,
радуюсь тишине,
радуюсь облачным нивам.
Рот
простор разжиженный пьет.
И только
иногда
вычесываю лениво
в волосы запутавшееся
звездное репье.
Словно
стекло
время, –
текло, не текло оно,
не знаю, –
вероятно, текло.
И, наконец, через какое-то время –
тучи в клочки,
в клочки-клички.
Исчезло все
до последнего
бледного
облачка.
Смотрю на землю, восторженно полюбиваясь.
На всём
вокруг
ни черного очень,
ни красного,
но и ни белого не было.
Земшар
сияньем сплошным раззолочен,
и небо
над шаром
раззолотонёбело.
Где раньше
река
водищу гоняла,
лила наводнения,
буйна,
гола, –
теперь
геометрия строгих каналов

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Мамин-Мирогор в руслу спокойно легла.

Где пыль
вздыхалась,
ветрами дуета,
Сахары охрились, жаром ленья, –
росли
из земного
из каждого дюйма,
строения и зеленя.
Глаз –
восторженный над феерией рей!
Реальнейшая
подо мною
вон она –
жизнь,
мечтаемая от дней Фурье*,
Роберта Оуэна* и Сен-Симона*.
Маяковский!
Опять человеком будь!
Силой мысли,
нервов,
жил
я,
как стоверстную подзорную трубу,
тихо шеищу сложил.
Небылицей покажется кое-кому.
А я,
в середине XXI века,
на Земле,
среди Федерации Коммун –
гражданин ЗЕФЕКА.
Самое интересное, конечно, начинается отсюда. Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца XXI века. А я знаю. Именно это и описывается в моей третьей части.

[1922]

Про это*
Про что – про это?
В этой теме,
□□□□и личной
□□□□□□и мелкой,
перепетой не раз
□□□□□□и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.
Эта тема
□□□□сейчас
□□□□□□и молитвой у Будды
и у негра водрит на хозяев нож.
Если Марс,
□□□□и на нем хоть один сердцелюдый,
то и он
□□□□сейчас
□□□□□□скрипит
□□□□□□□□про то ж.
Эта тема придет,
□□□□□□калеку за локти
подтолкнет к бумаге,
□□□□□□□□прикажет:
– Скреби! –
И калека
□□□□с бумаги
□□□□□□срывается в клёкоте,
только строчками в солнце песня рябит.
Эта тема придет,
позвонится с кухни,
повернется,

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

□□□□сгинет шапчонкой гриба,
и гигант
□□□□постоит секунду
□□□□□□□□и рухнет,
под записочной рябью себя погребя.
Эта тема придет,
□□□□□□□□прикажет:

– Истина! –

Эта тема придет,
□□□□□□□□велит:

– Красота! –

И пускай

□□□□перекладиной кисти раскистены –
только вальс под нос мурлычешь с креста.
Эта тема азбуку тронет разбегом –
уж на что б, казалось, книга ясна! –
и становится

– А –

□□□□□□□□недоступней казбека.

Замутит,

□□□□□□□□оттянет от хлеба и сна.

Эта тема придет,

□□□□□□□□вовек не износится,

только скажет:

– Отныне гляди на меня! –

И глядишь на нее,

□□□□□□□□и идешь знаменосцем,
красношелкий огонь над землей знамени.

Это хитрая тема!

□□□□□□□□нырнет под события,
в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь

– посмели забыть ее! –

затрясет;

□□□□□□□□посыпятся души из шкур.

Эта тема ко мне заявила гневная,
приказала:

– Подать

□□□□□□□□дней удила! –

Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.

Эта тема пришла,

□□□□□□□□остальные оттерла

и одна

□□□□□□□□безраздельно стала близка.

Эта тема ножом подступила к горлу.

Молотобоец!

□□□□□□□□от сердца к вискам.

Эта тема день истемнила, в темень
колотись – велела – строчками лбов.

Имя

□□□□этой

□□□□□□теме:

.!

I

Баллада Редингской тюрьмы*

Стоял – вспоминаю. Был этот блеск. И это тогда называлось Невою.

Маяковский, «Человек».

(13 лет работы, т. 2, стр. 77)

О балладе и о балладах

Немолод очень лад баллад,
но если слова болят
и слова говорят про то, что болят,
молодеет и лад баллад.

Лубянский проезд*.

□□□□□□□□водопьяный*.

Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

«Он» и «она» баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то,

Ч то «он» – это я

и то, что «она» –

моя.

При чем тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решеток окошки домика!

Это вас не касается.

Говорю – тюрьма.

Стол.

На столе соломинка.

По кабелю пущен номер

Тронул еле – волдырь на теле.

Трубку из рук вон.

Из фабричной марки –

две стрелки яркие

омолнили телефон*.

Соседняя комната.

Из соседней

сонно:

– Когда это?

Откуда это живой поросенок? –

Звонок от ожогов уже визжит,

добела раскален аппарат.

Больна она!

Она лежит!

Беги!

Скорей!

Пора!

Мясом дымясь, сжимаю жжение.

Моментально молния телом забегала.

Стиснул миллион вольт напряжения.

Ткнулся губой в телефонное пекло.

Дыры

сверля

в доме,

взрыв

Мясницкую*

пашней,

рвя

кабель,

номер

пулей

летел

барышне.

Смотрел осовело барышнин глаз –

под праздник работай за двух.

Красная лампа опять зажглась.

Позвонила!

Огонь потух.

И вдруг

как по лампам пошло куролесить,

вся сеть телефонная рвется на нити.

– 67–10!*

Соедините! –

В проулок!

□□□□Скорей!

□□□□□□□□Водопьяному в тишь!

Ух!

□□А то с электричеством станется –

под Рождество

□□□□□□на воздух взлетишь

со всей

□□□□со своей

□□□□□□□□телефонной

□□□□□□□□□□станцией.

Жил на Мясницкой один старожил.

Сто лет после этого жил –

про это лишь –

□□□□□□□□сто лет! –

говаривал детям дед.

– Было – суббота...

□□□□□□□□под воскресенье...

Окорочок...

□□□□Хочу, чтоб дешево...

Как вдарит кто-то!..

□□□□□□□□Землетрясение...

Ноге горячо...

□□□□□□Ходун – подошва!.. –

Не верилось детям,

□□□□□□□□чтоб так-то

□□□□□□□□□□да там-то.

Землетрясение?

□□□□□□□□Зимой?

□□□□□□□□□□У почтамта*?!

Телефон бросается на всех

Протиснувшись чудом сквозь тоненький шнур,

раструба трубки разинув оправу,

погромом звонков грома тишину,

разверг телефон дребезжащую лаву.

Это визжащее,

□□□□□□звнящее это

пальнуло в стены,

□□□□□□□□старалось взорвать их.

Звончинки

□□□□□□тыщей

□□□□□□□□от стен

□□□□□□□□□□рикошетом

под стулья закатывались

□□□□□□□□□□и под кровати.

Об пол с потолка звончище хлопал.

И снова,

□□□□□□звнящий мячище точно,

взлетал к потолку, ударившись об пол,

и сыпало вниз дребезгою звоночной.

Стекло за стеклом,

□□□□□□□□вьюшку за вьюшкой

тянуло

□□□□звенеть телефонному в тон.

Тряся

□□□□ручоночкой

□□□□□□□□дом-погремушку,

тонул в разливе звонков телефон.

Секундантша

От сна

□□□□чуть видно –

□□□□□□□□точка глаз

иголит щеки жаркие.

Ленясь, кухарка поднялась,

идет,

□□□□кряхтя и харкая.

Моченым яблоком она.

Морщият мысли лоб ее.

– Кого?

□□□□Владим Владимыч?!

□□□□□□□□□□□□А! –

Пошла, туфлёю шлепая.

Идет.

□□□Отмеряет шаги секундантом.

Шаги отдаляются...

□□□□□□□□□□Слышатся еле...

Весь мир остальной отодвинут куда-то,
лишь трубкой в меня неизвестное целит.

Просветление мира

Застыли докладчики всех заседаний,
не могут закончить начатый жест.

Как были,

□□□□рот разинув,

□□□□□□□□□□□□сюда они

смотрят на Рождество из Рождеств.

Им видима жизнь

□□□□□□□□от дрызг и до дрызг.

Дом их –

□□□□единая будняя тина.

Будто в себя,

□□□□□□в меня смотрясь,

ждали

□□□□смертельной любви поединок.

Окаменели сиренные рокоты.

Колес и шагов суматоха не вертит.

Лишь поле дуэли

□□□□□□□□да время–доктор

с бескрайним бинтом исцеляющей смерти.

Москва –

□□□□□□за Москвой поля примолкли.

Моря –

□□□□□□за морями горы стройны.

Вселенная

□□□□□□вся

□□□□□□как будто в бинокле,

в огромном бинокле (с другой стороны).

Горизонт распрямылся

□□□□□□□□□□□□ровно–ровно.

Тесьма.

□□□□Натянут бичевкой тугой.

Край один –

□□□□□□я в моей комнате,

ты в своей комнате – край другой.

А между –

□□□□□□такая,

□□□□□□□□□□какая не снится,

какая–то гордая белой обновой,

через вселенную

□□□□□□□□легла Мясницкая

миниатюрой кости слоновой.

Ясность.

□□□□Прозрачайшей ясностью пытка.

В Мясницкой

□□□□□□деталью искуснейшей выточки

кабель

□□□□тонюсенький –

□□□□□□□□□□□□ну, просто нитка!

И всё

□□□вот на этой вот держится ниточке.

Дуэль

Раз!

□□□Трубку наводят.

□□□□□□□□□□Надежду

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Мабрось.

□□□□Два!
□□□□□□Как раз
остановилась,
□□□□□□не дрогнув,
□□□□□□□□□□между
моих
□□□□мольбой обволокнувших глаз.
Хочется крикнуть медлительной бабе:
– Чего задаетесь?
□□□□□□□□Стоите Дантесом*.
Скорей,
□□□□□□скорей просверлите сквозь кабель
пулей
□□□□любого яда и веса. –
Страшнее пуль –
□□□□□□□□оттуда
□□□□□□□□□□сюда вот,
кухаркой оброненное между зевот,
проглоченным кроликом в брюхе удава
по кабелю,
□□□□□□вижу,
□□□□□□□□слово ползет.
Страшнее слов –
□□□□□□□□из древнейшей древности,
где самку клыком добывали люди еще,
ползло
□□□□из шнура –
□□□□□□□□□□скребущейся ревности
времен троглодитских тогдашнее чудище.
А может быть...
□□□□□□□□Наверное, может!
Никто в телефон не лез и не лезет,
нет никакой троглодичьей рожи.
Сам в телефоне.
□□□□□□□□Зеркалюсь в железе.
Возьми и пиши ему ВЦИК циркуляры!
Пойди – эту правильность с Эрфуртской* сверь!
Сквозь первое горе
□□□□□□□□бессмысленный,
□□□□□□□□□□□□□□ярый,
мозг поборов,
□□□□□□проскребается зверь.
Что может сделаться с человеком!

Красивый вид.
□□□□□□Товарищи!
□□□□□□□□□□□□взвесьте!
В Париж гастролировать едущий летом,
поэт,
□□□□почтенный сотрудник «Известий»,
царапает стул когтём из штиблета.
Вчера человек –
□□□□□□□□единым махом
клыками свой размедведил вид я!
Косматый.
□□□□□□Шерстью свисает рубаха.
Тоже туда ж!?
□□□□□□□□В телефоны бабахать!?
К своим пошел!
□□□□□□□□□□В моря ледовитые!
Размедвеженье

Медведем,
□□□□□□когда он смертельно сердится,
на телефон
□□□□□□грудь
□□□□□□□□□□на врага тяну.

А сердце
глубже уходит в рогатину!
Течет.
□□□Ручьища красной меди.
Рычание и кровь.
□□□□□□□□Лакай, темнота!
Не знаю,
□□□□□плачут ли,
□□□□□□□□нет медведи,
но если плачут,
□□□□□□□□то именно так.
То именно так:
□□□□□без сочувственной фальши
скулят,
□□□□заливаясь ущельной длиной.
И именно так их медвежий Бальшин*,
скуленьем разбужен, ворчит за стеной.
Вот так медведи именно могут:
недвижно,
□□□□□задравши морду,
□□□□□□□□□□как те,
повыть,
□□□□□извыться
□□□□□□□□и лечь в берлогу,
царапая логово в двадцать когтей.
Сорвался лист.
□□□□□□□□Обвал.
□□□□□□□□□□Беспокоит.
Винтовки-шишки
□□□□□□□□не грохнули б враз.
Ему лишь взмедведиться может такое
сквозь слезы и шерсть, бахромящую глаз.
Протекающая комната

Кровать.
□□□□□Железки.
□□□□□□□□□□Барахло одеяло.
Лежит в железках.
□□□□□□□□□□Тихо.
□□□□□□□□□□Вяло.
Трепет пришел.
□□□□□□□□Пошел по железкам.
Простынь постельная треплется плеском.
Вода лизнула холодом ногу.
Откуда вода?
□□□□□□□□Почему много?
Сам наплакал.
□□□□□□□□□□Плакса.
□□□□□□□□□□Слякоть.
Неправда –
□□□□□□□□□□столько нельзя наплакать.
Чёртова ванна!
□□□□□□□□□□Вода за диваном.
Под столом,
□□□□□□□□□□за шкафом вода.
С дивана,
□□□□□□□□□□сдвинут воды задеваньем,
в окно проплыл чемодан.
Камин...
□□□□□Окуроч...
□□□□□□□□□□Сам кинул.
Пойти потушить.
□□□□□□□□□□Петушится.
□□□□□□□□□□□□□□Страх.
Куда?
□□□□□К какому такому камину?
Верста.
□□□□□За верстою берег в кострах.

Размыло всё,
□□□□□□даже запах капустный
с кухни
□□□□всегдашний,
□□□□□□□□приторно сладкий.
Река.
□□□Вдали берега.
□□□□□□□□как пусто!
Как ветер воет вдогонку с ладоги!
Река.
□□□Большая река.
□□□□□□□□Холодина.
Рябит река.
□□□□я в середине.
Белым медведем
□□□□□□□□взлез на льдину,
плыву на своей подушке-льдине.
Бегут берега,
□□□□□□за видом вид.
Подо мной подушки лед.
С ладоги дует.
□□□□□□вода бежит.
Летит подушка-плот.
Плыву.
□□□□Лихорадюсь на льдине-подушке.
Одно ощущение водой не вымыто:
я должен
□□□□не то под кроватные дужки,
не то
□□□под мостом проплыть под каким-то.
Были вот так же:
□□□□□□□□ветер да я.
Эта река!..
□□□□□□не эта.
□□□□□□□□Иная.
Нет, не иная!
□□□□□□Было –
□□□□□□□□□□стоял.
Было – блестело.
□□□□□□□□Теперь вспоминаю.
Мысль растёт.
□□□□□□□□Не справлюсь я с нею.
Назад!
□□□□□□Вода не выпустит плот.
Видней и видней...
□□□□□□□□Ясней и яснее...
Теперь неизбежно...
□□□□□□□□□□Он будет!
□□□□□□□□□□□□□□Он вот!!!
Человек из-за 7-ми лет

Волны устои стальные моят.
Недвижный,
□□□□□□□□страшный,
□□□□□□□□□□упершись в бока
столицы,
□□□□□□в отчаяньи созданной мною,
СТОИТ
□□□□на своих стоэтажных быках.
Небо воздушными скрепами вышил.
Из вод феерией стали восстал.
Глаза подымаю выше,
□□□□□□□□□□выше...
Вон!
□□□□Вон –
□□□□□□□□□□опершись о перила моста...
Прости, Нева!
□□□□□□□□Не прощает,

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубли и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

гонит.

Сжался!

Не сжалился бешеный бег.

Он!

Он –

у небес в воспаленном фоне,

прикрученный мною, стоит человек.

Стоит.

Разметал изросшие волосы.

Я уши лаплю.

Напрасные мнешь!

Я слышу

мой,

мой собственный голос.

Мне лапы дырявит голоса нож.

Мой собственный голос –

он молит,

он просится:

– Владимир!

Остановись!

Не покинь!

Зачем ты тогда не позволил мне

броситься!

С размаху сердце разбить о быки?

Семь лет я стою.

Я смотрю в эти воды,

к перилам прикручен канатами строк.

Семь лет с меня глаз эти воды не сводят.

Когда ж,

когда ж избавления срок?

Ты, может, к ихней примазался касте?

Целуешь?

Ешь?

Отпускаешь брюшко?

Сам

в ихний быт,

в их семейное счастье

намереваешься пролезть петушком?!

Не думай! –

Рука наклоняется вниз его.

Грозится

сухой

в подмостную кручу.

– Не думай бежать!

Это я

вызвал.

Найду.

Загоню.

Доконую.

Замучу!

Там,

в городе,

праздник.

Я слышу гром его.

Так что ж!

Скажи, чтоб явились они.

Постановленья неси исполкомово.

Муку мою конфискуй,

отмени.

Пока

по этой

по Невской

по глуби

спаситель-любовь

не придет ко мне,

скитайся ж и ты,

и тебя не полюбят.

Греби!

□□□□Тони меж домовых камней! –
Спасите!

Стой, подушка!
□□□□□□Напрасное тщенье.
Лапой гребу –
□□□□□□плохое весло.
Мост сжимается.
□□□□□□□□Невским течением
меня несло,
□□□□□□несло и несло.
Уже я далёко.
□□□□□□Я, может быть, за день.
За дeнь
□□□□□□от тени моей с моста.
Но гром его голоса гонится сзади.
В погоне угрозу паруса распластал.
– Забыть задумал нековский блеск?!
Ее заменишь?!
□□□□□□Некем!
По гроб запомни переплеск,
плескавший в «Человеке». –
Начал кричать.
□□□□□□Разве это осилите?!
Буря басит –
□□□□□□не осилить вовек.
Спасите! Спасите! Спасите! Спасите!
Там
□□□□на мосту
□□□□□□на Неве
□□□□□□□□человек!

II

Ночь под Рождество
фантастическая реальность

Бегут берега –
□□□□□□□□за видом вид.
Подо мной –
□□□□□□подушка-лед.
Ветром ладожским гребень завит.
Летит
□□□□льдышка-плот.
Спасите! – сигналю ракетой слов.
Падаю, качкой добитый.
Речка кончилась –
□□□□□□□□□□море росло.
Океан –
□□□□□□большой до обиды.
Спасите!
□□□□□□Спасите!..
□□□□□□□□□□Сто раз подряд
реву батареей пушечной.
Внизу
□□□□подо мной
□□□□□□□□растет квадрат,
остров растет подушечный.
Замирает, замирает,
□□□□□□□□□□замирает гул.
Глуше, глуше, глуше...
Никаких морей.
□□□□□□□□□□Я –
□□□□□□□□□□на снегу.
Кругом –
□□□□□□вёрсты суши.
Суша – слово.
□□□□□□□□□□Снегами мокра.
Подкинут метельной банде я.
Что за земля?

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
и грустью ранься!
Распливайся в процыганенном романсе.
Романс

Мальчик шел, в закат глаза уставя.
Был закат непревзойдимо желт.
Даже снег желтел к Тверской заставе.
Ничего не видя, мальчик шел.

Шел,
вдруг
встал.
В шелк
рук
сталь.

С час закат смотрел, глаза уставя,
за мальчишкой легшую кайму.

Снег хрустя разламывал суставы.
Для чего?

Зачем?
Кому?

Был воров-ветром мальчишка обыскан.
Попала ветру мальчишки записка.
Стал ветер Петровскому парку звонить:

– Прощайте...

Кончаю...

Прошу не винить...

Ничего не поделаешь

До чего ж
на меня похож!
Ужас.

Но надо ж!

Дернулся к луже.

Залитую курточку стягивать стал.

Ну что ж, товарищ!

Тому еще хуже –

семь лет он вот в это же смотрит с моста.

Напялил еле –

другого калибра.

Никак не намылишься –

зубы стучат.

Шерстищу с лапищ и с мордищи выбрил.

Гляделся в льдину...

бритвой луча...

Почти,

почти такой же самый.

Бегу.

Мозги шевелят адресами.

Во-первых,

на Пресню*,

туда,

по задворкам.

Тянет инстинктом семейная норка.

За мной

всероссийские,

теряясь точкой,

сын за сыном,

дочка за дочкой.

Всехные родители

– Володя!

На Рождество!

Вот радость!

Радость-то во!.. –

Прихожая тьма.

Электричество комната.

Сразу –

наискось лица родни.

– Володя!
Господи!
Что это?
В чем это?
Ты в красном весь.
Покажи воротник!
– Не важно, мама,
дома вымою.
Теперь у меня раздолье –
вода.
Не в этом дело.
Родные!
Любимые!
Ведь вы меня любите?
любите?
да?
Так слушайте ж!
Тетя!
Сестры!
Мама!
Тушите елку!
Заприте дом!
Я вас поведу...
вы пойдете...
Мы прямо...
сейчас же...
все
возьмем и пойдём.
Не бойтесь –
это совсем недалёко –
600 с небольшим этих крохотных верст*.
Мы будем там во мгновение ока.
Он ждёт.
Мы вылезем прямо на мост.
– Володя,
родной,
успокойся! –
Но я им
на этот семейственный писк голосков:
– Так что ж?!
Любовь заменяете чаем?
Любовь заменяете штопкой носков?
Путешествие с мамой

Не вы –
не мама Альсандра Альсеевна*.
Вселенная вся семьею засеяна.
Смотрите,
мачт корабельных щетина –
в Германию врезался Одера клин.
Слезайте, мама,
уже мы в Штеттине.
Сейчас,
мама,
несем в Берлин.
Сейчас летите, мотором урча, вы:
Париж,
Америка,
Бруклинский мост,
Сахара,
и здесь
с негритоской курчавой
лакает семейкой чай негритос.
Сомнете периной
и волю
и камень.
Коммуна –
и то завернется комом.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский
Столетия

жили своими домками
и нынче зажили своим домкомом!
Октябрь прогремел,
карающий,
судный.

Вы
под его огнелёрым крылом
расставились,
разложили посудины.
Паучьих волос не расчешешь колом.
Исчезни, дом,
родимое место!
Прощайте! –
Отбросил ступеней последок.
– Какое тому поможет семейство?!
Любовь цыплячья!
Любовишка наседок!
Пресненские миражи

Бегу и вижу –
всем в виду
кудринскими вышками*
себе навстречу
сам
иду
с подарками подмышками.
Мачт крестами на буре распластан,
корабль кидает балласт за балластом.
Будь проклята,
опустошенная легкость!
Домами оскалила скалы далекость.
Ни люда, ни заставы нет.
Горят снега,
и голо.
И только из-за ставенек
в огне иголки елок.
Ногам вперекор,
тормозами на быстрые
вставали стены, окнами выстроясь.
По стеклам
тени
фигурками тира
вертелись в окне,
зазывали в квартиры.
С Невы не сводит глаз,
продрог,
стоит и ждет –
помогут.
За первый встречный за порог
закидываю ногу.
В передней пьяный проветривал бредни.
Стрезвел и дернул стремглав из передней.
Зал заливался минуты две:
– Медведь,
медведь,
медведь,
медв-е-е-е-е... –
Муж феклы Давидовны со мной и со всеми знакомыми

Потом,
извертясь вопросительным знаком,
хозяин полглаза просунул:
– Однако!

Маяковский!
Хорош медведь! –
Пошел хозяин любезностями медоветь:
– Пожалуйста!

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Прощу–с.
Ничего –
я боком.
Нечаянная радость*–с, как сказано у Блока.
Жена – Фекла Двидна.
Дочка,
точь–в–точь
в меня, видно –
семнадцать с половиной годочков.
А это...
Вы, кажется, знакомы?! –
Со страха к мышам ушедшие в норы,
из–под кровати полезли партнеры.
Усища –
к стеклам ламповым пыльники –
из–под столов пошли собутыльники.
Ползут с–под шкафа чтецы, почитатели.
Весь безлицый парад подсчитать ли?
Идут и идут процессией мирной.
Блестят из бород паутиной квартирной.
Все так и стоит столетья,
как было.
Не бьют –
и не тронулась быта кобыла.
Лишь вместо хранителей духов и фей
ангел–хранитель* –
жилец в галифе.
Но самое страшное:
по росту,
по коже
одеждой,
сама походка моя! –
в одном
узнал –
близнецами похожи –
себя самого –
сам
я.
С матрацев,
вздымая постельные тряпки,
клопы, приветствуя, подняли лапки.
Весь самовар рассиялся в лучики –
хочет обнять в самоварные ручки.
В точках от мух
веночки
с обоев
венчают голову сами собою.
Взыграли туш ангелочки–горнисты,
пророзовев из иконного глянца.
Исус,
приподняв
веночек тернистый,
любезно кланяется.
Маркс,
впряженный в алую рамку,
и то тащил обывательства лямку.
Запели птицы на каждой на жердочке,
герани в ноздри лезут из кадочек.
Как были
сидя сняты
на корточках,
радушно бабушки лезут из карточек.
Раскланялись все,
ослабились враз;
кто басом фразу,
кто в дискант
дьячком.
– С праздничком!

□□□□С праздничком!
□□□□□□С праздничком!
□□□□□□□□С праздничком!
□□□□□□□□□□С праз –
нич –
□□□ком! –
Хозяин
□□□□то тронет стул,
□□□□□□□□□□то дунет,
сам со скатерти крошки вымел.
– Да я не знал!..
□□□□□□□□Да я б накануне...
Да, я думаю, занят...
□□□□□□□□Дом...
□□□□□□□□□□Со своими...
Бессмысленные просьбы

Мои свои?!
□□□□д-а-а-а –
□□□□□□□□это особы.
Их ведьма разве сыщет на венике!
Мои свои
□□□□□□с Енисея
□□□□□□□□да с Оби
идут сейчас,
□□□□□□□□следят четвереньки.
Какой мой дом?!
Сейчас с него.
Подушкой-льдом
плыл Невой –
мой дом
меж дамб
стал льдом,
и там...
Я брал слова
□□□□□□то самые вкрадчивые,
то страшно рыча,
□□□□□□□□то вызвоня лирово.
От выгод –
□□□□□□на вечную славу сворачивал,
молил,
□□□грозил,
□□□□□□просил,
□□□□□□□□агитировал.
– Ведь это для всех...
□□□□□□□□для самих...
□□□□□□□□□□□□для вас же...
Ну, скажем, «Мистерия*» –
□□□□□□□□□□ведь не для себя ж?!
Поэт там и прочее...
□□□□□□□□□□ведь каждому важен...
Не только себе ж –
□□□□□□□□□□ведь не личная блажь...
Я, скажем, медведь, выражаясь грубо...
Но можно стихи...
□□□□□□□□□□ведь сдирают шкуру?!
Подкладку из рифм поставишь –
□□□□□□□□□□□□□□и шуба!..
Потом у камина...
□□□□□□□□там кофе...
□□□□□□□□□□□□□□курят...
Дело пустяшно:
□□□□□□□□ну, минут на десять...
Но нужно сейчас,
□□□□□□□□□□пока не поздно...
Похлопать может...
□□□□□□□□□□Сказать –
□□□□□□□□□□□□□□надейся!..

Но чтоб теперь же...
□□□□□□□□□□чтоб это серьезно... –
Слушали, улыбаясь, именитого скомороха.
Катали пò столу хлебные мякиши.

Слова об лоб
□□□□□□и в тарелку –
□□□□□□□□□□горохом.
Один расчувствовался,
□□□□□□□□□□вином размягший:

– Поооостой...
□□□□□□поооостой...
Очень даже и просто.

Я пойду!..
□□□□□□Говорят, он ждет...
□□□□□□□□□□□□на мосту...

Я знаю...
□□□□□□Это на углу Кузнецкого моста.

Пустите!
□□□□□□Нуюся! –

По углам –
□□□□□□зуд:
– Назззз-ю-зззюкался!

Будет нить!
Поесть, попить,
попить, поесть –
и за бб!

Теорию к лешему!
Нэп –

□□□□□□практика.
Налей,

□□□□□□нарежь ему.
Футурист,

□□□□□□налягте-ка! –
Ничуть не смущаясь челюстей целостью,
пошли греметь о челюсть челюстью.

Шли
□□□□□□из артезианских прорв
меж рюмкой
□□□□□□□□□□слова поэтических споров.

В матрац,
□□□□□□□□□□поздоровавшись,
□□□□□□□□□□□□влезли клопы.
На вещи насела столетняя пыль.

А тот стоит –
□□□□□□□□□□в перила вбит.

Он ждет,
□□□□□□□□□□он верит:
□□□□□□□□□□□□скоро!

Я снова лбом,
□□□□□□□□□□я снова в быт
вбиваюсь слов напором.

Опять
□□□□□□атакую и вкривь и вкось.

Но странно:
□□□□□□□□□□слова проходят насквозь.

Необычайное

Стихает бас в комариные трельки.
Подбитые воздухом, стихли тарелки.

Обои,
□□□□□□□□□□стены
□□□□□□□□□□блёлкли...
□□□□□□□□□□блёлкли...

Тонули в серых тонах офортных.
Со стенки

□□□□□□□□□□на город разросшийся
□□□□□□□□□□□□□□□□Бёклин*

Москвой расставил «Остров мертвых».

Давным-давно.

□□□□□□□□□□□□□□
теперь.

□□□□□□□□□□□□□□
И нету прощя!

Вон

□□□□□□□□□□□□□□
в лодке,

□□□□□□□□□□□□□□
скутан саваном,
недвижный перевозчик*.

Не то моря,

□□□□□□□□□□□□□□
не то поля –

их шорох тишь стерт весь.

А за морями –

□□□□□□□□□□□□□□
тополя

возносят в небо мертвость.

Что ж –

□□□□□□□□□□□□□□
ступлю!

□□□□□□□□□□□□□□
И сразу

□□□□□□□□□□□□□□
тополи

сорвались с мест,

□□□□□□□□□□□□□□
пошли,

□□□□□□□□□□□□□□
затопали.

Тополы стали спокойствия мерами,

ночей сторожами,

□□□□□□□□□□□□□□
милиционерами.

Расчетверившись,

□□□□□□□□□□□□□□
белый Харон

стал колоннадой почтамтских колонн.

Деваться некуда

Так с топором влезают в сон,

обметят спящелобых –

и сразу

□□□□□□□□□□□□□□
исчезает всё,

и видишь только обух.

Так барабаны улиц

□□□□□□□□□□□□□□
в сон

войдут,

□□□□□□□□□□□□□□
и сразу вспомнится,

что вот тоска

□□□□□□□□□□□□□□
и угол вон,

за ним

□□□□□□□□□□□□□□
она –

□□□□□□□□□□□□□□
виновница.

Прикрывши окна ладонью угла,

стекло за стеклом вытягивал с краю.

Вся жизнь

□□□□□□□□□□□□□□
на карты окон легла.

Очко стекла –

□□□□□□□□□□□□□□
и я проиграю.

Арап –

□□□□□□□□□□□□□□
миражей шулер –

□□□□□□□□□□□□□□
по окнам

разметил нагло веселия крап.

Колода стекла

□□□□□□□□□□□□□□
торжеством яркоогним

сияет нагло у ночи из лап.

Как было раньше –

□□□□□□□□□□□□□□
вырасти б,

стихом в окно влететь.

Нет,

□□□□□□□□□□□□□□
никни к стённой сырости.

И стих

□□□□□□□□□□□□□□
и дни не те.

Морозят камни.

□□□□□□□□□□□□□□
дрошь могил.

И редко ходят веники.

Плевками,

□□□□□□□□□□□□□□
снявши башмаки,

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

вступаю на ступеньки.
Не молкнет в сердце боль никак,
кует к звену звено.
Вот так,
□□□□убив,
□□□□□□Раскольников*
пришел звенеть в звонок.
Гостьё идет по лестнице...
Ступеньки бросил –
□□□□□□□□стенкою.
Стараюсь в стенку вплесниться,
и слышу –
□□□□струны тенькают.
Быть может, села
□□□□□□□□вот так
□□□□□□□□□□невзначай она.
Лишь для гостей,
□□□□□□□□для широких масс.
А пальцы
□□□□сами
□□□□□□в пределе отчаянья
ведут бесшабашье, над горем глумясь.
Друзья

А вóроны гости?!
□□□□□□□□дверье крыло
раз сто по бокам коридора исхлопано.
Горлань горланья,
□□□□□□□□оранья орло
ко мне доплеталось пьяное дóпьяна.
Полоса
щели.
Голосá
еле:
«Аннушка* –
ну и румянушка!»
Пирог...
□□□□□□Печка...
Шубу...
□□□□Помогает...
□□□□□□□□□□□□С плечика...
Сглушило слова уанстепным* темпом,
и снова слова сквозь темп уанстепа:
«Что это вы так развеселились?
Разве?!»
Слились...
Опять полоса осветила фразу.
Слова непонятны –
□□□□□□□□□□особенно сразу.
Слова так
□□□□□□□□(не то чтоб со зла):
«Один тут сломал ногу,
так вот веселимся, чем бог послал,
танцуем себе понемногу».
Да,
их голосá.
□□□□□□□□Знакомые выкрики.
Застыл в узнаваньи,
□□□□□□□□□□расплющился, нем,
фразы крою по выкриков выкройке.
Да –
□□□□это они –
□□□□□□□□они обо мне.
Шелест.
□□□□листают, наверное, ноты.
«Ногу, говорите?
□□□□□□□□Вот смешно-то!»
И снова

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

□□□□в тостах стаканы исчоканы,
и сыплют стеклянные искры из щек они.

И снова

□□□□пьяное:

«Ну и интересно!

Так, говорите, пополам и треснул?»
«Должен огорчить вас, как ни грустно,
не треснул, говорят,

□□□□□□□□а только хрустнул».

И снова

□□□□хлопанье двери и карканье,
и снова танцы, полами исшарканные.

И снова

□□□□стен раскаленные степи
под ухом звенят и вздыхают в тустепе*.
Только б не ты

Стою у стенки.

□□□□□□я не я.

Пусть бредом жизнь смолотась.

Но только б, только б не ея

невыносимый голос!

Я день,

□□□□я год обыденщине предал,
я сам задыхался от этого бреда.

Он

жизнь дымком квартирошным выел.

Звал:

□□□решишь

□□□□□□с этажей

□□□□□□□□□□в мостовые!

Я бегал от зова разинутых окон,
любя убегал.

□□□□□□пускай однобоко,

пусть лишь стихом,

□□□□□□□□лишь шагами ночными –

строчишь,

□□□□□□и становятся души строчными,

и любишь стихом,

□□□□□□□□а в прозе немею.

Ну вот, не могу сказать,

□□□□□□□□□□не умею.

Но где, любимая,

□□□□□□□□где, моя милая,

где

– в песне! –

□□□□□□□□любви моей изменил я?

Здесь

□□□каждый звук,

□□□□□□□□□□чтоб признаться,

□□□□□□□□□□□□□□чтоб кликнуть.

А только из песни – ни слова не выкинуть.

Вбегу на трель,

□□□□□□на гаммы.

В упор глазами

□□□□□□в цель!

Гордясь двумя ногами,

Ни с места! – крикну. –

□□□□□□□□□□цел! –

Скажу:

– Смотри,

□□□□□□□□даже здесь, дорогая,

стихами грома обыденщины жуть,

имя любимое оберегая,

тебя

□□□в проклятьях моих

□□□□□□□□□□обхожу.

Приди,

разотзовись на стих.
Я, всех оббегав, – тут.
Теперь лишь ты могла б спасти.
Вставай!
Бежим к мосту! –
Быком на бойне
под удар
башку мою нагнул.
Сбору себя,
пойду туда.
Секунда –
и шагну.
Шагание стиха

Последняя самая эта секунда,
секунда эта
стала началом,
началом
невероятного гуда.
Весь север гудел.
Гудения мало.
По дрожи воздушной,
по колебанию
догадываюсь –
оно над Любанью*.
По холоду,
по хлопанию дверью
догадываюсь –
оно над Тверью*.
По шуму –
настежь окна раскинул –
догадываюсь –
кинулся к Клину*.
Теперь грозой Разумовское* залил.
На Николаевском* теперь
на вокзале.
Всего дыхание одно,
а под ногой
ступени
пошли,
поплыли ходуном,
вздымаясь в невской пене.
Ужас дошел.
В мозгу уже весь.
Натягивая нервов строй,
разгуживаясь всё и разгуживаясь,
взорвался,
пригвоздил:
– Стой!
Я пришел из-за семи лет,
из-за верст шести ста*,
пришел приказать:
Нет!
Пришел повелеть:
Оставь!
Оставь!
Не надо
ни слова,
ни просьбы.
Что толку –
тебе
одному
удалось бы?!
Жду,
чтоб землей обезлюбленной
вместе,
чтоб всей
мировой

человечьей гущей.
Семь лет стою,
буду и двести
стоять пригвожденный,
этого ждущий.
У лет на мосту
на презренье,
на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачусь,
за всех расплачусь. –
Ротонда

Стены в тустепе ломались
на три,
на четверть тона ломались,
на сто...
Я, стариком,
на каком-то Монмартре
лезу –
стотысячный случай –
на стол.
Давно посетителям осточертело.
Знают заранее
всё, как по нотам:
буду звать
(новое дело!)
куда-то идти,
спасать кого-то.
В извинение пьяной нагрузки
хозяин гостям объясняет:
– Русский! –

Женщины –
мяса и тряпок вязанки –
смеются,
стащить стараются
за ноги:
«Не пойдем.
дудки!
Мы – проститутки».
Быть Сены полосе б Невои!
Грядущих лет брызгой
хожу по мгле по Сеновой
всей нынчести изгой.
Сажённый,
обсмеянный,
сажённый,
битый,
в бульварах
пору через каски военщины:
– Под красное знамя!
шагайте!
По быту!
Сквозь мозг мужчины!
Сквозь сердце женщины! –
Сегодня
гнали
в особенном раже.
Ну и жара же!
Полусмерть

Надо
немного обветрить лоб.
Пойду,
пойду, куда ни вело б.
Внизу свистят сержанты-трельщики.

Тело

□□□□с панели

□□□□□□уносят метельщики.

Рассвет.

□□□□Подымаюсь сенскою сенью,
синематографской серой тенью.

Вот –

□□□□гимназистом смотрел их

□□□□□□□□□□□□□□с парты –

мелькают сбоку Франции карты.

Воспоминаний последним током

тащился прощаться

□□□□□□□□□□к странам Востока.

Случайная станция

С разлету рванулся –

□□□□□□□□□□и стал,

□□□□□□□□□□□□и на мель.

Лохмотья мои зацепились штанами.

Ощупал –

□□□□□□скользко,

□□□□□□□□□□луковка точно.

Большое очень.

□□□□□□□□□□Испозолочено.

Под луковкой

□□□□□□колоколов завыванье.

Вечер зубцы стенные выкаймил.

На Иване я

Великом.

Вышки кремлевские пиками.

Московские окна

□□□□□□□□□□видятся еле.

Весело.

□□□□□□Елками зарождествели.

В ущелья кремлёвы волна ударяла:

то песня,

□□□□□□то звона рождественский вал.

С семи холмов,

□□□□□□низвергаясь Дарьялом,

бросала Тереком

□□□□□□□□□□праздник

□□□□□□□□□□□□□□Москва.

Вздымается волос.

□□□□□□□□□□Лягушкую тужусь.

Боюсь –

□□□□□□оступлюсь на одну только пядь,

и ЭТОТ

□□□□старый

□□□□□□рождественский ужас

меня

□□□□по Мясницкой закружит опять.

Повторение пройденного

Руки крестом,

□□□□□□крестом

□□□□□□□□□□на вершине,

ловлю равновесие,

□□□□□□□□□□страшно машу.

Густеет ночь,

□□□□□□□□не вижу в аршине.

Луна.

□□□□□□□□□□Подо мною

□□□□□□□□□□льдистый Машук.

Никак не справлюсь с моим равновесием,

как будто с Вербы* –

□□□□□□□□□□□□□□руками картонными.

Заметят.

□□□□□□□□□□Отсюда виден весь я.

Смотрите –
Кавказ кишит Пинкертонами*.
Заметили.
Всем сообщили сигналом.
Любимых,
друзей
человечьи ленты
со всей вселенной сигналом согнали.
Спешат рассчитаться,
идут дуэлянты.
Щетинясь,
щерясь
еще и еще там...
Плюют на ладони.
Ладонями сочными,
руками,
ветром,
нещадно,
без счета
в мочалку щеку истрепали пощечинами.
Пассажи –
перчаточных лавок початки,
дамы,
духи развевая паточные,
снимали,
в лицо швыряли перчатки,
швырялись в лицо магазины перчаточные.
Газеты,
журналы,
зря не глазейте!
На помощь летящим в морду вещам
ругней
за газетиной взвейся газетина.
Слухом в ухо!
Хватай, клевета!
И так я калека в любовном боленьи.
Для ваших оставьте помоев ушат.
Я вам не мешаю.
К чему оскорбленья!
Я только стих,
я только душа.
А снизу:
– Нет!
Ты враг наш столетний.
Один уж такой попался* –
гусар!
Понюхай порох,
свинец пистолетный.
Рубаху враспашку!
Не праздную трусá! –
Последняя смерть

Хлеще ливня,
грома бодрей,
Бровь к брови,
ровненько,
со всех винтовок,
со всех батарей,
с каждого маузера и браунинга,
с сотни шагов,
с десяти,
с двух,
в упор –
за зарядом заряд.
Станут, чтоб перевести дух,
и снова свинцом сорят.
Конец ему!
В сердце свинец!

Чтоб не было даже дрожи!

В конце концов –

□□□□□□□□всему конец.

Дрожи конец тоже.

То, что осталось

Окончилась бойня.

□□□□□□□□Веселье клокочет.

Смакуя детали, разлезлись шажком.

Лишь на Кремле

□□□□□□□□поэтовы клочья

сияли по ветру красным флажком.

Да небо

□□□□попрежнему

□□□□□□□□лирикой звёздится.

Глядит

□□□□в удивленьи небесная звезда –

затрубачурила Большая Медведица*.

Зачем?

□□□□В королевы поэтов пролезть?

Большая,

□□□□неси по векам-Арааратам

сквозь небо потопа

□□□□□□□□ковчегом-ковшом!

С борта

□□□□звездолётом

□□□□□□□□медведьинским братом

горланю стихи мирозданию в шум.

Скоро!

□□□□Скоро!

□□□□□□□□Скоро!

В пространство!

□□□□□□□□пристальной!

Солнце блестит горы.

Дни улыбаются с пристани.

Прошение на имя...

Прошу вас, товарищ химик, заполните сами!

Пристает ковчег.

□□□□□□□□Сюда лучами!

Пристань.

□□□□Эй!

□□□□□□Кидай канат ко мне!

И сейчас же

□□□□□□ощутил плечами

тяжесть подоконничьих камней.

Солнце

□□□□ночь потопа высушило жаром.

У окна

□□□□в жару встречаю день я.

Только с глобуса – гора Килиманджаро*.

Только с карты африканской – Кения*.

Голой головою глобус.

Я над глобусом

□□□□□□□□от горя горблюсь.

Мир

□□□□хотел бы

□□□□□□в этой груди горя

настоящие облапить груди-горы.

Чтобы с полюсов

□□□□□□□□по всем жильям

лаву раскатил, горящ и каменист,

так хотел бы разрыдаться я,

медведь-коммунист.

Столбовой отец мой

□□□□□□□□дворянин,

кожа на моих руках тонка.

Может,

□□□□я стихами выхлебаю дни,

только руку протянуть –
пуля
мигом
в жизнь загробную
начертит гремящий путь.
Что мне делать,
если я
вовсю,
всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей
мир
верил,
верую.
Вера

Пусть во что хотите жданья удлинятся –
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того,
что кажется –
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.
Мне ли спрашивать –
да эта ли?
да та ли?!

Вижу,
вижу ясно, до деталей.
Воздух в воздух,
будто камень в камень,
недоступная для тленов и крошений,
рассиявшись,
выситя веками
мастерская человечьих воскрешений.
Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб.
Книга –
«Вся земля», –
выискивает имя.
Век двадцатый.
Воскресить кого б?
– Маяковский вот...
Поищем ярче лица –
недостаточно поэт красив. –
Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
– Не листай страницы!
Воскреси!
Надежда

Сердце мне вложи!
Кровищу –
до последних жил.
В череп мысль вдолби!
Я свое, земное, не дожйл,
на земле
свое не долюбил.
Был я сажень ростом.
А на что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.
Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,
вплющился очками в комнатный футляр.
Что хотите, буду делать даром –

ЧИСТИТЬ,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Я могу служить у вас
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Швейцары у вас есть?
Был я весел –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
если горе наше непролазно?
Нынче
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Мало ль что бывает –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
или горе...
Позовите!
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Я шарадами гипербол,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
буду развлекать,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
стихами балагурия.
Я любил...
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Не стоит в старом рыться.
Больно?
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Пусть...
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Живешь и болью дорожась.
Я зверье еще люблю –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
у вас
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
зверинцы
есть?
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Пустите к зверю в сторожа.
Я люблю зверье.
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
Увидишь собачонку –
тут у булочной одна –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
сплошная плешь, –
из себя
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
еешь!
Любовь

Может,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
может быть,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
когда-нибудь
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
дорожкой зоологических аллей
и она –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
она зверей любила –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
тоже ступит в сад,
улыбаясь,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
вот такая,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
как на карточке в столе.
Она красивая –
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
ее, наверно, воскресят.
Ваш
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
тридцатый век
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
обгонит стаи
сердце раздиравших мелочей.
Нынче недолюбленное
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
наверстаем
звездностью бесчисленных ночей.
Воскреси
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
хотя б за то,
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
что я
□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□
поэтом
ждал тебя,

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

откинул будничную чушь!
Воскреси меня
хотя б за это!
Воскреси –
свое дожить хочу!
Чтоб не было любви – служанки
замужеств,
похоти,
хлебов.
Постели прокляв,
встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.
Чтоб день,
который горем старящ,
не христарадничать, моля.
Чтоб вся
на первый крик:
– Товарищ! –
оборачивалась земля.
Чтоб жить
не в жертву дома дырам.
Чтоб мог
в родне
отныне
стать
отец
по крайней мере миром,
землей по крайней мере – мать.
[1923]

Агитплакаты, 1922

Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов! [6]*
Прочитай, посмотри и выполни это:
Обыкновенно публика помогает так:
внесет пятак
и рада –
сделала, что надо!
Дойдет пятак до голодных мест –
крестьянин кусочек хлеба съест
и снова зубы на полку.
В случайной помощи мало толку.
И жертвователя такого спросим гневно:
«Сам-то ты обедаешь ежедневно?
И крестьянин ежедневно хочет есть.
Значит, и помощь надо ежедневно несть».
Не вразброд,
не случайно,
а день за днем –
помогай голодающему, заботься о нем.
Помните!
Голод не побежден пока.
Берите голодающих на иждивение.
Жертвуйте деньгами!
Уделяйте часть пайка!
[1922]

В РСФСР 130 миллионов населения*

Голодает десятая часть – 13 миллионов человек.
Каждые обеспеченные десять должны дать одному есть.
1. Голод растет. Положение отчаянное.
А помощь слабая. Неравномерная. Случайная.
Сейчас кормим процентов до двадцати.
Остальным – хоть в могилу идти.
2. Всем! Всем! Всем необходимо бороться с голодом!
Эту борьбу надо вести ежедневно,
как постоянную революционную работу.
Кто и как может проявить о голодающих заботу?
3. Каждый рабочий должен 3 фунта хлеба в месяц дать голодным в Поволжье.

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

4. Каждые 30 рабочих и служащих
усыновите одного ребенка из голодных мест!
Или шлите необходимое ему в село,
или пусть у вас живет и ест.
5. Каждый крестьянин тоже
3 фунта хлеба в месяц отчислять должен.
6. Чтобы дети не вымерли с голоду,
не превратились в бродяг и воров –
усыновите одного ребенка каждые 10 дворов.
7. Кто не принял до сих пор экстренных мер –
с Красной Армии бери пример.
Мы еще раскачиваемся пока, –
а Красная Армия
уже
взяла детей на содержание.
Отчисляет проценты жалованья.
Отчисляет часть пайка.
8. Красной Армии за это
от всех голодающих великое спасибо.
Так должны помогать и вы бы!
9. «10 человек, кормите одного голодного!»
«Главная наша забота – дети!»
На всех собраниях и сходах
проводите лозунги эти.
10. Профсоюзы, женотделы, комсомолы и сейчас
помогают голодающим детям, – но слабо.
Чтобы помощь реальной быть могла бы, –
несись по этим организациям, клич!
– Дежурь на вокзалах! –
– Подбирай беспризорных! –
11. – Увеличь починку белья! –
– Число субботников увеличь! –
12. Напрягайте работу, профсоюзы.
Цектран*! Продвигай грузы голодающим.
Береги от бандитов грузы!
13. Кооперация тоже вести работу должна и может!
Непокладая рук,
организовывай за пунктом питательный пункт!
Рубль падает.
Немедленно в продукты обращай деньги полученные!
Свяжи для обмена голодающие губернии и благополучные!
14. Не должно быть ни одного села,
в котором не было б специального лица,
ячейки, комиссии для связи с Помголом*.
Смотри, чтоб такая комиссия усиленно работу вела!
[1922]

Надо помочь голодающей Волге! Надо спасти голодных детей!*

Надо уничтожить болезни!
Средств у республики нет – трат много.
Поэтому в 1922 году в пользу голодающих
все облагаются специальным налогом.
Налогом облагается все трудоспособное население:
Все мужчины от 17 до 60
и все женщины от 17 до 55 лет.
Никому исключений нет. Смотрите – вот сколько с кого налога идет:
Если рабочий или служащий получает ставку до 9 разряда –
50 коп. золотом должны платить такие служащие и рабочие.
Прочие,
получающие свыше 9 разряда,
такие могут
платить 1 рубль налогу.
Крестьянин, не пользующийся наемным трудом,
1 рубль должен внести,
и 1 р. 50 коп. тот, у кого наемные рабочие есть.
Остальные граждане –
каждый
тоже

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
полтора рубля внести должен.
Следующих граждан освобождает от налога декрет:
Во-первых, красноармейцев и милиционеров –
у этих заработков нет.
Во-вторых, учащихся в государственных учреждениях не касается налог.
Учащемуся платить не из чего – надо, чтобы доучиться мог.
Лица, пользующиеся социальным обеспечением, освобождаются тоже.
Кому государство помогает – тот платить не может.
Если на попечении женщины нетрудоспособный или она имеет до 14 лет детей, –
налог не платить ей.
(Разумеется, если сами хозяйство ведут,
если нет ни няnek, ни горничных тут.)
Если домашняя хозяйка
обслуживает семью в пять человек или более пяти,
с нее налог не будет идти.
В голодающих местностях освобождается каждый крестьянин
(если в 21-м году он
от хлебофуражного налога освобожден),
с такого брать нечего, –
чтоб он прожить мог,
для этого и вводится теперешний налог.
Рабочие и крестьяне, не пользующиеся наемным трудом,
если у них семья большая или неработоспособных полный дом,
могут подать ходатайство.
Если нетрудоспособных много,
то свыше трех
на каждого ребенка до 14 лет и на каждого нетрудоспособного
45 к. скидывается налога.
Голод не терпит.
Весь налог должен быть отдан
не позднее 31 мая 1922 года.
Чтобы голодный прокормиться мог,
надо точно внести в срок.
□□□кто срок пропустит – наказать надо.
□□□с тех за каждый просроченный полный или неполный месяц
□□□взыскивается 100% месячного оклада.
□□□а кто до 30 июля налог не сдаст,
□□□думая, что с него взятки гладки,
□□□тот
□□□тройной налог внесет
□□□в принудительном порядке.
[1922]

Займем у бога*

1. У поповского бога
золота и серебра много.
2. Носится смерть над голодным людом.
Что-то помощь не идет с неба.
3. А золото под попами
лежит под спудом.
4. Сколько можно купить на него хлеба!
5. Мольбой не проймешь поповское пузо.
6. Наконец, попы решили –
чтоб не было конфуза,
не тратя зря наши деньжонки,
пожертвуем подвески дутые
да тряпье из старой одежонки.
7. Сколько ни плавь, из этого тряпья
не получишь для голодных ни копя.
«На, мол, тебе, убоже, что нам не гоже».
8. Для советского правительства
жизнь крестьян
поповского золота дороже.
9. Если попы помочь не хотят,
без попов поповским золотом поможем.
10. 16 февраля Президиум ВЦИК постановил:
11. Изъять из храмов драгоценные камни, золото и серебро.
12. Передать это ЦК Помгола и немедленно обратиться

на двенадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. На помощь голодающим все церковное добро. [1922]

«Граждане! Поймите же, наконец, голод дошел до ужаса...»*

Граждане! Поймите же, наконец,
голод дошел до ужаса. Надо дать есть.
Хлеба нет. Надо на золото его из-за границы привезть.
Мы нищи. А в церквях и соборах
драгоценностей ворох.
Не христиане, а звери те, кто скажут тут –
«не дадим золота – пусть мрут».

1. Есть ли золото, чтоб хлеб привезть?
Золото есть!

2. Например, в Троицком соборе есть «сень»:
фунта 4 золота да серебра пудов шесть, –
целое село каждый день могло б на сень на эту есть.

3. Это в одном соборе, а сколько их?

В России 4 лавры, 800 монастырей
и 60 000 храмов и соборных, и приходских, и домовых.

4. Если всё золото соберем и погрузим, –
семиверстный поезд наполнится им.

5. Если б золото было за хлеб отдано,
на голодающих хватило б на два года нам.
А если б купили засухоустойчивые семена –
на 10 лет для всей России хватило б нам.

Хлеба хватило б и для сева и для пищи,
еще б и тракторов 1000 приобрели
и агрономических школ открыли б полторы тысячи.

6. Цари не раз обирали церкви:

Петр I, чтоб орудия иметь –
переливал в пушки колокольную медь.

Андрея Боголюбского рать походом на Киев ходила –
все храмы разграбила и ризы взяла и паникадила.
И ничего, кроме славы,

не слышали цари от поповской оравы.

7. Раньше золото брали, чтоб людей убивать,
чтоб цари пили и ели,

так неужели ж нельзя на голодных брать?!
Всем пожертвовать надо для этой великой цели!

8. Мы берем ненужное золото, берем для голодных –
никто сказать не смеет, что это вот
против веры христианской идет.

В пещерах бедняками жили основатели веры вашей.

Сергей Радонежский служил в холщовой ризе,
причащал из деревянной чаши.

9. Честные поняли, не до разговоров тут:

в селе Давыдовке, Мелитопольского уезда, собрались,
решили и все драгоценности сдают.

10. Не большевики на изъятие решились. Смотрите, об этом вот
молит голодающий волжский народ:

«Мы просим от имени стонущего в муках голодного

народа отдать на борьбу с голодом

все то золото, бриллианты, другую церковную

утварь, которая не требуется в богослужении,

а служит роскошью в церквях».

Слезница симбирских крестьян.

11. Каждый рабочий знает, каждый крестьянин знает:

если купцы жертвовали чаши,

если помещик золотом отделывал иконостас –

для этого грабились прадеды наши,

для этого заставляли работать нас.

12. Нынче народ в нужде, народ по праву

может взять из храма и ризу и оправу.

Мы берем бесполезное богатство,

мы голодным нищим дадим хлеб!

Это

не кощунство, а исполнение Христова завета.

[1922]

«Нечего есть! Обсемениться нечем!..»*

Нечего есть! Обсемениться нечем!

В будущем году будет еще хуже,
если Волгу не обеспечим!

Падаль едят люди! Мертвых едят люди!

10 000 000 вымрет, если хлеба не будет.

Стой!

Вдумайся в этот расчет простой:

нужно для засева

и еды 1346 миллионов пудов.

Всего собрано в этом году: 741 миллион пудов.

Нехватка 605 миллионов пудов.

В России больше не получишь ни пуда.

Откуда взять остальное?

Откуда???

Хлеб у заграничных буржуев есть.

Даром не дадут,

надо золото несть.

Откуда золото взять нам?

Нища рабоче-крестьянская казна!

В церквах

много разного добра:

золота, бриллиантов, серебра.

Надо взять ценности из соборов,

синагог, костелов, мечетей.

Надо обратить золото в хлеб.

Смотрите вот:

Каждый фунт серебра семью в пять человек

до будущего урожая спасет.

Что церковные богатства дадут???

Россия обеспечится хлебом и в этом и в будущем году!!!

[1922]

Топливо – основа республики. Сейчас наше главное топливо – дрова*

Крестьяне, чтоб республика была обеспечена дровами,
5 000 000 куб. сажений должно быть заготовлено вами.

Вдвое против прошлогоднего дровяной план сокращен,
полностью, в 100%, должен быть выполнен он.

1. 13 000 000 куб. сажений заготовить и вывезти!

Такое задание в прошлом году на крестьянах лежало.

□□□□□Теперь – 5 000 000 –

по сравнению с прошлым годом совсем мало.

2. Крестьяне, раньше вам одним

на всю Республику приходилось запасаться дровами.

А теперь смотрите, только меньшая часть дровяного плана

в порядке повинности выполняется вами.

6 000 000 куб. саж. заготавливают для себя Главки и Центры.

На эти дрова с крестьянами частные договоры.

Останетесь довольны.

И наконец мелкие потребители

тоже добывают 3 500 000 сажений

самозаготовкой вольной.

3. В этом году с крестьянина меньше спрашивается, –

облегчение ему.

Почему?

Потому что раньше главное отопление было дровяное.

А теперь у нас есть и топливо иное:

есть у нас торф, нефть, уголь есть у нас.

В этом году, несмотря на тяжелые условия,

поднял производительность Донбасс.

4. Видит власть – топливо есть,

спешит облегчение крестьянину внести.

Нам навстречу должно пойти крестьянство со своей стороны –

полностью 100% дров должны быть крестьянством даны.

5. Берем на самое главное, на это вот:

без транспорта, без крупной промышленности,

без армии и крестьянство никак не проживет.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

6. Несознательный крестьянин скажет:

«Чего объяснять! Плати лучше ж,
дрова и получишь.

Разговор недолог:

повезем, коли уплатишь долг».

7. Скажем такой публике:

– Сами же вы, представители ваши
сидят у власти,
сами пересчитывают казенные рублики.
Если чего не додали из денег
или из пищи,

это оттого, что все мы нищи.

Значит, был важнее расход иной:

с голодом боролись или от помещиков оборонялись войной.

8. И то, по сравнению с рабочими,
республика

меньше перед крестьянством задолжена,

заплатили всё, что было можно.

А рабочий не ропщет.

Наоборот:

подымает производительность шахта,

подымает работу завод.

9. Благодаря работе рабочих,

из года в год

всё больше и больше крестьянству льгот.

10. За работу!

Пока

всего 2 000 000 сажень заготовлено вами.

Заготовьте остальные 3 000 000 куб. сажень,

обеспечьте Республику дровами!

11. Заготовить дрова мало,

еще задача есть:

надо дрова перевезть.

Пока доставлено полтора миллиона сажень:

300 000 куб. сажень подвезено к сплавным рекам,

а 3 200 000 куб. саж. с места не сдвинуты даже.

Чтоб шли поезда,

чтобы фабрики работали на славу –

везите дрова,

готовьтесь к сплаву!

[1922]

Транспортники!*

Голод растет.

Спасение Поволжья в наших руках.

Все протягивают руку помощи волжанам.

А в наших рядах есть люди, запускающие эти
руки в грузы, идущие Волге.

Вон грабителей из наших рядов!

Беспощадный суд бандитам!

В скором и сохранном продвижении грузов –
единственное спасение голодающих.

Опоздать – все равно что ничего не дать.

Мастеровые и рабочие депо и мастерских!

Каждый паровоз, каждый вагон, везущий грузы

голодающим, ремонтируй немедленно – вот наша заповедь.

Движенцы!

Промедление – смерть. Ни минуты промедления,

ни минуты простоя – грузы голодающим должны

лететь – вот наша заповедь.

Грузчики!

Ни минуты не задерживать подвижной состав.

Грузы голодающим грузы – немедленно.

Разгружай немедленно – вот наша заповедь.

* * *

В сплочении победа.

Транспортники!

Сомкнутым строем мастеров, грузчиков и движенцев

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский – на борьбу с голодом.
Голод – фронт. Лентяй – дезертир. Вор – предатель,
Да здравствуют герои голодного фронта.
Долой дезертиров и предателей.
[1922]

Очерки, 1922–1923

Париж (Записки Людогуся)*

Предисловие

Вы знаете, что за птица Людогусь*? Людогусь – существо с тысячеверстой шеей: ему виднее!

У Людогуся громадное достоинство: «возвышенная» шея. Видит дальше всех. Видит только главное. Точно устанавливает отношения больших сил.

У Людогуся громадный недостаток: «поверхностная» голова – маленьких не видно.

Так как буковки – вещь маленькая (даже называется – «петит!»), а учебники пишутся буковками, то с такого расстояния ни один предмет досконально не изучишь.

Записки Людогуся блещут всеми людогусьими качествами.

О чем!

О парижском искусстве + кусочки быта.

До 14 года нельзя было выпустить подобные записки.

В 22 году – необходимо.

До войны паломники всего мира стекались приложиться к мощам парижского искусства.

Париж знали наизусть.

Можно не интересоваться событиями 4-й Тверской-Ямской*, но как же не знать последних мазков сотен ателье улицы Жака Калло*?!

Сейчас больше знакомых с полюсами, чем с Парижем.

Полюс – он без Пуанкарей. Он общительнее.

Веселенький разговорчик в германском консульстве*
– Виза есть?

– Есть.

– Ваш паспорт?

Протягиваю красную книжечку РСФСР. У секретарши руки автоматически отдергиваются за ее собственную спину.

– На это мы виз не ставим. Это надо переменить. Зайдите. Тут рядом 26-й номер. Конечно, знаете. (Беленькое консульство!*)

Мадам говорит просто, как будто чашку чая предлагает.

Делаю удивленное и наивное лицо:

– Мадам, вас, очевидно, обманывают: наше консульство на Унтер-ден-Линден*, 7. В 26-м номере, должно быть, какая-то мошенническая организация. 26-й номер нигде в НКВД не зарегистрирован. Вы должны это дело расследовать.

Мадам считает вопрос исчерпанным.

Мадам прекращает прения:

– На это мы визы не поставим.

- На что же вы ее поставите?
- Можем только на отдельную бумажку.
- На бумажку, так на бумажку – я не гордый.
- Неужели вы вернетесь опять туда?!
- Обязательно.

Мадам удивлена до крайности.

Очевидно, наши «националисты», проходившие за эти годы сквозь консульства, с такой грациозностью, с такой легкостью перепархивали с сербского подданства на китайское, что мое упорство просто выглядело неприлично.

Диалог со „специальным“ полицейским
Французская граница. Осмотр паспортов. Специальный комиссар полиции. Посмотрит паспорт и отдаст. Посмотрит и отдаст.

Моя бумажка «специальному» определенно понравилась.

«Специальный» смотрит восторженно то на нее, то на меня.

- Ваша национальность?
- Русский.
- Откуда едете?*
- Из Берлина.
- А в Берлин откуда?
- Из Штетина.
- А в Штетин откуда?
- Из Ревеля.
- А в Ревель откуда?
- Из Нарвы.
- А в Нарву откуда?

Больше иностранных городов не осталось. Будь, что будет. Бухаю:

- Из Москвы.

В ответ получаю листок с громким названием: «Санитарный паспорт» и предложение:

В 24 часа явиться к префекту парижской полиции.

Поезд стоит. Стою я. Рядом – «специальный». Поддерживает вежливую беседу. Где остановлюсь? Зачем еду? Такой внимательный. Все записывает.

Поезд трогается. «Специальный» соскакивает, напоминая:

- В двадцать четыре!

Предупредительные люди!

У префекта полиции
Париж. Закидываю вещи в первый попавшийся отель. Авто. Префектура.

Отвратительно с блестящей Сены влазить в огромнейшую нудную казарму. Наполнена

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубли и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Мандельштам блестящими сержантами и привлекаемую за что-нибудь дрянью парижских чердаков и подвалов.

Меня сквозь нищую толпу отправляют на третий этаж. Какой-то секретарь в черной мантилье.

Становлюсь в длинную очередь. Выстоял.

– У меня «санитарный паспорт*». Что делать?

– Сняться. Четыре карточки засвидетельствуете в своем участке и оставите там, а четыре засвидетельствуете и сейчас же сюда.

– Мосье! «Санитарный паспорт», очевидно, преследует медицинские цели. Я из России два месяца. Нет смысла хранить столько времени вшей специально для Парижа. Во-вторых, едва ли фотография – хорошее средство от тифов: я буду сниматься одетым, до пояса, в маленьком формате; если у меня даже вши и есть, не думаю, чтобы они при таких условиях вышли на карточках.

Очевидно, «санитарный» – по-французски не то, что по-русски. Речь моя «мосье в мантилье» не убедила, и меня все-таки послали к... фотографу.

Вместо фотографа я пошел к себе в отель.

Так и так. Если всю эту канитель надо проделывать, возьмите мне на завтра билет в Берлин.

– Плюньте и дней десять живите!

Плюнул с удовольствием.

Схема Парижа

После нищего Берлина – Париж ошеломляет.

Тысячи кафе и ресторанов. Каждый, даже снаружи, уставлен омарами, увешан бананами. Бесчисленные парфюмерии ежедневно разбираются блистательными покупательницами духов. Вокруг фонтанов площади Согласия вальсируют бесчисленные автомобили (кажется, есть одна, последняя, лошадь, – ее показывают в зверинце). В Майолях*, Альгамбрах – даже во время действия, при потушенных люстрах – светло от бесчисленных камней бриллиантщиц. Ламп одних кабаков Монмартра хватило бы на все российские школы. Даже тиф в Париже (в Париже сейчас свирепствует брюшной тиф) и то шикарный: парижане его приобретают от устриц.

Не поймешь! Три миллиона работников Франции сожрано войной. Промышленность исковеркана приспособлением к военному производству. Области разорены нашествием. Франк падает (при мне платили 69 за фунт стерлингов!). И рядом – все это великолепие!

Казалось бы, для поддержания даже половины этой роскоши – каждый дом Парижа надо бы обратить в завод, последнего безземельного депутата поставить к станку.

Но в домах, как и раньше, трактиры.

Депутаты, как и раньше, вертят языками.

Хожу улицами. Стараюсь понять схему парижского дня, найти истоки золота, определить размеры богатства.

Постепенно вырисовывается такая схема:

Деловой день (опускаю детали) – все, начиная с Палаты депутатов, с крупнейших газет, кончая последней консьержкой, стараются над добычей золота не из каких-нибудь рудников, а из разных подозрительных бумажек: из Версальского договора*, из Севрского*, из обязательств нашего Николая*. Трудится Пуанкаре, выкраивает для Германии смиренную рубашку репараций. Трудится газета, травящая Россию, мешающую международным грабегам. Трудится консьержка, поддерживая свое правительство по мере сил и по количеству облигаций русских займов.

Те, кто урвали из возмещенных «военных убытков», идут в Майоли. Те, кто только получили жалованье, при выколачивании, шествуют в кафе. Те, кто ничего не получили, текут в кино, смотреть призывы правительства к размножению (надо «переродить» немцев!), любят «самым здоровым новорожденным Парижа», стараются рассчитать, сколько франков такой род обойдется в хозяйстве, и... слабо поддаются агитации.

А утром возвращающихся из Монмартра встречают повозки зелени окрестных фермеров, стекающихся в Галль* – «желудок Парижа».

Крестьяне получают бумажки и медь, оставшиеся от размена германских золотых марок. Париж получает свою порцию салатов и моркови для восстановления сил трудящихся Пуанкарей и консьержек.

К сожалению (для Парижа), это не перпетуум мобиле.

Все меньше французов, все больше доллароносных американцев лакомятся Парижем. Американцы ездят в Париж так же, как русские в Берлин, – отдохнуть. Им дешево!

Все меньше надежд на целительные свойства германских марок.

Париж начинает понимать – времена феодализма прошли. Военной податью не проживешь. Париж подымает голову. Париж старается заглянуть через «санитарные паспорта» специальных комиссаров полиции. Склоняют парижские газеты слова: «мораторий*», «отсрочка», «передышка*». Кричат с газетных страниц 270 интервью Эррио*.

Искусство Парижа

До войны Париж в искусстве был той же Антантой. Париж приказывал, Париж выдвигал, Париж прекращал. Так и называлось: парижская мода.

Критики (как всегда, недоучившиеся художники) были просто ушиблены Парижем.

Что бы вы ни делали нового, резолюция одна: в Париже это давно и лучше.

Вячеслав Иванов* так и писал:

Новаторы до Вержболова*!
Что ново здесь, то там не ново.
Доходили до смешного:

В Москве до войны была выставка французов и русских. Критик Койранский назвал русских жалкими подражателями и выхвалял какой-то натюрморт Пикассо. На другой день выяснилось, что служитель перепутал номера, и выхваляемая картина оказалась кисти В. Савинкова, ученика жалких «подражателей», а сам Пикассо попал в «жалкие».

Было до того конфузно, что газеты даже писать об этом отказывались. Тем конфузнее, что на натюрморте были сельди и настоящая великорусская краюха черного хлеба, совершенно немыслимая у Пикассо.

Даже сейчас достаточно выступить в Париже, и вам обеспечены и приглашение в Америку и успех в ней. Так, например, даже провалившийся в Париже Балиев* выгрывает ведрами доллары из янки.

Восемь лет Париж работал без нас. Мы работали без Парижа.

Я въезжал с трепетом, смотрел с самолюбивой внимательностью.

А что, если опять мы окажемся только Чухломою?

Живопись

Внешность (то, что вульгарные критики называют формой) всегда преобладала во французском искусстве. В жизни это дало «парижский шик», в искусстве это дало перевес живописи над другими искусствами.

Живопись – самое распространенное, самое влиятельное искусство Франции. Не

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
говоря даже о квартирах. Кафе и рестораны сплошь увешаны картинами. На каждом шагу магазин–выставка. Огромные домища – соты–ателье. Франция дала тысячу известных имен. А на каждого с именем приходится еще тысяча пишущих, у которых не только нет имени, но и фамилия их никому не известна, кроме консьержки.

Перекидываюсь от картины к картине. Выискиваю какое–нибудь открытие. Жду постановки новой живописной задачи. Добиваюсь в картине раскрытия лица сегодняшнего Парижа.

Заглядываю в уголки картин – ищу хоть новое имя.

Напрасно.

Попрежнему центр – кубизм. Попрежнему Пикассо – главнокомандующий кубистической армией.

Попрежнему грубость испанца Пикассо «облагораживает» наиприятнейший зеленоватый Брак.

Попрежнему теоретизируют Меценже и Глез.

Попрежнему старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче – объему.

Попрежнему непримиримо воюет с кубистами Делонэ.

Попрежнему «дикие» – Дерен, Матис – делают картину за картиной.

Попрежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да–да*».

И попережнему... все заказы буржуа выполняются бесчисленными Бланшами. Восемь лет какой–то деятельнейшей летаргии.

Это видно ясно каждому свежеприехавшему.

Это чувствуется и сидящими в живописи.

С какой ревностью, с какими интересами, с какой жадностью расспрашивают о стремлениях, о возможностях России.

Разумеется, не о дохлой России Сомовых*, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре моментально* за границей переходящих* к Гиппиусам* Маякиных, а об октябрьской, об РСФСР.

Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства – конструктивизм. Даже удивляешься, что это слово есть во французском лексиконе.

Не конструктивизм художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооружеица. Конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни.

Здесь художникам–французам приходится учиться у нас.

Здесь не возьмешь головной выдумкой. Для стройки новой культуры необходимо чистое место... Нужна октябрьская метла.

А какая почва для французского искусства? – Паркет парижских салонов!

[1922]

Париж <2>*

Театр Парижа

Париж гордится своей комедией*, театром Сары Бернар*, Оперой... Но парижане ходят в Альгамбру, к Майолю и в прочие веселые места. Туда и я.

Тем более, что драма и, конечно, опера и балет России несравненно и сейчас выше

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Париж. Но меня даже не интересовало сравнивать наши руины с чужими и гордиться величием собственных. В Альгамбре и Фоли-Бержер, кроме искусства, которым живет сейчас масса Парижа, выступают быт, темперамент, одобрение и негодование пылких французов.

Популярность этих ревью-обзоров потрясающа.

У нас сейчас корпят над десятком постановок в сезон и все же через неделю с ужасом окидывают партерные плечи.

В Париже ревью идет год, в огромном театре перекидывает четырехсотые спектакли на следующий год, и все время сидят, стоят и висят захлебывающиеся восторгом люди.

Актриса может сколько угодно под бешеный джаз-банд выламывать руки и ноги, но никто из публики не должен даже слегка поломать голову.

Каков вкус?

Вкус махрового буржуа

Это Майоль. Крохотный зал. Со сцены в публику мостки.

Войдя, оглядев балкон, я сначала удивился, чего это публика голые колени на барьер положила. Ошибся. Наклонились почтенные лысины. Сверху, должно быть, выглядит фантастическим биллиардом в триста лоснящихся шаров.

В обзоре три действия. Сюжет простой. В трех действиях бегают, декламируют и поют любовные вещи, постепенно сводя на нет количество одежды. Кончается все это грандиозным гопаком в русских костюмах. Очевидно, наша эмиграция приучила уважать «национальное достоинство России».

Три актрисы выходят с огромными вазами конфет (эти же вазы – почти единственная одежда) и начинают храбро бомбардировать этими конфетами раскрасневшиеся и влажные от удовольствия лысины..

С полчаса в зале стоит «здоровый, бодрящий» смех.

Это культурное развлечение кончается для официальности легким демократическим выступлением.

Шансонетка поет под оркестр с проскальзывающими нотами марсельезы – о презрении к законам, о вражде к государству и о свободе.. есть, пить и любить на Монмартре.

«Я свободной Монмартрской республики дочь».

Разноцветный вкус

Это Альгамбра. Многоярусный театр. Вкусы пестрые – от благородного партера до блузной галерки.

Программа тоже пестрая – от балерин-наездниц до драмы Мистингет.

Здесь уже видишь эпизодики отражений внутрипарижской борьбы.

Первый номер – дрессированные попугаи.

Дама расставила антантовские флажки: французский, английский, бельгийский, итальянский, американский, японский.

Попугай за ниточку будет подымать любой, по желанию публики.

Дама предлагает публике выбирать.

В ответ с одной стороны галерки крик басом:

– Русский!

С другой – тенором:

– Большевик!

Дама смущена, извиняется:

– Таких нет!

Партер и половина ярусов свистит и цыкает на галерку.

Когда, наконец, согласились на американском, перепуганный попугай, которому пришлось принять участие в «классовой борьбе» в незавидной роли соглашателя, уже ничего не мог поднять, кроме писка.

Страсти рассеяли музыкой два англичанина, игравшие на скрипках, бегая, танцуя и перекидываясь смычками.

Окончательно страсти улеглись на «драме» Мистингет.

Драма несложная. Верзила заставляет любовницу принять участие в крушении и ограблении поезда. Кладут на рельсы камень. Мистингет в отчаянии. Ей грозят. Все же она старается предупредить машиниста. Не может. Каким-то чудом ей удается под носом паровоза свернуть камень на головы бандитов. Поезд прошел. Бандиты убиты. Порок покáран. Добродетель восторжествовала.

Эта мораль (разыгранная, правда, Мистингет поразительным языком с поразительным искусством) примиряет всех разнопартийных, но одинаково сантиментальных парижан.

На следующем номере страсть разгорается.

Трансформатор.

Изображает всех – от Жореса* до Николая Второго.

Безразлично проходят Вильсон*, Римский папа и др.

Но вот – Пуанкаре! – и сразу свист всей галерки и аплодисменты партера.

Скорей разгримировывается.

– Жорес! – Свист партера и аплодисменты галерки.

– Русский несчастный царь. – Красный мундир и рыжая борода Николая.

Оркестр играет: «Ах, зачем эта ночь так была хороша».

Бешеный свист галерки и аплодисменты партера.

Скорей обрывает усы, ленту и бородку.

Для общего успокоения:

– Наполеон!

Сразу рукоплескания всего зала. В Германии в точно таких случаях показывают под занавес Бисмарк*.

Здесь веселее.

Если эта, все же рафинированная аудитория так страстна в театре, то как «весело» будет Пуанкаре, когда ареной настоящей борьбы станут улицы Парижа.

Серый вкус

Ревю Фоли-Бержер. Театр мещан. Театр обывателя. Огромный, переплетенный железом. Напоминает питерский Народный дом.

Здесь и вкус Майоля – только чтобы не чересчур голый.

И вкус Альгамбры – только чтобы мораль семейная.

Но зато, если здесь и полуголые, то в общепарижском масштабе. Сотни отмахивающих

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
ногами англичанок. Максимум смеха и радости, когда вся эта армия, легши на пол,
стала вздымать под занавес то двести правых, то двести левых ног.

Это единственный номер из всех, виданных мною в парижских театрах, который был
дважды биссирован.

Даже драма Мистингет здесь была бы неуместна.

Смех, конечно, вызывается тем, что актеры играют пьяных, не попадающих в рукав,
садящихся на собственные цилиндры. И, конечно, общий восторг, общая радость –
вид собственного быта, собственной жизни.

Это сцена у консьержки. Роженица. Но и посланные за акушеркой, и сама акушерка,
и доктор – все остаются замороженные рассказом консьержкиной дочки о кино и
философией самой консьержки. Врывается расвирепевший отец, его успокаивают: за
разговором французик успел родиться сам. Приблизительно так.

И это идет, идет и идет ежедневно.

А что еще?

Это, конечно, не арена для одиноких художников, революционизирующих вкус.

Что же делают они?

Новых постановок я не видел.

Говорили о пьесе модного сейчас «левого» Кокто: не то «Бык на крыше», не то
«Свадьба на Эйфелевой башне». Современная пьеса, шедшая для «красоты» чуть ли не
в кринолиновых костюмах... О Софокле в Пикассо. Мешанина. Однобокость. И она будет
всегда, пока будут стараться натянуть новую форму на отмирающий быт Парижа. А у
нас новый быт вкрутить в старую форму.

Хороший урок и для новаторов России.

Хочешь найти резонанс революционному искусству – крепи завоевания Октября!

[1923]

Париж <3>*

Быт

Этот очерк – о быте Парижа. Я не был во Франции до войны, бывшие утверждают –
внешность Парижа за эти годы изменилась мало: толпа, свет, магазины – те же.
Поэтому буду говорить только о сегодняшних черточках.

Отношение к нам

Германия пережила медовый месяц любви к РСФСР. Эта любовь перешла в спокойную
дружбу. Иногда даже ревниваю, со сценами. Так было, например, во время поездки
Эррио по России. Некоторые газеты пытались видеть в этом измену – роман с
француженкой.

Париж видит сейчас первых советских русских. Красная паспортная книжечка РСФСР –
достопримечательность, с которой можно прожить недели две, не иметь никаких иных
достоинств и все же оставаться душой общества, вечно показывая только эту
книжечку.

Всюду появление живого советского производит фурор с явными оттенками удивления,
восхищения и интереса (в полицейской префектуре тоже производит фурор, но без
оттенков). Главное – интерес: на меня даже установилась некоторая очередь. По
нескольку часов расспрашивали, начиная с вида Ильича и кончая весьма
распространенной версией о «национализации женщин» в Саратове.

Компания художников (казалось бы, что им!) 4 часа слушала с непрерываемым
вниманием о семенной помощи Поволжью. Так как я незадолго перед этим проводил
агитхудожественную кампанию по этому вопросу, у меня остались в голове все
цифры.

Этот интерес у всех, начиная с метельщика в Галле, с уборщика номера, кончая
журналистом и депутатом.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма

Конечно, главные вопросы о Красной Армии.

Один француз, владелец художественного магазина, серьезно убеждал меня, что не стоит пытаться завоевать Францию, так как, во-первых, это невозможно (Жоффри*), а во-вторых, надо сохранить латинскую культуру. И закончил с истинно парижской любезностью: «Ваше красное вино нужно немного смешать с нашей водой, и тогда это будет напиток и для французского обеда».

Пришлось указать, что меню для него будут составлять французские рабочие без моего непосредственного участия.

Этот интерес не только любезность к гостю.

Так, например, на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра*, известный французский критик Вольдемар Жорж первый тост предложил за Советскую Россию. Предприятие в парижской обстановке не очень безвредное.

Даже мне приходилось все время вводить публичные разговоры исключительно в художественное русло, так как рядом с неподдельным восторгом Жоржа всегда фимиамился восторг агентов префекта полиции, ищущих предлога для «ускорения» моего отъезда.

Интерес растет во всем. Начинается, конечно, с искусства. Парижские издатели ищут для переводов писателей РСФСР. Пианист Орлов играет у м-м Мильеран. Мадам Мильеран входит в комитет помощи детям, официально устраивающий советскую выставку живописи. Для выставки этой отводится лучшее помещение – комната Лувра.

Кончается упрочением и расширением влияния т. Скобелева, от чуть ли не заложника, до неофициального, но все-таки торгового и пр. представителя Советов.

Отношение к эмиграции

С возрастанием интереса к людям РСФСР, естественно, падает «уважение» к белогвардейской эмиграции, переходя постепенно в презрение.

Это чувство становится всемирным – от отказа визирования белогвардейских паспортов Германией, до недвусмысленного указания на дверь «послу» Бахметьеву в Вашингтоне*.

В Париже самая злостная эмиграция – так называемая идейная: Мережковский*, Гиппиус*, Бунин* и др.

Нет помоев, которыми бы они не обливали все относящееся к РСФСР.

Вплоть до небольшого «театра для себя».

Мне рассказывал, напр., один парижский литератор о лекции Гиппиус на невинную тему о Блоке. Исчерпав все имеющиеся в стихах, в печатном материале указания на двойственность, на переменчивость его, на разный смысл «12»*, – она вдруг заминается...

– Нет, нет, об этом я не стану говорить.

Из рядов встает Мережковский:

– Нет, обязательно скажите, тут не должно быть никаких недоговорок!

Гиппиус решительно отказывается:

– Это антиеврейские фразы из личной переписки, и их неудобно опубликовывать, нет. Нет, не могу...

Ничего достоверного, но тень на Блока – на лучшего из старописательской среды, принявшего революцию, – все-таки по мере возможности брошена.

«Идейность» эта вначале кое-что давала: то с бала Grand Prix[7] перепадет тысяча 200 франков, то дюшес де Клармонт* устроит вечер. Это для верхушек эмиграции. Низы вуют, получая только изредка обеденные карточки.

Впрочем, в связи с провалом «идейности» уменьшилось и количество «вещественных доказательств невещественных отношений».

Перед моим отъездом уже какая-то дюшесса выражалась так: надо устроить этот вечер, чтоб они хоть месяца два не лезли! Все-таки солидный шаг из русской интеллигенции в... в черт его знает во что!

Я ни слова не прибавляю в этих разговорах от своей ненависти. Это точная, записанная мною в книжечку характеристика самих низков парижской эмиграции.

Лично я с этими китами не встречался по понятным причинам, да и едва ли они мне б об этом рассказали.

Рядом с изменением «душевных» отношений меняется и правовое.

При мне громом среди ясного неба прозвучал отказ германского посольства от визирования эмигрантских паспортов.

При постоянных поездках в низковоальютную Германию для поправки денежных дел – это большой удар. Многие стали бешено наводить справки, где же им взять наш красный паспорт (на первое время, очевидно, решили иметь два), потом последовало, по настоянию французов, очевидно, разъяснение, что паспортов не визируют, но будут визировать бумажки. Все-таки с бумажками им много хуже – по себе знаю!

Зато в положительную радость привело германское консульство визирование в Париже первого, моего, советского паспорта. Я мирно заполнил анкету. Служащие засуетились. Побежали к консулу; вышел сам, прекраснейший и добрейший г-н Крепс, тут же велел не требовать никаких анкет от советских. В секунду заполнив все подписи, выдал мне визированной мою редкость.

Внешность

Уличная, трактирная и кафеинная жизнь Парижа во всех разгарах. Кафе эти самые через магазин, два – обязательно. До 12-ти – по кафе и ресторанам, после 12-ти и до 2-х – Монпарнас*, и после всю ночь – Монмартр или отдельные шоферские кабачки на Монпарнассе. А под самое утро – особое рафинированное удовольствие парижан – идти смотреть в Центральный рынок Галль пробуждение трудового Парижа.

Париж не поражает особой нарядностью толпы, вернее, не кричит. На центральных улицах Берлина эта нарядность прет более вызывающе: во-первых, заметнее, наряду с массой ободранных берлинцев, во-вторых, в Берлин приезжают одеваться «средняки» из высоковоальютных стран. С неделю перед отъездом носят все на себе, чтобы вещь слегка обносилась и не вызвала особой алчности таможенников.

Потрясает деятельно, очевидно, сохраняемая патриархальность парижского быта.

Где бы вы ни были: в метро, в ресторане, на рынке, в квартире – те же фигуры, давным-давно знакомые по рисуночкам к рассказикам Мопассана.

Вот в метро глухой поп уселся на самом неудобном кондукторском месте, положил у ног свои религиозные манатки, уперся глазами в молитвенник. Полная непоколебимость. По окончании молитвы – ошеломляющее сведение: проехал две станции за своей церковкой. К аскету возвращается долго сдерживаемая страстность (еще бы – обратный путь новые 50 сантимов!), рвется на ходу прямо в тоннель, отбивается от хватающих за фалды спасителей, на остановке теряет шапочку и, блестя тонзурой и размахивая крыльями пелерины, носится по перрону, призывая бога-отца со всеми его функциями разразить громом кондуктора.

Трактир. Двое усачей в штатском, но украшенные военными орденами и огромными усами, привязав лошадей у входа, зашли запитать прогулку по Булонскому лесу. Сидят с величественностью Рамзеса*, всеми зубами штурмуют омара, отрываясь только на секунду ругнуть немцев или оглядеть вновь вошедшую даму.

А в Тюльерийском саду* – ряды черных старух над всевозможнейшими вязаниями.

Только изредка взвизгом контраст: у остановки метро ободранная женщина, не могущая из-за тесноты попасть во второй класс и за отсутствием сантимов – в первый, кроет заодно и хозяев метрополитена и проклятую войну.

– Раньше, когда был жив муж, небось этого не сделали бы!

Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал, «во человецех благоволение». Оказалось другое. Какая-то своеобразная этика парижских нищих (а может, и полицейская бдительность) не позволяет им голосить и протягивать руку. Но все эти мрачные фигуры, безмолвно стоящие сотнями у стен, – те же берлинские отблагодаренные Пуанкаре герои войны или осколки их семей.

Веселие

В Париже нет специфических послевоенных удовольствий, захвативших другие города Европы.

Есть танцы. Увлечение тустепами большое, но нет этого берлинского – «восьмичасовой танцевальный день!» – чтобы все от 4 до 7 и от 9 до 2 ночи бежали толпами в «диле*».

Нет и своеобразных американских игр: 200 часов непрерывной игры на рояли, пока играющий не умрет или не сойдет с ума.

Нет и английской игры в «бивер». Разыскивают на улице бородача, и кто первый увидел и крикнул «бивер», тот выиграл очко (в Лондоне нет бородачей, только Бернар Шоу да король Георг, – Бернар Шоу брить бороду не хочет, а Георг не может, «так как на почтовых марках 1/3 мира он с бородой»).

Веселие Парижа старое, патриархальное, по салонам, по квартирам, по излюбленным маленьким кабачкам, куда, конечно, идут только свои, только посвященные.

Уличное веселие тоже старое, патриархальное. В день моего отъезда был, напр., своеобразный парижский карнавал – день святой Екатерины, когда все оставшиеся в девушках до 30 лет разодеваются в венки и в цветы, демонстрируясь, поя и поплясывая по улочкам.

Европейские культурные удовольствия «для знатных иностранцев» спрятались на Монмартр.

Если бы наш фореггер* бросился сюда, ища «последний крик», «шумовую музыку» для огорошения москвича, – он был бы здорово разочарован. Даже все «тустепы» и «уанстепы» меркнут рядом с потрясающей популярностью.. российских «гайда-троек». Танцуют под все русское. Под Чайковского (главным образом), под «Растворил я окно», под «Дышала ночь восторгом сладострастья», под «Барыню» даже! Играют без перерыва, переходя с мотива на мотив и от столика к столику за сбором франков. Раз, увидев протянутые мною 10 франков и, очевидно, угадав русского, маэстро живо перевел скрипку на «Боже, царя храни» (публика продолжала танцевать), видя, что я отдергиваю франки, дирижер с такою же легкостью перевел на «Камин потух».

И в каждом оркестре обязательно гармонь, немного, говорят, усовершенствованная, но все же настоящая гармонь.

Недаром русские не только в присутствующих, но и в служащих. Танцуют, видите ли. Хозяин нанимает пару дам и пару стройных мужчин, так вот эти мужчины из аристократов русской эмиграции. В одном кабачке вижу знакомое лицо. – Кто это? – Это – ваш москвич. Один из золотой молодежи, известный всей Москве по громкому процессу об убийстве жены.

И вот – Монмартрский кабак: 40 франков в вечер и бутерброд.

Палата депутатов

Рвуть осмотреть высший орган демократической свободной республики.

Перед зданием с минуту не могу вручить пропуск, все глаза устремлены на карету цугом, с длинейшим эскортом. Кто? Сержант козыряет, но едущего за жандармерией не разглядеть – не то новый английский посланник, не то сам Пуанкаре.

Бреду через десятки инстанций. Каждая «инстанция» пронзительно кричит, передавая другой, другая проверит и кричит дальше, пока не добредаю до галерки. Еще темно (одно верхнее окно – крыша); депутаты собираются ровно в два часа дня, но все

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922-1923. Владимир Владимирович Махоры и яруссы уже заняты благоговейным шепотом переговаривающимися под бдительным оком медализированных капельдинеров парижанами.

– Сегодня скучно будет, разве что Пуанкаре будет говорить по бюджету, вот тогда дело другое, тогда пошумят.

Ждем долго. Рядом старик (какой-то русский генерал, всем рассказывающий о двух своих сыновьях), тихо и уверенно засыпает.

Передо мною трибуна в три яруса, секретарский стол внизу, выше – ораторская трибуна, и, наконец, самая вышка – председательский «трон». Пред – полукруг депутатских скамей, меж ними чинно расхаживающие, сияя цепями, пристава (большинство – почетные инвалиды войны). Зал наполняется туго: вопросы не интересные, да и интересные решаются не здесь – за кулисами. Из 650 депутатов еле набирается сотня. Сосед называет: вот на крайней правой седой, лысый – это Кастело – роялист, вот этот левее черный – Моро-Джафери, слева пусто. Узкая и без того коммунистическая* полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в Москву. Ровно в два отдаленный бой барабана, пристава выстраиваются, меж их рядами пробегает и всходит, гордо закинув голову, на свое место председатель Пере. Вопрос для политиканов действительно скучный – какой-то депутат центра поддерживает свою статью бюджета – поддержка медицинских школ. Депутат – провинциал. Провинциал горячится. Очевидно, говорить ему не часто – говорит, стараясь произвести впечатление, с пафосом.

Но впечатление маленькое.

Г-н Пере читает бумаги, депутаты расхаживают, читают газеты, от времени до времени начинают на весь зал переругиваться между собой.

Г-н Пере лениво урезонивает депутатов, оратор мчит дальше. Депутаты дальше шумят. Словом – «у попа была собака».

Без всякого комплимента приходится установить – даже в наших молодых советах можно было бы поучить палату серьезности и отношению к делу.

Потеряв надежду на появление разнообразия в этом меланхолическом деле, расхожусь вместе со всей остальной расходящейся публикой.

Поиски техники

На обратном пути я стал бомбардировать руководителей моих просьбой избавить меня от политиканства депутатов и от искусства и показать что-нибудь новое из парижской «материальной культуры».

– Что у вас выстроили нового, покажите что-нибудь, что бы не служило или удовольствиям, или организации новых военных налетов.

Мои руководители задумались – такового что-то не припомним. Такого что-то за последние годы не было.

Отношу это к неосведомленности моих руководителей, но все же это показательно. Ведь вот в Москве, что ни говори, а какую-нибудь стройку, хотя бы восстановление – для нас и это много – все же любой покажет.

Наконец, на другой день художник Делонэ (опять художник!), раздумав, предложил мне:

– Поедем в Бурже.

Бурже

Бурже – это находящийся сейчас же за Парижем колоссальный аэродром.

Здесь я получил действительно удовольствие.

Один за другим стоят стальные (еле видимые верхушками) аэропланые ангары. Провожаящий нажимает кнопку, и легко, плавно электричество отводит невероятную несгораемую дверь. За дверью аккуратненькие, блестящие аэропланы – вот на шесть человек, вот на двенадцать, вот на двадцать четыре. Распахнутые «жилеты» открывают блестящие груди многосильнейших моторов. С каким сверхлуврским

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малер с интересом лазим мы по прекраснейшим кабинкам, разглядываем исхищрения и изобретения, любезно демонстрируемые провожающим летчиком.

Рядом второй – ремонтный ангар. Показывают одни обломки, – вот в этом летели через Ламанш, и сошедший с ума, в первый раз влезший пассажир убил выстрелом из револьвера наповал пилота. Погибли все. С тех пор пилотов и пассажиров размещаем иначе.

Рядом обивают фанерой длинненькую летательную игрушку. С гордостью показывают особый холст на крыльях – не уступит алюминию, не секрет.

Переходим через аккуратную, небольшую таможенную площадку.

Грузятся два 24-местных аэроплана. Один в Лондон, а другой в Швейцарию.

Через минуту вынимают клинья из-под колес, аэропланы берут долгий разбег по полю, описывают полукруг, взвиваются и уже в небе разлучаются: один – на север, другой – на восток.

Хорошо-то хорошо, только бы если отнять у этих человеко-птиц их погромные способности.

Перед уходом мы, с трудом изъяснявшиеся все время с нашим любезным провожатым, пытаемся с тем же трудом его поблагодарить. Француз выслушал и потом ответил на чисто русском языке:

– Не стоит благодарности, для русских всегда рад, я сам русский, ушел с врангелевцами, а теперь видите...

Серьезную школу прошли! Где только русских не раскидало. Теперь к нам пачками возвращаются «просветленные».

Что ж, может быть, еще и РСФСР воспользуется его знаниями.

Вот Франция!

А за всем этим памфлетом приходится сказать – ругать, конечно, их надо, но поучиться у них тоже никому из нас не помешает. Какая ни на есть вчерашняя, но техника! Серьезное дело.

[1923]

Парижские очерки*

Музыка

Между мной и музыкой древние контры*. Бурлюк* и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в «Благородном собрании*» и бежали после «Острова мертвых», негодуя на всю классическую мертвечину.

Я с полным правом рассчитывал на то же в Париже, и меня только силком затаскивали на рояльные неистовства.

Мы едем к Стравинскому. Больше всего меня поразило его жилье. Это фабрика пианол – Плевель. Эта усовершенствованная пианола все более вытесняет на мировом рынке музыканта и рояль. Интересно то, что в этой фабрике впервые видишь не «божественные звуки», а настоящее производство музыки, вмещающее все – от музыканта до развозящих фур. Двор – фабричный корпус. Во дворе огромные фуры уже с пианолами, готовыми в отправку. Дальше – воющее, поющее и громящее трехэтажное здание. Первый этаж – огромный зал, блестящий пианольными спинами. В разных концах добродетельные пары парижских семеек, задумчиво выслушивающих наигрываемые для пробы всехсортные музыкальные вещицы. Второй этаж – концертный зал, наиболее любимый Парижем. До окончания рабочего дня здесь немислимо не только играть, но и сидеть. Даже через закрытые двери несется раздирающий душу вопль пробуемых пианол. Тут же то суетится, то дышит достоинством сам фабрикант Г. Леон, украшенный орденом Почетного легиона. И, наконец, вверху – крохотная комнатка музыканта, загроможденная роялями и пианолами. Здесь и творит симфонии, тут же передает в работу фабрике и, наконец, правит на пианоле музыкальные корректуры. Говорит о пианоле восторженно: «Пиши хоть в восемь, хоть в шестнадцать, хоть в двадцать две руки!»

Игорь Стравинский*

Душа этого дела, во всяком случае одна из душ, – опарижившийся русский, Игорь Стравинский. Музыкальная Россия его прекрасно знает по «Петрушке*», по «Соловью» и др. вещам. Париж также его прекрасно знает по постановкам С.П. Дягилева*. Испанец Пикассо – в живописи, русский Стравинский – в музыке, видите ли, столпы европейского искусства. На концерт Стравинского я не пошел. Он играл нам у Леона. Играл «Соловья», «Марш», «Два соловья», «Соловей и богдыхан», а также последние вещи: «Испанский этюд» для пианолы, «Свадебку» – балет с хором, идущий весной у Дягилева, и куски из оперы «Мавра*».

Не берусь судить. На меня это не производит впечатления. Он числится новатором и возродителем «барокко» одновременно! Мне ближе С. Прокофьев* – дозаграничного периода. Прокофьев стремительных, грубых маршей.

Шестерка

Сами французы говорят, что французская музыка живет под нашим сильнейшим влиянием. Главным образом под влиянием нашей «пятерки*». В противовес ей и в уважение, очевидно, парижские музыканты-модернисты объединились в шестерку. Некоторые уже отошли, но название держится. Это: Орик, Пуленк, Мильо, Онеггер, Дюре, Тайфер. Интересующихся ими специально отсылаю к статье о них Лурье в последнем номере журнала «Запад*». Чтобы не говорить неверно о незнакомом предмете, ограничиваюсь перекличкой.

Литература

И старая литература Франции, и сегодняшняя «большая» французская литература нам хорошо известны. Кажется, нет сейчас сборника, нет журнала, в котором не появлялись бы куски Анатоля Франса, Барбюса, Ромена Роллана. Просто «художественную» академическую литературу типа Бенуа* также во множестве выпускает «Всемирная литература*» и поразведшиеся за последнее время многие частные издательства. Здесь меня интересует бытовая сторона сегодняшней парижской литературы. Здесь, конечно, только черточки – чересчур краткое пребывание.

Покажите писателя!

Я обратился к моим водителям с просьбой показать писателя, наиболее чтимого сейчас Парижем, наиболее увлекающего Париж. Конечно, два имени присовокупил я к этой просьбе: Франс и Барбюс. Мой водитель «знаток», украшенный ленточкой Почетного легиона, поморщился:

– Это интересует вас, «коммунистов, советских политиков». Париж любит стиль, любит чистую, в крайности – психологическую литературу. Марсель Пруст – французский Достоевский, – вот человек, удовлетворяющий всем этим требованиям.

Это было накануне смерти Пруста. К сожалению, через три дня мне пришлось смотреть только похороны, собравшие весь художественный и официальный Париж, – последние проводы этого действительно большого писателя.

Мои шансы видеть Франса и Барбюса увеличились. Получив карточку к Франсу (странная комбинация: Маяковский – к коммунисту Франсу с карточкой какого-то архиправого депутата), мчу, – но Франс в Туре, а Барбюс, по газетам, в Питере.

Вместо всего просимого получаю Жана Кокто – моднейшего сейчас писателя-парижанина.

Кокто

Кокто – бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик «Эспри нуво*», критик, драмщик, самый остроумный парижанин, самый популярный, – даже моднейший кабачок окрещен именем его пьесы «Бык на крыше». Как «провинциал» я первым делом спросил о группировках, о литературных школах Парижа. Кокто сообщил мне вразумительно, что таковых в Париже не имеется. «Свободная личность, импровизация – вот силы, двигающие Францию вообще и литературу в частности». (Генерал Галлиени*, остроумнейшим маневром, вдохновением спасший Париж от немцев, до сих пор у всех примером.) «Школы, классы, – пренебрежительно заметил Кокто, – это варварство, отсталость». Бешеным натиском мне удалось все-таки получить характеристики, в результате чего оказалось, что прежде всего существует даже «школка Кокто». Отсутствие школ и течений – это не признак превосходства, не характеристика передового французского духа, а просто «политическая ночь», в которой все

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Мандельштам литературные кошки серы. Это не шагнувшая вперед литература, а наш реакционнейший, упадочный 907–908 год. Даже при первом феврале* все эти кошки получают свою определенную масть.

Вот первые признаки расцветки.

Масти

Группа Клартэ, образовавшаяся еще во время войны, близкая нам, коммунистическая, во главе с Ан. Франсом, Барбюсом, Полем Ребу. Издает журнал «Клартэ». Совершенно непопулярная в салонах и так же «совершенно» популярная в рабочих французских кругах.

Группа унаимистов. Это наши символисты, но в «мировом масштабе»; к ним же отошла «залитературившаяся» часть Клартэ. Во главе этой группы – Жюль Ромен, Дюамель и др.

Центр – группа неоклассиков. Акцион – группа интеллигентов (по выражению самих французов – не ругательно); это – вся масса охранителей и ревнителей французской классической литературы.

И, наконец, самая правая группа – роялисты, во главе с Полем Валери. Поэты этой группы, даже разбивая синтаксическую расстановку в стихе, разбирают сначала – соответствует ли таковая роялистским принципам.

После этого роялизма, думаю, и Кокто придется умолкнуть о внеклассовой литературе.

[1923]

Семидневный смотр французской живописи*

Предисловие

Смотр – иначе не назовешь мое семидневное знакомство с искусством Франции 22-го года.

За этот срок можно было только бегло оглядеть бесконечные ряды полотен, книг, театров.

Из этого смотра я выделяю свои впечатления о живописи. Только эти впечатления я считаю возможным дать книгой: во-первых, живопись – центральное искусство Парижа, во-вторых, из всех французских искусств живопись оказывала наибольшее влияние на Россию, в-третьих, живопись – она на ладони, она ясна, она приемлема без знания тонкостей быта и языка, в-четвертых, беглость осмотра в большой степени искупается приводимыми в книге снимками и красочными иллюстрациями новейших произведений живописи. Я считаю уместным дать книге характер несколько углубленного фельетона. Меня интересовали не столько туманные живописные теории, философия «объемов и линий», сколько живая жизнь пишущего Парижа. Разница идей сегодняшней французской и русской живописи. Разница художественных организаций. Определение по живописи и по встречам размеров влияния Октября, РСФСР, на идеи новаторов парижского искусства. Считаю нужным выразить благодарность Сергею Павловичу Дягилеву, своим знанием парижской живописи и своим исключительно лояльным отношением к РСФСР способствовавшему моему осмотру и получению материалов для этой книги.

Вл. Маяковский

О чем?

Эта книга о парижской живописи + кусочки быта.

До 14 года не стоило выпускать подобной книги.

В 22 году – необходимо.

До войны паломники всего мира стекались приложиться к мощам парижского искусства.

Российские академии художеств слали своих лауреатов доучиваться в Париж.

Любой художник, побывший год в Париже и усвоивший хотя бы только хлесткость

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малевич, парижских картоноделателей, – удваивался в цене.

Меценаты России, напр., Щукин, совершенно не интересовались современной русской живописью, в то же время тщательно собирали искусство парижан.

Париж знали наизусть.

Можно не интересоваться событиями 4-й Тверской-Ямской, но как же не знать последних мазков сотен ателье улицы Жака Калло!

Сегодня – другое.

Больше знаем полюсы, чем Париж.

Полюс – он без Пуанкарей, он общительнее.

Еще политика и быт – описываются.

Товарищи, на неделю тайно въехавшие во Францию на съезд партии, на съезд профсоюзов, набрасываются на эти стороны французской жизни.

Искусство – в полном пренебрежении.

А в нем часто лучше и яснее видна мысль, виден быт сегодняшней Франции.

Искусство Парижа

До войны Париж в искусстве был той же Антантой. Как сейчас министерства Германии, Польши, Румынии и целого десятка стран подчиняются дирижерству Пуанкаре, так тогда, даже больше, художественные школы, течения возникали, жили и умирали по велению художественного Парижа.

Париж приказывал:

«Расширить экспрессионизм! Ввести пуантилизм!» И сейчас же начинали писать в России только красочными точками.

Париж выдвигал:

«Считать Пикассо патриархом кубизма!» И русские Щукины лезли вон из кожи и из денег, чтобы приобрести самого большого, самого невероятного Пикассо.

Париж прекращал:

«Футуризм умер!» И сразу российская критика начинала служить панихида, чтоб завтра выдвинуть самоновейшее парижское «да-да», так и называлось: парижская мода.

Критики газет и журналов (как всегда: художники, отчаявшиеся выдвинуться в живописи) были просто ушиблены Парижем.

Революция, изобретения художников России были приговорены заочно к смерти: в Париже это давно и лучше.

Вячеслав Иванов так и писал о выставке первых русских импрессионистов – «Венок» (1907 г.) Д. Бурлюка:

Новаторы до Вержболова!

Что ново здесь, то там не ново.

Дело доходило до живописных скандалов.

В 1913 году в Москве открылась совместная выставка французских и русских художников. Известный критик «Утра России» Ал. Койранский в большой статье о выставке изругал русских художников жалкими подражателями. В противовес критик выхвалял один натюрморт Пикассо. По напечатании статьи выяснилось, что служитель случайно перепутал номера: выхваляемая картина была кисти В. Савинкова – начинающего ученика. Положение было тем юмористичнее, что на натюрморте нарисованы были сельди и настоящая великорусская краюха черного хлеба, совершенно немыслимая у Пикассо. Это был единственный случай возвеличения

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малевич русских «подражателей». Это было единственное низведение знаменитого Пабло в «жалкие». Было до того конфузно, что ни одна газета не поместила опровержения. Даже при упоминании об этом «недоразумении» на живописных диспутах Бубнового Валета* – подымался всеми приближенными невообразимый шум, не дающий говорить.

Достаточно было раструбить по Парижу славу художественного предприятия – и беспрекословный успех в Америке обеспечен.

Успех – доллары.

Еще и сейчас Парижу верят.

Разрекламированные Парижем, даже провалившиеся в нем, напр. театр «Летучей мыши» Балиева, выгребают ведрами доллары из янки.

Но эта вера стала колебаться.

С тревогой учитывает Париж интерес Америки к таинственной, неведомой культуре РСФСР.

Выставка русской живописи едет из Берлина по Америке и Европе. Камерный театр* грозит показать Парижу неведомые декоративные установки, идеи российских конструктивистов приобретают последователей среди первых рядов деятелей мирового искусства.

На месте, в РСФСР, в самой работе, не учесть собственного роста.

Восемь лет Париж шел без нас. Мы шли без Парижа.

Я въезжал в Париж с трепетом. Смотрел с учащейся добросовестностью. С внимательностью конкурента. А что, если опять мы окажемся только Чухломоу?

Живопись

Внешность (то, что вульгарные критики называют формой) всегда преобладала во французском искусстве.

В жизни это устремило изобретательность парижан в костюм, дало так называемый «парижский шик».

В искусстве это дало перевес живописи над всеми другими искусствами – самое видное, самое нарядное искусство.

Живопись и сейчас самое распространенное и самое влиятельное искусство Франции.

В проектах мебелировки квартир, выставленных в Салоне, видное место занимает картина.

Кафе, какая-нибудь Ротонда* сплошь увешана картинами.

Рыбный ресторан – почему-то весь в пейзажах Пикабиа.

Каждый шаг – магазин-выставка.

Огромные домища – соты-ателье.

Франция дала тысячи известнейших имен в живописи.

На каждого с именем приходится тысяча, имеющих только фамилию. На каждого с фамилией приходятся тысячи – ни имя, ни фамилия которых никого не интересуют, кроме консьержки.

Нужно заткнуть уши от жужжания десятка друг друга уничтожающих теорий, нужно иметь точное знакомство с предыдущей живописью, чтобы получить цельное впечатление, чтобы не попасть во власть картинок – бактерий какой-нибудь не имеющей ни малейшего влияния художественной школы.

Беру довоенную схему: предводитель кубизм, кубизм атакует кучкой красочников «симультанистов», в стороне нейтралитет кучки беспартийных «диких», и со всех

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малевич с одной стороны океаном полотнища бесчисленных академистов и салонщиков, а сбоку – бросающийся под ноги всем какой-нибудь «последний крик».

Вооруженный этой схемой, перехожу от течения к течению, от выставки к выставке, от полотна к полотну. Думаю – эта схема только путеводитель. Надо раскрыть живописное лицо сегодняшнего Парижа. Делаю отчаянные вылазки из этой схемы. Выискиваю какое-нибудь живописное открытие. Жду постановки какой-нибудь новой живописной задачи. Заглядываю в уголки картин – ищу хотя бы новое имя. Напрасно.

Все на своих местах.

Только усовершенствование манеры, реже мастерства. И то у многих художников отступление, упадок.

Попрежнему центр – кубизм. Попрежнему Пикассо – главнокомандующий кубистической армией.

Попрежнему грубость испанца Пикассо «облагораживает» наименее приятный зеленоватый Брак.

Попрежнему теоретизируют Меценге и Глез.

Попрежнему старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче – объему.

Попрежнему непримиримо воюет с кубистами Делонэ.

Попрежнему «дикие» Дерен, Матис делают картину за картиной.

Попрежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да-да».

И попережнему... все заказы буржуа выполняются бесчисленными Бланшами. Восемь лет какой-то деятельнейшей летаргии.

Это видно ясно каждому свежеприехавшему.

Это чувствуется и сидящими в живописи.

С какой ревностью, с какими интересами, с какой жадностью спрашивают о стремлениях, о возможностях России.

Разумеется, не о дохлой России Сомовых, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных, а об октябрьской, о РСФСР.

Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства – конструктивизм. Даже удивляешься, что это слово есть во французском лексиконе.

Не конструктивизм художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооруже́нница. Конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни.

Здесь художникам-французам приходится учиться у нас.

Здесь не возьмешь головной выдумкой. Для стройки новой культуры необходимо чистое место. Нужна октябрьская метла.

А какая почва для французского искусства? – Паркет парижских салонов!

Осенний салон
2395 номеров (не считая художественной промышленности).

А ведь Осенний салон – это только одна из многочисленных выставок Парижа.

Считая в году приблизительно 4 выставки, это 10 000 картин. Примите во внимание, что выставляется не более 10% производства. Получится солидная цифра: 100 000 ежегодных картин.

Еще сто лет – и у каждого француза будет собственный луврик. Луврики – больше ничего: самые здоровые, самые молодые люди вместо работы сидят и удваивают свое имущество сомнительным живописным путем. Раньше была одна жена, а теперь две: одна в натуре, другая на картинке (как живая!), а живая и работать не может, потому что позирует. Раньше была одна собачка, а теперь две, и т. д. и т. д.

Слабоватая промышленность!

Хотя, может быть, и это имеет значение: посещение Салона дает иллюзию занятий бесконечным выфранченным бездельникам.

Все время существования Салона – тысячные толпы.

Прохожу раз по бесчисленным комнатам, просто чтобы найти вещь, приковывающую гуляющее внимание парижан.

Только в одном месте настоящая давка, настоящая толпа.

Это номер 870, картина художника японца фужита – «Ню*». Разлегшаяся дама. Руки заложены за голову. Голая. У дамы открытые настешь подмышки. На подмышке волосики. Они-то и привлекают внимание. Волосики сделаны с потрясающей добросовестностью. Не каким-нибудь общим мазком, а каждый в отдельности. Прямо хоть сдавай их на учет в Центрощетину по квитанции. Ни один не пропадет – считанные.

Еще одна толпа, уже меньше. Сюжет не такой интересный. Это 1885 номер. Елена Пердрио. Тоже дама, но в рубашке. Рубашка сеткой. Вот эту сетку, сделанную бог весть чем, но, безусловно, чем-то самым тонким, и рассматривают.

Мимо остального плывут плавно.

Прохожу еще раз медленно, хочу, чтобы меня остановила сама живопись. Но живопись висит спокойно, как повешенная. Приходится прибегнуть к каталогу, стараясь по именам искать картины.

Ищу кубистов.

Вот Брак. 18 солидных вещей. Останавливаюсь перед двумя декоративными панно. Какой шаг назад! Определенно содержательные. Так и лезут кариатиды. Гладенький-гладенький. Серо-зелено-коричневый. Не прежний Брак, железный, решительный, с исключительным вкусом, а размягченный, облизанный Салоном.

Леже. Его сразу выделишь яркостью, каким-то красочным антиэстетизмом. Но и его антиэстетизм, в его мастерской кажущийся революционной силой, здесь тоже рассалонен и выглядит просто живописной манеркой.

Смотришь на соседние, уже совсем приличные академические картинки и думаешь: если все это вставить в одну раму и чуточку подтушевать края, не сольется ли все это в одну благоприличную картиночную кашу? Кубизм стал совсем комнатным, совсем ручным.

Нажегшись на школах, перехожу к отдельным.

Матис. Дряблый. Незначительный. Головка и фигурка... Испытываю легкую неприятность, будто стоишь около картинок нашего отечественного Бодаревского.

Ван-Донжен. Картина «Нептун». Еще невероятнее: оперный старик с трезубцем. Желто-зеленого цвета – ячница с луком. Сзади пароход. Плохонькая живопись, дешевенькая аллегорийка.

Остальное еще унылее.

Некоторое исключение представляет Пикабия. Его картина – «Принцип французской живописи» – черный мужчина на белом фоне и белая женщина на черном фоне – интересна. Но это формализм даже по заданию. Во всяком случае, это не разрешение задачи живописью.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Из «национальной вежливости» разыскиваю русских. Нелегкое занятие. Уже найдя, должен не выпускать его из глаз ни на минуту (лучше всего держаться рукой за раму), а то сейчас же забудешь и спутаешь с соседом.

Григорьев. Хороший? Нет. Плохой? Нет. Какой же он? Какой был, такой и есть. Повернет карандаш боком и водит по бумаге. От долгой практики выучился таким образом всякие фигурки делать. А так как кисть уже сама по себе повернута боком, то тут на манере не отыграешься, приходится сюжетом брать. Какой же может быть сюжет для нашего тамбовца, приехавшего в первый раз в Париж? Разумеется, Монмартр и апаши. Мне скучно. Скучно французам. Григорьеву тоже. Ноет: в Москву! Интересуется: пустят ли? Напоминаю ему картинку его на какой-то заграничной выставке – какая-то непроходимая физиономия, и подпись – комиссар. Григорьев кается: это я нашего парижского фотографа рисовал, а название «комиссар» ему уже на выставке устроители для эффекта присовокупили.

Хороший пример высасывания из пальца антисоветской агитации.

Шухаев. Академическая баба. Думаю, как это он за это время успел в Африку съездить. Баба самая реальная, черная негритянка. Приглаждаюсь. Оказывается, ошибся. Это тени наложены. Этим и славится – светотенью.

Яковлев. Портрет. Сидит дама. Живая. В руках и на столе книжки: Кузьмин «Вторник Мери», Ахматова «Подорожник». Заглавие книжек выведены с потрясающей добросовестностью. Удивительно. Зачем делать от руки то, что можно напечатать (на то и Европа, на то им и техника). По причине избегания ими меня сей вопрос остался невыясненным.

До полного цинизма дошел Сорин. Портрет Павловой*. Настоящий куафери-маникюрик. Раскрашивает щечки, растушевывает глазки, полирует ноготочки. Раньше привлекали вывески – «Парикмахер Жан из Парижа», теперь, очевидно, привлекают – «Парикмахер Савелий из Петербурга».

Адмирал Битти заказал ему портрет. Недалеко уедешь там, где вкусом правит этакий адмирал. Хорош был бы английский флот, если бы адмиралов к нему подбирал Сорин.

Я знаю, эстеты Парижа, русские тоже, обидятся на мой «отчет». Сам, мол, столько говорил о форме, а подходит со стороны сюжетца, как старый репортер «Биржевки*».

Скажут:

Вы, говорящий о нашем стоянии, разве вы не видите это совершенство работы, это качество: *Qualité*[8] (модное сейчас словечко французов). Может быть, в вашей Чухломе есть лучшие мастера картин?! Назовите! Покажите!

О нет! Я меньше, чем кто-нибудь из русских искусства, блещу квасным патриотизмом. Любую живописную идею Парижа я приветствовал так же, как восторгаюсь новой идеей в Москве. Но ее нет!

Я вовсе не хочу сказать, что я не люблю французскую живопись. Наоборот.

Я ее уже любил. От старой любви не отказываюсь, но она уже перешла в дружбу, а скоро, если вы не пойдете вперед, может ограничиться и простым знакомством.

Посмотрите приводимые здесь иллюстрации Салона. Они взяты из проспекта, даваемого при каталоге, ясно подчеркивая гордость выставки.

Обычное ню, где интерес голизны не менее живописного интереса.

Приглаженный, красивенький быт идеализированных рыбаков.

Пейзаж до Сезанна и до Ван-Гога.

Композиция: Матис в ботичеллевской* обработке, и т. д.

Но, конечно, российское производство картинок не равня парижскому. Париж выше на много голов. Париж первый.

Конечно, я отдал бы весь наш бубнововалетский стиль за одну вариацию из этого

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малевич. Цикл Пикассо или Брака.

Дело не в этом.

Дело в том, что время выдвинуло вопрос о существовании картинок. И их мастеров вообще. Выдвинуло вопрос о существовании общества, удовлетворяющегося художественной культуркой украшения картинами Салона. Эта культура уже изжила себя. Я охотно отдаю французам первенство в писании картин.

Я говорю: наши пентры* должны бросить писать картины, потому что французы пишут лучше. Но и французы должны бросить писать, потому что они лучше не напишут.

Мелкота картиночной работы выступает со всей ясностью, когда от картин Салона переходишь к промышленно-художественному

отделу.

Здесь тоже номеров пятьсот.

Книжные обложки. Драгоценнейшие. Под стеклом. Пергаменты. На всех тоненькие виньетки и рисуночки. Многоцветные. Костер, золотой, от него голубенький дымок, разворачивающий загогулилки по всей книге, а на фоне розовые облачки. И никакой работы ни над новым шрифтом, ни над ясностью, ни над старанием типографски подчеркнуть сказанное в книге.

Вот убранство квартирок, столики и шкафики в ампире. На дверцах бронзовые веночки, со шкафов и с полочек спущена парча с бурбонскими лилиями*. На подставочке, разумеется, бюст Наполеона. И все в этом стиле. Никакого придумывания, никакого изобретения, никакой конструкции. Механическое варьирование обломков старых, великих, но изживших себя и ненужных стилей.

Попробуй, обставь дом – общежитие на тысячи рабочих – этими шкафами.

С удовольствием выхожу из салонного гроба к автомобилям Елисейских полей*.

Салон не исчерпывается французская живопись. Это средний обывательский вкус.

Чтобы знать водителей вкуса, нужно пройти по галереям частных торговцев и по мастерским художников.

Эстеты кричат о свободе творчества! Каждый ребенок в Париже знает, что никто не вылезет к славе, если ее не начнет делать тот или иной торговец. Этот торговец всесилен. Даже Салон подбирает он. Так и делятся художники и картины. Это художники Симона, это художники Леона.

Купцы

Париж весь кишит художественными лавочками. Осматриваю две наиболее значительные из них, – это лавочка Симона Розенберга и Леона Розенберга. Конечно, французское ухо резали бы эти слова – купец, лавочка. Для него эти купцы – носители вкуса, носители художественных идей Франции. Лучшие картины художников отдаются этим купцам. У них выставлены лучшие Пикассо, лучшие Браки и т. д. Большинство приводимых мной иллюстраций – снимки с их галерей.

Эти купцы делают славу художникам. Это они намечают гения, покупают у него картины за бесценок, скапливают их в своих подвалах и после смерти через тысячи состоящих на службе рецензентов раструбливают славу умерших и за многие десятки и сотни тысяч франков распродают шедевры.

Эти купцы поддерживают славу Пикассо. Эти купцы заставляют изо дня в день интересоваться им весь мир. Это купец, в отместку другому купцу, вдруг начинает выдвигать какого-нибудь молодого Сюрважа и каждой пришедшей даме, покровительнице искусств, каждому пришедшему коллекционеру старается в лучшем освещении, с лучшими рекомендациями, с передачей лучших отзывов показать какую-нибудь весьма сомнительную картинку. Если нет живых, купцы извлекают мертвых.

Злые языки утверждают, что повышенный интерес к Энгру, этому посредственному ложноклассическому рисовальщику, объясняется тем, что у одного из этих Леонов

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Ма
скопилось большое количество рисунков. Во французском искусстве сразу поворот к классицизму. Это, конечно, схематическое, памфлетное изображение настроений, но франк в этой схеме все же играет первенствующую роль. Для этих купцов, или чтобы перепрыгнуть через них, прорваться сквозь их блокаду, работают все французские художники.

Мастерские

Чтобы понять действительные двигающие силы того или другого направления, того или другого художника, надо пройти закулисную лабораторию – мастерские. Здесь искание, здесь изобретаются направления, здесь в отдельных штрихах, в отдельных мазках еще можно найти элементы революционного искусства, сейчас же за дверью ателье тщательно обрезаемого вкусом Салона, вкусом купца. Здесь настоящая борьба художников, борьба направлений; здесь Пикассо небрежным кивком отстраняет вопросы о Делонэ; здесь Делонэ с пеной у рта кроет «спекулянт» Пикассо; здесь видишь то, чего никогда не увидишь в магазинчиках.

Пикассо

Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо. Это самый большой живописец и по своему размаху и по значению, которое он имеет в мировой живописи. Среди квартиры, увешанной давно знакомыми всем нам по фотографиям картинами, приземистый, хмурый, энергичный испанец. Характерно и для него и для других художников, у которых я был, это страстная любовь к Руссо. Все стены увешаны им. Очевидно, глаз изощрившегося француза ищет отдыха на этих абсолютно бесхитростных, абсолютно простых вещах. Один вопрос интересует меня очень – это вопрос о возврате Пикассо к классицизму. Помню, в каких-то русских журналах приводились последние рисунки Пикассо с подписью: «Возврат к классицизму». В статейках пояснялось, что если такой новатор, как Пикассо, ушел от своих «чуждостей», то чего же у нас в России какие-то отверженные люди еще интересуются какими-то плоскостями, какими-то формами, какими-то цветами, а не просто и добросовестно переходят к копированию природы.

Пикассо показывает свою мастерскую. Могу рассеять опасения. Никакого возврата ни к какому классицизму у Пикассо нет. Самыми различнейшими вещами полна его мастерская, начиная от реальнейшей сценки голубоватой с розовым, совсем древнего античного стиля, кончая конструкцией жести и проволоки. Посмотрите иллюстрации: девочка совсем серовская. Портрет женщины грубо-реалистичный и старая разложенная скрипка. И все эти вещи помечены одним годом. Его большие так называемые реальные полотна, эти женщины с огромными круглыми руками – конечно, не возврат к классицизму, а если уж хотите употреблять слово «классицизм» – утверждение нового классицизма. Не копирование природы, а претворение всего предыдущего кубического изучения ее. В этих перескакиваниях с приема на прием видишь не отход, а метание из стороны в сторону художника, уже дошедшего до предела формальных достижений в определенной манере, ищущего приложения своих знаний и не могущего найти приложение в атмосфере затхлой французской действительности.

Смотрю на каталог русской художественной выставки в Берлине, валяющийся у него на столе. Спрашиваю: неужели вас удовлетворяет снова в тысячный раз разложить скрипку, сделать в результате скрипку из жести, на которой нельзя играть, которую даже не покупают и которая только предназначается для висенья и для услаждения собственных глаз художника?

Вот в каталоге русский Татлин. Он давно уже зовет к переходу художников, но не к коверканию прекрасной жести и железа, а к тому, чтобы все это железо, дающее сейчас безвкусные постройки, оформилось художниками.

– Почему, – спрашиваю, – не перенесете вы свою живопись хотя бы на бока вашей палаты депутатов? Серьезно, товарищ Пикассо, так будет виднее.

Пикассо молча покачивает головой.

– Вам хорошо, у вас нет сержантов мосье Пуанкаре.

– Плюньте на сержантов, – советую я ему, – возьмите ночью ведра с красками и пойдите тихо раскрашивать. Раскрасили же у нас Страстной!

У жены мосье Пикассо, хоть и мало верящей в возможность осуществления моего предложения, все же глаза слегка расцветиваются ужасом. Но спокойная поза

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Малевич, Пикассо, уже, очевидно, освоившегося с тем, что кроме картин он ничего никогда не будет делать, успокаивает «быт».

Делонэ

Делонэ – весь противоположность Пикассо. Он симультант. Он ищет возможности писать картины, давая форму не исканием тяжестей и объемов, а только расцветкой. (Это духовный отец наших отечественных Якуловых.) Он весь в ожесточении. Кубизм, покрывший все полотна французских живописцев, не дает ему покоя. Купцы не охотятся за ним. Ему негде и не для чего приобретать классицизм. Он весь, даже спина, даже руки, не говоря о картинах, в лихорадочном искании. Он видит – невозможно пробить стены вкуса французских салонов никакими речами, и какими-то косыми путями подходит тоже к революции. В картинах, разворачиваемых им, даже старых, 13 и 14 года, например, известной всем по снимкам Эйфелевой башни, рушащейся на Париж, между буревыми облаками, он старается найти какое-то предчувствие революции.

С завистью слушает он рассказы о наших праздниках, где художнику дается дом, где направлению дается квартал, и художник его может расфантазировать так, как ему хочется. Идея эта близка ему. Его картины даже в его мастерской выглядят не полотнами, а стенами, 20 настолько они многосаженные. Его расцветка иллюминаций так не нужна, так не подходяща к серым стенам мастерской, но ее не вынесешь на улицу: кроме сержанта через дорогу еще и серое здание Академии художеств, откуда, по утверждению Делонэ, при проходе на него замахиваются кулаками.

Художественными путями он тоже пришел к признанию величия русской революции. Он пишет какие-то десятки адресов с просьбой передать, корреспондировать, обмениваться с ним искусством России. Он носится смыслом приехать в РСФСР, открыть какую-то школу, привезти туда в омолаживание живопись французов.

А пока что и к его ноге привязано ядро парижского быта, и он разрешает вспышки своего энтузиазма раскрашиванием дверей собственного ателье. Тоже кусок жизни.

Не думаю, чтоб он делал это «от души». Во всяком случае, он определенно завидовал моему возврату в страну революции, он просил передать привет от революционеров французского искусства русским, он просил сказать, что это – те, кто с нами, он просил русскую, московскую аэростанцию принять в подарок два его огромных полотна, наиболее понравившихся мне: цветной воздух, рассекаемый пропеллерами.

Брак

Брак – самый продающийся (фактически, а не иносказательно) художник Парижа. Во всем – в обстановке, фигуре, старание охранить классическое достоинство пентра. Он все время балансирует, надо отдать ему справедливость – с большим вкусом, между Салоном и искусством. Темперамент революционного французского кубизма сдавлен в приличные, принимаемые всеми формы. Есть углы, но не слишком резкие, кубистические. Есть световые пятна, но не слишком решительные и симультантические. На все мои вопросы, а что же можно было бы получить из последнего, чтобы показать России, у него горделивое извинение: «фотографий нет, у купца такого-то... Картин нет, извиняюсь, проданы». Этому не до революции.

Леже

Леже – художник, о котором с некоторым высокомерием говорят прославленные знатоки французского искусства, – произвел на меня самое большое, самое приятное впечатление. Коренастый, вид настоящего художника-рабочего, рассматривающего свой труд не как божественно предназначенный, а как интересное, нужное мастерство, равное другим мастерствам жизни. Осматриваю его значительную живопись. Радует его эстетика индустриальных форм, радует отсутствие боязни перед самым грубым реализмом. Поражает так не похожее на французских художников мастеровое отношение к краске – не как к средству передачи каких-то воздухов, а как материалу, дающему покраску вещам. В его отношении к российской революции тоже отсутствие эстетизма, рабочее отношение. Радует, что он не выставляет вперед свои достижения и достиженьица, не старается художественно втереть вам очки своей революционностью, а, как-то отбросив в сторону живопись, расспрашивает о революции русской, о русской жизни. Видно, что его восторг перед революцией не художественная поза, а просто «деловое» отношение. Его интересует больше не вопрос о том, где бы и как бы он мог выставиться по приезде в Россию, а технический вопрос о том, как ему проехать, к чему в России его меньше может быть приложено в общем строительстве.

Как только я заикнулся о том, что товарищей моих может заинтересовать его живопись, то увидел не дрожащего над своими сокровищами купца-художника, а простое:

– Берите всё. Если что через дверь не пролезет, я вам через окно спущу.

– До свидания, – выучился он по-русски на прощание, – скоро приеду.

Этими вот четырьмя перечисленными художниками исчерпываются типы художников Парижа.

Гончарова и Ларионов

Русские художники не играют, во всяком случае об этом не говорят, особой роли в живописи Франции. Правда, влияние их несомненно. Когда смотришь последние вещи Пикассо, удивляешься красочности, каким-то карусельным тонам его картин, его эскизов декораций. Это несомненно влияние наших красочников Гончаровой и Ларионова. Высокомерное отношение победившей Франции к каким-то не желающим признавать долгов русским сказывается и в этом. Не хотим считаться ни с какими фактами. Париж во всем лучше.

В лавках купцов Парижа вы не найдете картин Гончаровой или Ларионова. Зато на заграничных выставках, при свободной конкуренции, в Америке, в Испании или в Голландии – сразу бросается в глаза непохожесть этих русских, их особенный стиль, их исключительная расцветка. Поэтому они продаются в Америке. Поэтому у Гончаровой десятки учеников американцев и японцев, и, конечно, хочет-не хочет Пикассо, а влияние русской живописи просачивается. Но когда дело переходит на работу в Париже, сразу видишь, как художественный темперамент этих русских облизывают салоны. Их макеты и костюмы до неприятности сличаются с Бакстом.

Радует отношение этих художников к РСФСР, не скулящее и инсинуирующее отношение эмигрантов. Деловое отношение. Свое, давно ожидаемое и ничуть не удивившее дело. Никаких вопросов о «сменах вех». Приезд в Россию – техническая подробность.

Приятно констатировать на этом примере, что революционеры в области искусства остаются таковыми до конца.

Барт

Если высокомерное отношение Франции не отразилось на Ларионове и Гончаровой, сумевших продвинуться в другие страны, то русским без энергии Париж – крышка. Я был в мастерской Барта, очень знакомого нам художника до войны, человека серьезного, с большим талантом, – в его крохотном поднебесном ателье я видел десятки работ несомненно интересных и по сравнению с любым французом.

Он голоден. Ни один купец никогда не будет носить с его картинами.

Эта группа уже с подлинным энтузиазмом относится к РСФСР. Барт рассказывает мне грустную повесть о том, как он был единственным офицером, не соглашавшимся после Октября с культурной манерой французам хоронить не желающих идти против революционной России в африканских ямах. Худоба и нервное подергивание всем телом – доказательство результатов такого свободолюбия. Эти, конечно, нагрузившись жалким скарбом своих картин, при первой возможности будут у нас, стоит только хоть немножко рассеять веселенькие французские новеллы о том, что каждый переехавший русскую границу не расстреливается ГПУ только потому, что здесь же на границе съедается вшами без остатка.

Вывод

Начало двадцатого века в искусстве – разрешение исключительно формальных задач.

Не мастерство вещей, а только исследование приемов, методов этого мастерства.

Поэты видели свою задачу только в исследовании чистого слова: отношение слова к слову, дающее образ, законы сочетания слова со словом, образа с образом, синтаксис, организация слов и образов – ритм.

Театр – вне пьес разрешается формальное движение.

Живопись: форма, цвет, линия, их разработка как самодовлеющих величин.

Водители этой работы были французы.

Если взять какую-нибудь отвлеченную задачу – написать человека, выявив его форму простейшими плоскостными обобщениями, – конечно, здесь сильнее всех Пикассо.

Если взять какое-то третье измерение натюрморта, показывая его не в кажущейся видимости, а в сущности, развертывая глубину предмета, его скрытые стороны, – конечно, здесь сильнейший – Брак.

Если взять цвет в его основе, не загрязненной случайностями всяких отражений и полутеней, если взять линию как самостоятельную орнаментальную силу, – сильнейший – Матис.

Эта формальная работа доведена была к 15 году до своих пределов.

Если сотню раз разложить скрипку на плоскости, то ни у скрипки не останется больше плоскостей, ни у художника не останется неисчерпанной точки зрения на эту живописную задачу.

Голый формализм дал все, что мог. Больше при современном знании физики, химии, оптики, при современном состоянии психологии ничего существенного открыть (не используя предварительно уже добытого) нельзя.

Остается или умереть, перепевая себя, или...

Остается два «или».

Первое «или» Европы: приложить добытые результаты к удовлетворению потребностей европейского вкуса. Этот вкус не сложен. Вкус буржуазии. Худшей части буржуазии – нуворишей, разбогатевших на войне. Нуворишей, приобретших деньги, не приобрет ни единой черточки даже буржуазной культуры. Удовлетворить этот вкус может только делание картин для квартиры спекулянта-собственника, могущего купить «огонь» художника для освещения только своего салона (государство не в счет, оно плетется всегда в хвосте художественного вкуса, да и материально не в состоянии содержать всю эту живописную армию). Здесь уже не может быть никакого развития. Здесь может быть только принижение художника требованием давать вещи живописно не революционнее Салона. И мы видим, как сдается Брак, начиная давать картины, где благопристойности больше, чем живописи; мы видим, как Меценже от кубизма переходит к жанровым картинкам с красивенькими Пьерро.

Мы видим гениального Пикассо, еще продолжающего свои работы по форме, но уже сдающегося на картоноделание, пока еще полностью в своей манере, но уже начинают уступки, и в его последних эскизах декораций начинает удивлять импотенция приличного академизма.

Нет, не для делания картинок изучали лучшие люди мира приемы расцветки, иллюминирования жизни. Не к салонам надо прикладывать свои открытия, а к жизни, к производству, к массовой работе, украшающей жизнь миллионам.

Но это уже второе «или» – «или» РСФСР. «Или» всякой страны, вымытой рабочей революцией. Только в такой стране может найтись применение, содержание (живописное, разумеется, а не бытовое) всей этой формальной работе. Не в стране буржуазной, где производство рассматривается капиталистом только как средство наживы, где нельзя руководить вкусом потребителя, а надо ему подчиняться. А в стране, где производят одновременно для себя и для всех, где человек, выпустивший какие-нибудь отвратительные обои, должен знать, что их некому всучить, что они будут драть его собственный глаз со стен клубов, рабочих домов, библиотек.

Это оформление, это – высшая художественная инженерия. Художники индустрии в РСФСР должны руководиться не эстетикой старых художественных пособий, а эстетикой экономии, удобства, целесообразности, конструктивизма.

Но это второе «или» пока не для Франции.

Ей нужно сначала пройти через большую чистку французского Октября.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. А пока, при всей нашей технической, мастеровой отсталости, мы, работники искусств Советской России, являемся водителями мирового искусства, носителями авангардных идей.

Но... это все еще из теории должно перейти в практическое воплощение, а для этого надо еще поучиться, и в первую очередь у французов.

[1923]

Парижские провинции*

Раньше было так: была в России провинция, медвежьи углы и захолустье. Где-то далеко были российские столицы – широкие, кипящие мировыми интересами. А совсем над всеми был Париж – сказочная столица столиц.

И здесь, как и во всем, Октябрьской революцией сделан невероятный сдвиг.

Мы даже не заметили, как наши провинциальные города стали столицами республик Федерации, как городки стали центрами огромной революционной культуры и как Москва из второсортных городов Европы стала центром мира.

Только в поездке по Европе, в сравнении, видишь наши гулливеровские шаги.

Сейчас Париж для приехавшего русского выглядит каким-то мировым захолустьем.

Все черты бывшей нашей провинции налицо:

Во-первых, страшно куцее, ограниченное поле зрения, узкий круг интересов. Как раньше какое-нибудь Тьмутараканье смотрело, только чтоб его чем-нибудь не перешиб Тьмуклоповск, так теперь у Парижа все взоры только на Берлин, только на Германию. Лишь бы Пуанкаре не помешали отдыхать на его Версальских лаврах. Лишь бы Германии не стало лучше.

Во-вторых, провинциальная, самая затхлая сплетня: кому сейчас в Москве придет в голову интересоваться, курица или телятина была сегодня у Иванова в супе? – а в Париже мои случайные знакомые лучше знали, сколько я получаю в России построчных, нежели даже я сам. Париж – пристанище мировой эмиграции. Эмиграция, что ли, эту гадость рассадила!

В-третьих – разевание рта на столичных, – так сейчас Париж разевается на москвичей. Владелец нашей красной паспортной книжечки может месяц оставаться душой парижского общества, ничего не делая, только показывая эту книжечку. А если дело дойдет до рассказов, то тут и за 10 часов не оторвешь.

И во всем боязнь: как бы Москва не переинтереснила Париж и не выхватила бы влияние на американцев и их... доллары. А это уже начинается!

И, наконец, древнепровинциальное обжорство! Нам, выучившимся и любящим насыщаться еще и хлебом работы, нам, привыкшим довольствоваться – пока – самым необходимым, нам, несмотря ни на какой голод не предающим своих идей и целей, – нам просто страшно смотреть на общую, знаемую всеми и никем не прекращаемую продажность, на интерес огромных кругов, упертый только в еду – в кафе и трактиры.

Но – возразят – есть ведь и во Франции пролетариат, революционная работа. Есть, конечно, но не это сегодня создает лицо буржуазного Парижа, не это определяет его быт.

Хорошо – скажут – но ведь есть огромная культура Франции! Есть, конечно, вернее, не «есть», а «была». Со времени войны эта культура или стала, или выродилась в истребляющую пропаганду империализма.

Я обращался ко всем моим знакомым с просьбой указать какую-нибудь стройку, какое-нибудь мирное сооружение последних лет, которое можно было бы поставить в плюс французам. Нет!

Но, конечно, все сказанное мною относится главным образом к духовной опустошенности, к остановке роста. В материальной культуре Франции, даже во вчерашней, есть на что разинуть рот, есть чему поучиться. Взять хотя бы огромный

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Машинин, аэродром Бурже под Парижем, с десятками грандиозных эллингов, с десятками огромных аэропланов, ежедневно отлетающих и в Лондон, и в Константинополь, и в Цюрих! Но это подготовка и работа веков. Для России, разгромленной голодом и войной, придавленной всей предыдущей безграмотностью, ничуть не меньший факт – первая электрическая лампочка в какой-нибудь деревне Лукьяновке.

Учись европейской технике, но организуй ее своей революционной волей – вот вывод из осмотров Европы.

[1923]

Сегодняшний Берлин*

Я человек по существу веселый. Благодаря такому характеру я однажды побывал в Латвии* и, описав ее, должен был второй раз уже объезжать ее морем.

С таким же чувством я ехал в Берлин.

Но положение Германии (конечно, рабочей, демократической) настолько тяжелое, настолько горестное – что ничего, кроме сочувствия, жалости, она не вызывает.

Уже в поезде натыкаешься на унижительные сцены, когда какой-нибудь зарвавшийся француз бесцеремонно отталкивает от окна стоявшую немку – ему, видите ли, захотелось посмотреть вид! И ни одного протеста – еще бы: это всемогущие победители.

Здесь наглядно видишь, какой благодарностью к Красной Армии должно наполниться наше сердце, к армии, не давшей сесть и на нашу шею этим «культурным» разбойникам.

При въезде в Берлин поражает кладбищенская тишь. (Сравнительно.) Прежде всего результаты того же Версальского хозяйничанья. Например, около Берлина есть так называемое «Кладбище аэропланов» – это новенькие аэропланы, валяющиеся, ржавеющие и гниющие: французы ходили с молотками и разбивали новенькие моторы*!

Так во всем. Конечно, не удивляешься, что постепенно тухнут, темнеют и омертвечиваются улицы, из-под рельс начинает прорастать трава, пунктуальность, размеренность жизни – дезорганизуется.

Рядом с этими внешними причинами страшная внутренняя разруха!

У прекрасного берлинского художника Гросса* есть рисунок – что будет, когда доллар дойдет до 300 марок: нарисована полная катастрофа. Легко понять, что делается в Германии сейчас, если принять во внимание, что этот самый доллар стоит уже 26 000 марок!

Доллар это тот термометр, которым мир измеряет тяжкую болезнь германского хозяйства. Отражение этой болезни внутри Германии: страшный рост спекуляции, рост богатства капиталистов с одной стороны и полное обнищание пролетариата с другой. Ни в одной стране нет стольких, до слез расстраивающих, нищих – как в Германии. Отбросы разрухи и обрубки бойни. Понятно поэтому, что Германия наиболее вулканизированная революцией страна. Здесь еженедельно вспыхивают революционные выступления (во время моего пребывания, например, был целый бой у цирка Буша: рабочие выгоняли засевших националистов); ежедневно нарастают различнейшие забастовки – борются все от кондукторов подземной железной дороги до актеров.

Конечно, низкая валюта принесла Германии целый поток иностранцев. Особенно много в Берлине русских эмигрантов – тысяч около двухсот. Целый Вестен (богатая часть Берлина) занят чуть ли не одними этими русскими. Даже центральная улица этого квартала Курфюрстендам называется немцами – «Нэпский проспект».

Эта русская эмиграция уже не старая, не воинственная. Надежды на двухнедельность существования РСФСР рассеялись «аки дым», вывезенные деньжонки порастрашались, все чаще и чаще заворачивают наиболее бедные и наиболее культурные из них (многие бежали ведь просто с перепугу) на Унтерденлинден 7, в наше посольство, за разрешениями на возврат в Россию. Да и Германия, разумеется, после Рапалльского договора, только с нами, с советскими, считается как с настоящими русскими.

Конечно, к России, к единственной стране, подымающей голос против наглого Версальского грабежа, у Германии самое дружеское, предупредительное отношение.

И для нас эта дружба имеет колоссальные выгоды. Разоренная Германия напрягает все усилия на восстановление своего разрушенного хозяйства, поражая по сравнению с Францией своей изобретательностью, своим культурным напряжением. Присмотреться к ней, учиться у ее технического опыта – большая и благодарная задача.

[1923]

Приложение

Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине*

В настоящее время в Берлине открыта наша выставка. Выставка картин, плаката, фарфора. Выставка не дала лучшего, что есть в области изобразительного искусства в России, так как главные вещи российских художников приобретены музеями; вывезено было только то, что могли дать художники сверх своих основных вещей. Кроме того, трудность устройства выставки, трудность перевозки картин не давала возможности направить большое количество и большие произведения. Тем не менее выставка пользуется за границей огромным успехом, как факт первого прихода искусства Советской России в Европу.

По окончании выставки в Берлине выставка будет перевезена в Италию, во Францию и в Америку, откуда уже получены соответствующие официальные приглашения.

Наша революционная выставка открылась как раз в тот день, когда на улицах Берлина, у цирка Буша, немецкие коммунисты дрались с националистами*. Это сильно действовало на революционное настроение, и выставка была открыта с большим подъемом. От имени германского Министерства просвещения выступал заведующий отделом искусств Ренцлов, приветствовавший выставку. Отвечал зав. отд. изобразительных искусств т. Штеренберг*.

Выставка помещается в центральном месте на Унтер-ден-линден. Нижний этаж занят так называемой правой живописью. Здесь все, начиная с Бубнового Валета Машкова, Кончаловского и кончая Малявиным и Кустодиевым.

Верхний этаж занят левой живописью и образцами промышленного искусства.

Особенным успехом пользуется верхний этаж, так как образцы искусства левых художников определенно принимаются европейцами, как подлинное, свое, искание нового искусства, как искусство, характерное для Советской России. Много способствовало такому убеждению то, что левые художники, приезжающие за границу, определенно, на всех собраниях, во всех статьях и интервью, выступают как защитники и пропагандисты Советской России. Маститые же часто по приезде соблазняются чечевичной похлебкой американских миллиардеров и стараются выслужиться инсинуациями по адресу Советской России. Такой необычайный скачок произвел известный художник Малявин. Тщательно оберегаемый в России, заботливо препровожденный с нашего согласия и содействия за границу, он не нашел ничего лучшего, как напечатать интервью в беленькой газетке «Руль», – интервью, наполненное жалобами на Советскую Россию, где ему, видите ли, не давали возможности работать. Очевидно, в доказательство этой невозможности, он выставил два своих огромных полотна, писанных на прекрасном холсте, прекрасными красками. Еще до закрытия выставки он потребовал выдачи этих картин обратно и, когда представитель Наркомпроса отказался, он утром сам стащил свои картины с выставки! Берлинская полиция нашла эти картины уже отданными для отправки на американскую выставку спекулянту Когану. С таким же письмецом в редакцию выступил и правенький художник Синезубов.

Ясно, что все это (не говоря уже о том, что и живопись их давно известна Европе и успела порядком надоесть) создало левым художникам большой моральный и политический авторитет.

Американцы приобретают конструкции, живопись и промышленные изделия, сделанные этими художниками. Газеты определенно указывают, что именно из этих вырастет живописное искусство грядущей России.

Конечно, по такой выставке нельзя судить о том, что делается в России. Главная наша сила не в картинах, даже очень хороших, может быть, а в той новой

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский, организатор организации искусства, главным образом, школы, промышленности, профдвижения, которая дает нашему искусству новое, неизвестное Европе движение. Необходимо всяческим образом показывать эту сторону работы РСФСР.

Пытающаяся отстраниться от нас политически Европа не в силах сдерживать интереса к России, старается дать выход этому интересу, открывая отдушину искусства.

Например, Франция, с таким трудом пускающая к себе русских, визирует паспорта Художественному театру, и сама Мильеранша чуть не становится во главе комитета, устраивающего приезд нашей выставки в Париж.

Мы должны вдуть в эту отдушину максимальное количество наших коммунистических идей.

[1923]

Комментарии

Прижизненные издания произведений В. Маяковского, вошедших в четвертый том Люблю. Изд. Вхутемас, М. 1922 (МАФ, серия поэтов, № 1), 47 стр.

Люблю. 2-е изд., Вхутемас, М. 1922, (МАФ, серия поэтов, № 1), 47 стр.

Люблю. Изд. «Арбейтергейм», Рига, 1922 (МАФ, серия поэтов, № 1), 27 стр.

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, изд. Вхутемас, М. 1922 (МАФ, серия поэтов, № 3), 48 стр.

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, 2-е изд., Вхутемас, М. 1922, 48 стр.

13 лет работы. Т.т. I и II, изд. Вхутемас, М. 1922, 304 стр. и 464 стр.

Для голоса. М. ГИЗ; Берлин, 1923, 61 стр.

Избранный Маяковский. Изд. «Накануне», Берлин – Москва, 1923, 256 стр.

Лирика. Изд. «Круг», М. – П. 1923, 91 стр.

Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается. Изд. «Круг», М. – П. 1923, 43 стр.

Про это. Госиздат, М. – Л., 1923, 43 стр.

Стихи о революции. Изд. «Красная Новь», М. 1923, 98 стр.

Стихи о революции. 2-е изд., «Красная новь», М. 1923, 124 стр.

Вещи этого года (до 1 августа 1923 г.). Изд. «Накануне» Берлин, 1924, 108 стр.

Два стихотворения. М. 1924, 20 стр. [9]

О Курске, о комсомоле, о мае, о полете, о Чаплине, о Германии, о нефти, об 5 Интернационале и о проч. Изд. «Красная новь», М. 1924, 90 стр.

Избранное из избранного. Изд. «Огонек», М. 1926, 54 стр.

Сочинения, т. 2 и 3, ГИЗ, М. – Л. 1928, 345 стр. и 1929, 448 стр.

Школьный Маяковский. ГИЗ, М. – Л. 1929, 104 стр.

Принятые сокращения

БММ – Библиотека-Музей В. Маяковского.

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Стихотворения

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Прозаседавшиеся (стр. 7). Газ. «Известия ВЦИК», м. 1922, № 52, 4 марта; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Избранный Маяковский»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2; «Школьный Маяковский».

Перепечатано в газ. «Дальневосточный телеграф», Чита, 1922, 25 сентября.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление, сделанное автором в сборнике «Школьный Маяковский» (1929) в строке 54: вместо «Поневоле приходится разорваться!» – «Поневоле приходится раздвояться».

«Стихотворение «Прозаседавшиеся» высоко оценил Владимир Ильич Ленин. В речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года В. И. Ленин сказал:

«Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы – до бесконечности... Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 197–198).

Строка 17. Тео – театральный отдел Главполитпросвета.

Гукон – Главное управление коннозаводства при Наркомземе.

Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..» (стр. 10). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17; (БММ); газ. «Известия ВЦИК», м. 1922, № 52, 12 марта; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Заглавие – перефразировка эпитафии Козьмы Пруткова: «Вы любите ли сыр?» – спросили раз ханжу «Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу».

Строка 26. Вечека – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Строка 27. Эмчека – Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Строка 38. Лоренцо – Лоренцо Медичи (1449–1492), правитель Флоренции, прозванный «Великолепным» за любовь к роскоши и щедрое покровительство искусствам.

Строка 54. «Гротеск» – кафе, находившееся в Москве на Тверской улице (теперь – ул. Горького).

Строка 73. «Мерилиз» – универсальный магазин фирмы Мюр и Мерилиз, находившийся в Москве. Теперь в этом здании – универсамг Мосторга.

Сволочи (стр. 14). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17; (БММ); газ. «Известия ВЦИК», м. 1922, № 60, 15 марта; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Для голоса», Сочинения, т. 2. Перепечатано в журналах: «Художественная мысль», Харьков, 25 марта – 1 апреля, № 6; «Черная година», изд. Саратовского Губкомпомгола, 1922, № 2.

Первая строка (заголовок) стихотворения была заменена в газете «Известия ВЦИК» словом – «Слушайте!» с таким примечанием от редакции: «В оригинале первая строка звучит несколько более резко».

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Строка 10. Помгол – комиссия помощи голодающим областям России, созданная ВЦИК в 1920 году.

Строка 97. Фритиоф Нансен (1861–1930) – норвежский путешественник, ученый, исследователь Арктики. Относясь с глубокой симпатией к Советскому Союзу, принимал активное участие в помощи голодающим Поволжья.

Строка 156. «Ампир» – ресторан в Москве.

Бюрократиада (стр. 20). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 75, 2 апреля; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 24 вместо «человеческий» – «человечий» (по тексту всех предшествующих изданий); в строке 53 вместо «машин» – «машины» (по тексту «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 169 вместо «просить» – «попросить» (по тексту всех предшествующих изданий, кроме «Стихов о революции», 2-е изд.).

Строка 33 – «Осади без трудовой!» – Речь идет о трудовой книжке, заменявшей в 1919–1924 годы паспорт и другие виды удостоверения личности.

Выждем (стр. 26). Беловой автограф (БММ.)

Стихотворение записано на обороте листа с автографом плаката «Зайдем у бога».

Впервые опубликовано в сборн. «Владимир Маяковский», 1. Институт литературы Академии наук, М. – Л. 1940. Печатается по автографу.

Написано в начале 1922 года в связи с предстоявшей Генуэзской конференцией (см. ниже примечание к стих. «Моя речь на Генуэзской конференции»*).

Моя речь на Генуэзской конференции (стр. 27). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 82, 12 апреля; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Генуэзская конференция – происходила в Генуе (Италия) в апреле – мае 1922 года. Это была первая конференция по экономическим и финансовым вопросам, на которую были приглашены представители Советской России. Советская делегация решительно отвергла притязания империалистов, пытавшихся навязать Советской России кабальные условия соглашения, добиться политических и экономических уступок (уплаты царских долгов) и т. д.

Строка 4. Чичерин Г. В. (1872–1936) – народный комиссар иностранных дел, фактически возглавлявший советскую делегацию в Генуе.

Строка 44. «Матэн» – французская буржуазная газета.

Строка 45. «Таймс» – официальная английская газета.

Строка 56. Пуанкаре Раймон (1860–1934) – французский реакционный политический деятель, президент Франции (1913–1920), один из вдохновителей первой мировой войны 1914–1918 годов и инициаторов интервенции и блокады Советской России.

Строка 60. Сити – центральная часть Лондона, где сосредоточены крупнейшие банки.

Строка 61. Ллойд-Джордж (1863–1945), английский реакционный политический деятель, лидер либералов, премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год. Один из организаторов антисоветской интервенции и блокады Советской России.

Строки 84–87. Слышите из Берлина первый шаг трех Интернационалов? – В начале апреля 1922 года в Берлине состоялась конференция, посвященная организации единого рабочего фронта. В ней приняли участие Исполкомы Коммунистического Интернационала и оппортунистических – 2-го и так называемого 2 1/2-го Интернационалов.

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

Мой май (стр. 30). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 96, 30 апреля; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Для голоса», «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2.

Перепечатано в сб. «Синеблузый май», М. 1923.

Как работает республика демократическая (стр. 32). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 112, 23 мая; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», Сочинения, т. 2.

Написано в результате поездки поэта весной 1922 года в Ригу, в то время – столицу буржуазной Латвии.

В записной книжке 1922 г., № 11 содержатся краткие сведения о Латвии, использованные в стихотворении.

Строка 62. Учредилка – ироническое название Учредительного собрания.

Строки 79–80. Для споров несколько эсдечков приручено – речь идет о членах латвийской социал-демократической партии.

Строки 81–87. Дерман, Вилис – депутат Учредительного собрания Латвии, независимый социал-демократ, работавший в контакте с коммунистами. В связи с ложным обвинением Дермана Учредительное собрание проголосовало за его выдачу властям. При выходе из здания «Учредилки» Дерман был арестован.

Строки 98–103. Напечатал «Люблю»... – во время пребывания Маяковского в Риге рабочее издательство «Арбейтергейм» выпустило его поэму «Люблю». Издание было конфисковано полицией и сожжено.

Строка 121. Бурш (немецк.) – студент.

Баллада о доблестном Эмиле (стр. 38). Газ. «Известия ВЦИК», 1922, № 117, 28 мая. В прижизненных сборниках не публиковалось.

По воспоминаниям О. С. Литовского, работавшего в те годы в «Известиях», Маяковский сдал в редакцию стихотворение со ступенчатой разбивкой строк. Но редактор газеты Ю. Стеклов, «не признававший» поэтической манеры Маяковского, воспользовался его отсутствием и распорядился печатать «Балладу» без разбивки строк на ступеньки (О. Литовский, Воспоминания о Маяковском (БММ). Отсутствие оригинала лишает возможности восстановить разбивку Маяковского.

Эмиль Вандервельде – (1866–1938), лидер бельгийской рабочей партии, социал-оппортунист, один из руководителей II Интернационала. По профессии адвокат. В 1922 году приезжал в Москву на процесс правых эсеров для защиты подсудимых.

Нате! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате (стр. 41).

Журн. «Крокодил», М. 1922, № 4 (16) сентябрь.

Печатается по тексту «Крокодила».

В журнальном тексте в конце стихотворения стоит подпись – В. Маяковский. Вслед за этим помещены строки: А плата такая: пусть каждый вникает: не триста, не двести, а только 150 рублей, на «Рабочую газету» с «Крокодилем» вместе, и это за целый месяц. Эй, рабочий, рублей не жалеи!

Подпись – Контора.

Стих резкий о рулетке и железке (стр. 43). Журн. «Крокодил», М. 1922, № 5, 24 сентября; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Строка 4. Каретный ряд – улица в Москве.

Строка 5...а деятельность большая – желдороги, банки – каламбурное использование

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Названия карточных игр: «шмендефер» chemin de fer (французск.) железная дорога, отсюда – «железка».

Строка 8...помещения на Малой Лубянке – здание, где находилось ГПУ (Государственное политическое управление).

Строка 15. «Эрмитаж» – сад в Москве, в котором находились различные увеселительные заведения, а также казино.

Дутики – извозчики, экипажи которых были на «дутых» резиновых шинах.

Строка 24. Крупье (у Маяковского склоняется – «крупьями», у «крупьи») – банкомет в игорном доме.

Строка 47. «Шпалер» – револьвер (на воровском жаргоне).

Строка 92. МУР – Московский уголовный розыск.

После изъятий (стр. 47). «Красный журнал для всех», П. 1922, № 1, ноябрь.

Перепечатывалось в следующих газетах, журналах и сборниках: газ. «Саратовские известия», Саратов, 1922, № 279, 6 декабря; газ. «Смена», Тула, 1923, № 1, 1 января; газ. «Красное знамя», Томск, 1923, № 7, 11 января; журн. «Товарищ», Пенза, 1923, № 3, 19 января, под названием «Бог и я»; газ. «Амурская правда», Благовещенск, 1923, № 862, 11 февраля; газ. «Красная смена», Минск, 1923, № 12, 13 марта, под названием «Письмо богу»; газ. «Пролетарий», Самарканд, 1923, № 48, 31 марта, под названием «Маяковский о боге»; сб. «Комсомольское рождество», М. изд. МК РКСМ, 1923; газ. «Юный пахарь», Минск, 1924, № 23, 31 марта; газ. «Натиск», М. 1924, № 9, 21 апреля.

Печатается по тексту «Красного журнала для всех».

Написано в связи с изъятием церковных ценностей во время голода в Поволжье 1921–1922 годов.

Германия (стр. 49). Черновой автограф строк 1–7 в записной книжке 1922 г., № 18 (БММ); газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 2, 4 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

Написано в результате поездки Маяковского в Германию осенью 1922 года.

В предисловии «До» к сборнику «Вещи этого года» Маяковский сделал такое примечание:

«Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом.

Чемоданы были вскрыты и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа.

Поэтому вещи, восстанавливаемые памятью, будут слегка различаться от первоначальных вариантов».

В газете «Известия» стихотворение было напечатано с примечаниями Маяковского; они воспроизводятся ниже – см. примечания к строкам 54*, 58*, 63*, 64*.

Строка 3. Рапалло. – Имеется в виду договор между Советской Россией и Германией, подписанный в апреле 1922 года в Рапалло (Италия) во время Генуэзской конференции.

Строки 18–22. В июне 1917 года правительство Керенского предприняло по указке Антанты новое наступление, имевшее целью затянуть войну между Германией и Россией.

Строка 54. Стиннес – могущественный капиталист Германии.

Строка 58. Шибер – спекулянт.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Строка 63. Норден – рабочие кварталы Берлина.

Строка 64. Вильгельмов пролет – средний пролет Бранденбургских ворот. Через эти ворота ездил только Вильгельм и разрешалось один раз проехать новобрачным из церкви.

Бранденбургские ворота – триумфальные ворота в центре Берлина, через которые рвались в марте восставшие коммунисты.

Строка 67. Из унтерденлиндских отелей – имеются в виду богатые отели на улице Унтерденлинден в центре Берлина.

На цепь! (стр. 53). «Известия ВЦИК», М. 1923, № 10, 16 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд. Машинопись для сборника «256 страниц Маяковского», кн. 2-я (ИМЛИ. Сборник в свет не вышел); Сочинения, т. 2.

Строки 3–4. Январь готовят обернуть в июль – июль 14-го года – в июле 1914 года началась первая мировая война.

Строки 17–21. В 1922 году в Италии, с приходом к власти фашистского диктатора Муссолини, начался кровавый террор против деятелей революционного движения.

Строка 18. Рур – основной район каменноугольной, тяжелой и военной промышленности Западной Германии, являвшийся в годы первой мировой войны и после нее предметом ожесточенной борьбы капиталистических стран. В январе 1923 года французская армия оккупировала Рурскую область.

Строка 30. Бонар-лоу (1858–1923) – английский политический деятель, лидер консерваторов. В 1922 году – премьер-министр.

Мосул – город на северо-западе Ирана. В районе Мосула – крупные месторождения нефти, за которые шла борьба между Германией, США, Англией, Турцией. Борьба эта особенно обострилась после того, как Мосул, оккупированный в 1918 году английскими войсками, вошел в состав Ирака, переданного под английский мандат; это вызвало резкий протест со стороны Турции.

Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монё (стр. 56). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 11, 17 января; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 35 вместо – «в 12 вылезешь» – «в 12 вылазишь» (по тексту сб. «Вещи этого года»); в строке 37 вместо «и в 3 выберешься едва» – «и в 4 выберешься едва» (по тексту сб. «Вещи этого года», см. примеч. к стих. «Германия», стр. 424*).

МОНО – Московский отдел народного образования. У Маяковского склоняется – «о Монё», «под Монёю».

Строка 6. Виндавский – теперь Рижский вокзал в Москве.

Строка 15. Эйдкунен – город на бывшей границе между Литвой и Германией, теперь – город Калининградской области.

Строка 21. ...в Себеже или Зилупе – города на бывшей границе между СССР и Латвией.

Пернатые (стр. 58). Беловой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Красная нива», М. 1923, № 3, 21 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; машинопись для сборника «256 страниц Маяковского», кн. 2-я (ИМЛИ. Сборник в свет не вышел); Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: восстановлены интервалы между строфами; в строке 15 вместо «вылезь в час вот этакий» – «вылезь в час вот в этакий» (по тексту беловой автографа).

Строка 26. Фабер – имеются в виду карандаши фирмы Фабер.

Строка 35. Линотип – типографская машина.

Строка 41. Стереотип – металлическая печатная форма, копия типографского набора.

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 46. Ротационки–танки – ротационные печатные машины, в которых печатная форма и поверхность, прижимающая к ней бумагу, представляют собою вращающиеся цилиндры, между которыми проходит бумага.

Строка 54. Петит и корпус – типографские шрифты.

О поэтах (стр. 60). Журн. «Красная нива», м. 1923, № 7, 18 февраля; «Вещи этого года»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены следующие исправления: в строке 53 вместо «А остальные» – «А остальное» (по тексту журн. «Красная нива» и сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 55 вместо «Хороший язык; взял да и искрошил» – «Хороший язык взял да и искрошил» (по тексту сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 109 вместо «и сыплется в машину» – «и сыпется в машину» (по тексту журн. «Красная нива», сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» и сб. «Стихи о революции», 2-е изд.); в строке 129 вместо «отобрать их от добрейшего Анатолия Васильевича» – «отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича» (по тексту сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»).

Перед строкой 1...«о прожигании глаголами сердец людей» – перефразировка строки из стихотворения Пушкина «Пророк»: «Глаголом жги сердца людей».

Строка 129. Анатолий Васильевич – луначарский (1875–1933), первый народный комиссар просвещения РСФСР с 1917 по 1929 год.

Строка 131. Семашко Николай Александрович (1874–1949) – первый народный комиссар здравоохранения РСФСР с 1918 по 1930 год.

О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах (стр. 64). Беловой автограф (БММ); газ. «Известия ВЦИК», м. 1923, № 39, 21 февраля; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 37 вместо «скидывая картуз» – «скидавая картуз (по автографу)».

Стихотворение перекликается с написанной примерно в то же время статьей «С неба на землю», посвященной борьбе за простоту и общепонятность литературного языка (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 11. Акуловка – Маяковский использует название деревни около Пушкина (под Москвой), где он жил летом.

Строки 25–27. Стиннес; Рур – см. стр. 425

На земле мир. Во человецех благоволение (стр. 67). «Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б)», выпуск «А», м. 1923, № 13, 21 февраля.

Бюллетени систематически рассылались с начала 1923 года редакциям газет и журналов. Эту работу вело Прессбюро, организованное при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б). Отпечатанные на ротаторе, бюллетени направлялись «для губернских газет, имеющих в виду по преимуществу городского жителя» (бюллетень «А») и «для уездных и губернских газет земледельческих районов с крестьянским кадром читателей» (бюллетень «Б»). Наряду с этим выпускались и бюллетени «А/Б».

Вместе с общественно-политическими статьями Прессбюро печатало и литературно-художественный материал на актуальные темы.

Активное и постоянное сотрудничество Маяковского в Прессбюро ЦК РКП(б) в 1923–1924 годах явилось продолжением его работы в РОСТА и Главполитпросвете (1919–1922 годы).

Стихотворение «На земле мир. Во человецех благоволение» было перепечатано в газетах:

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

«Саратовские известия», 1923, № 45, 25 февраля; «Рабочий клич», Рязань, 1923, № 47, 2 марта; «Северный рабочий», Ярославль, 1923, № 47, 2 марта; «Степная правда», Семипалатинск, № 52, 1923, 9 марта; «Власть труда», Уфа, 1923, № 56, 10 марта; в журналах: «Красный утес», Архангельск, 1923, № 3, 11 марта и «Товарищ Терентий», Екатеринбург, 1923, № 3, 25 марта.

Строки 17–21 – см. примечание к слову Рур, на стр. 425*.

Строка 23. Мемель – Клайпеда, литовский портовый город на Балтийском море. По Версальскому договору территория Клайпеды перешла от Германии в совместное владение союзных держав. 1 февраля 1923 года было вынесено решение о возвращении Клайпеды Литве на определенных условиях.

Строка 48. Падайте перед Пуанкарею. – Пуанкаре, см. стр. 422*.

Барабанная песня (стр. 69). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 41, 23 февраля; «Стихи о революции», 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

Написано к пятилетию Красной Армии.

Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильтерану (стр. 72). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 43, 25 февраля.

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

Публикуется по тексту «Известий» с исправлением в строках 83–85. Вместо: «Обоим. Сообщите – (точка)». – «Обоим (точка). Сообщите».

Мильтеран Александр Этьенн (1859–1943) – реакционный политический деятель Франции. В 1920–1924 гг. президент Франции.

Строка 17. Лига Наций – международное объединение государств, созданное после первой мировой войны, для урегулирования мирным путем международных конфликтов. Лига Наций была орудием в руках империалистов, проводивших агрессивную политику.

Строки 20–22. То Пуанкаре расписывается в Версале, то припечатывает печатями Севр. – Имеются в виду подписанный в Версале мирный договор 1919 года, закрепивший передел мира империалистическими державами-победительницами, и подписанный в Севре мирный договор 1920 года, предусматривавший расчленение Турции.

Строка 54. Вильна – Вильнюс, литовский город, в 1920 году захваченный панской Польшей. Теперь – столица Литовской ССР.

Строка 72 Мосул – см. стр. 426*.

Строка 73 Рур – см. стр. 425*.

Париж. (Разговорчики с Эйфелевой башней) (стр. 75). Черновой автограф строк 1–14 в записной книжке 1922 г., № 18; (БММ); журн. «Красная нива», 1923, № 9, 4 марта; «Стихи о революции», 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 74 вместо «Я поднимаю» – «Я подымаю»... (по тексту журн. «Красная нива» и сб. «Вещи этого года»), в строке 90 вместо «ссыплют» – «ссыпят» (исправление корректорской поправки по всем предшествующим изданиям).

Написано в результате поездки Маяковского в Париж осенью 1922.

Эйфелева башня – башня высотой в 300 метров, построенная инженером Эйфелем для Парижской выставки 1889 года.

Строка 11. Людовики – французские короли.

Строка 45. Аполлинер, Гийом (1881–1918) – французский поэт.

Строка 101. Монмартр – район в Париже, где сосредоточены ночные увеселительные заведения.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Заведения.

Строка 130. Лувр – бывший королевский дворец в Париже, в настоящее время национальный художественный музей Франции.

Строка 131. Булонский лес – парк в Париже.

Давиду Штеренбергу – Владимир Маяковский (стр. 79). Беловая рукопись с поправками (БММ).

Написано, судя по разбивке строк «столбиком», вероятно, не позднее начала 1923 года. При жизни Маяковского не публиковалось. Впервые напечатано в журн. «Огонек», м. 1935, № 36, 30 декабря.

Штеренберг Давид Петрович – художник, заведовал в двадцатых годах ИЗО (Отдел изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения).

Строка 11. Пунин Николай Николаевич – художественный критик, один из деятелей ИЗО.

Строка 13. Брик Осип Максимович (1888–1945) – литературный критик, заместитель заведующего ИЗО в первые годы советской власти. Близкий друг Маяковского.

Строка 34. Волапюк – искусственный международный язык, не получивший распространения. Здесь в смысле малопонятной речи.

Поэмы

Люблю (стр. 85). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 10 (ЦГАЛИ); белой автограф (у Л. Ю. Брик); черновой автограф на пяти листах блокнота (позднейшая вставка в текст, строки 81–176, БММ); «Люблю»; «Люблю», 2-е изд.; «Люблю», Рига, 2-е изд.; [10] «13 лет работы», т. 2; «Лирика»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 8 вместо «на теле рубаха» – «на тело рубаха» (по беловому автографу и сб. «Лирика»).

Поэма «Люблю» написана в период с ноября 1921 года по начало февраля 1922 года. Маяковский писал Л. Ю. Брик 22 ноября 1921 года: «Волнуюсь, что к твоему приезду не сумею написать стих для тебя. Стараюсь страшно».

В информационной заметке, напечатанной в «Нашем журнале», издававшемся Василием Каменским, от 15 марта 1922 г. говорилось, что Маяковский закончил поэму «Любовь» (первоначальное заглавие).

Строка 16. Мюллер – автор популярного руководства по гимнастике.

Строка 27. Рион – Риони, река в Грузии, на которой расположен г. Кутаиси.

Строка 35. «Три листика» – карточная игра.

Строка 67. Бутырки – Бутырская тюрьма в Москве, куда был заключен Маяковский в 1909–1910 годах за участие в подпольном рабочем движении.

Строка 73. В Бутырской тюрьме Маяковский был заключен в одиночную камеру № 103.

Строка 106. Иловайский Д. И. (1832–1920) – автор учебников по истории, написанных в реакционно-монархическом духе.

Строка 107. Была ль рыжа борода Барбароссы? – Фридрих I Барбаросса (1123–1190), император так называемой «Римской империи германской нации». Барба росса – рыжая борода (итал.).

Строка 199...гипербола праобраза Мопассанова – имеется в виду рассказ Мопассана «Идиллия».

Строка 272. Крез – царь Лидии, по древнегреческому преданию, обладавший несметными богатствами.

онадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. IV Интернационал (стр. 95). Черновые автографы в записных книжках 1922 г., №№ 11, 12 (БММ); белой автограф с поправками в записной книжке 1922 г., № 13 (БММ), белой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Красная новь», 1922, № 3.

В журн. «Красная новь» текст опубликован с двумя купюрами: выпущены и заменены точками строки 161–168 и 192–198.

В настоящем издании текст печатается полностью по белой рукописи (ЦГАЛИ).

Об истории написания см. примечания к «Пятому Интернационалу»*.

Строка 58. Имеется в виду контрреволюционный мятеж в Кронштадте, начался 28 февраля 1921 года, ликвидирован советскими войсками к 18 марта того же года.

Строка 61. Имеется в виду – контрреволюционный мятеж в Ярославле, начался 6 июля 1918 года, ликвидирован к 22 июля того же года. Во время мятежа от пожаров погибла часть города.

Строка 101. Шатурская электростанция построена в 1919–1920 годах.

Строка 148. Пролеткультцы – участники Пролеткульта, организации, созданной в сентябре 1917 года, проповедовавшие отказ от культурного наследия прошлого и создание «чисто пролетарской» культуры. В проекте резолюции «О пролетарской культуре», написанном В. И. Лениным (1920), и в письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (1920) раскрыта ошибочность пролеткультовских позиций.

Пятый Интернационал (стр. 105). Черновой автограф строк 35, 38–40 в записной книжке 1922 г. № 11 (БММ); черновой автограф 1-й и 2-й частей поэмы (без начала второй части и без прозаического текста) в записной книжке 1922 г., № 15 (БММ); черновой автограф начала второй части поэмы в записной книжке 1922 г., № 16 (БММ); черновой автограф двух отрывков поэмы в записной книжке 1922 г., № 14 (БММ); первая часть поэмы – «Известия ВЦИК», М. 1922, № 203, 10 сентября, вторая часть – газета «Известия ВЦИК», М. 1922, № 214, 23 сентября; первая часть поэмы – «Избранный Маяковский»; первая и вторая части – «О Курске, о комсомоле...», Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: вставлено пропущенное слово «голова» (строка 154, по текстам записной книжки № 15, газ. «Известия ВЦИК», сб. «Избранный Маяковский»; в строке 200 вместо: «Гущей тел искалеченных, по копиям скрученными» – «Гущей тел искалеченных, по копиям скрученным» (по тексту сб. «Избранный Маяковский»); в строках 269–270 вместо: «Надо мной Вашингтон, Нью-Йорки» – «Надо мной Вашингтоны, Нью-Йорки» (по тексту записной книжки № 15); в строке 851 вставлено пропущенное местоимение «я» (по тексту записной книжки № 15 и газ. «Известия ВЦИК») и в строке 928, также вставлено «я» (по тексту газ. «Известия ВЦИК» и сб. «О Курске, о комсомоле...»).

В автобиографии «Я сам» в главке «22-й год» Маяковский говорит: «Начал записывать работанный третий год «Пятый интернационал». Утопия. Будет показано искусство через 500 лет» (см. т. 1 наст. изд., стр. 26).

Вначале была написана часть задуманной поэмы (пролог), опубликованная в журнале «Красная новь», 1922, № 3 под названием «IV Интернационал». Затем Маяковский начинает поэму заново и озаглавливает ее «Тридевятый Интернационал» и окончательно – «Пятый интернационал». В примечании ко второй части «Пятого Интернационала» в газ. «Известия ВЦИК» Маяковский писал: «Четвертый», «Тридевятый», «Пятый интернационал» – названия одной и той же вещи. На заглавии «Пятый интернационал» остановлюсь окончательно».

Из восьми задуманных частей поэмы «Пятый Интернационал» были написаны две.

3 октября 1922 года Маяковский выступил в Большом зале консерватории с чтением поэмы. В отчете газ. «Вечерние известия» от 9 октября приводится его высказывание: «V Интернационал» – это поэма предвидения. Образец творчества грядущих лет».

Черновой набросок «Я не окончил речь еще...» (стр. 305) относится к части поэмы, где говорится о далеком будущем.

инадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. В тексте поэмы прозаические строки не нумеруются.

Строка 10. Громили Василия Блаженного – Собор Василия Блаженного в Москве на Красной площади. В октябре 1917 года, в дни разгрома контрреволюции был поврежден снарядами.

Строка 31. Эдисон Томас Альва (1847–1931) – выдающийся американский изобретатель.

Строка 33. Эйнштейн, Альберт (1879–1955) – один из крупнейших физиков-теоретиков.

Строка 40. Учебник Марго – учебник французского языка.

Строка 65. Гершензон М. О. (1869–1925) – историк литературы и публицист; его работы написаны с позиций субъективного идеализма.

Строка 67. Леонардо да-Винчи (1452–1519) – гениальный итальянский художник и ученый эпохи Возрождения.

Строка 75. Иог – последователь индийской религиозно-мистической касты, утверждающей, что путем самосозерцания человек якобы может овладеть «сверхъестественными» силами.

Строка 87. Пушкино – дачная местность под Москвой, где летом жил Маяковский.

Строки 156–157. Иван Великий – колокольня в московском Кремле.

Строка 160. Дом Нирензее – десятиэтажный дом в Москве (Б. Гнездииковский пер. близ ул. Горького), самый высокий жилой дом в Москве тех лет.

Строка 168. Водопьяный переулочек – в этом переулочке находилась квартира Л. Ю. Брик.

Строка 210. Зуав – солдат французских войсковых частей, комплектовавшихся из населения Алжира.

Строки 240–241. Кук Фредерик Альберт (род. 1865); Пири Роберт (1856–1920) – американские полярные путешественники.

Строка 402. Фуэтэ – танцевальное движение в балете, быстрое вращение на одной ноге.

Строка 417. Геркулес – здесь созвездие.

В прозаическом тексте после строки 449. Политехнический музей – имеется в виду Большая аудитория Политехнического музея в Москве, традиционное место литературно-общественных вечеров и диспутов.

Строка 457. Унанимисты (от франц. «unanime» – единодушный) – группа французских писателей начала XX века, отстаивавшая идею «вселенской коллективной души», в которой «растворяются отдельные личности».

Строка 459. Логос – у идеалистов – божественное, мистическое «первоначало».

Строка 461. Коган П. С. (1872–1932) – советский историк литературы и критик, с которым часто полемизировал Маяковский.

Стр. 496. Пролеткультцы – см. стр. 431*.

Строка 547. Потратила пилсудчина. – Пилсудский, Юзеф (1867–1935) польский реакционный политический деятель, впоследствии фашистский диктатор.

Строка 565. Сплошной мильерановский фрак – Мильеран – см. стр. 429*.

Строка 581. Ангора – Анкара – центр турецкого национального освободительного движения, с 1923 года – столица Турции.

ионадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Строка 582. Венгерская Советская республика была провозглашена 21 марта 1919 года. Несмотря на самоотверженность и героизм венгерского рабочего класса, пала под ударами империалистической интервенции 1 августа 1919 года.

Строки 608–609. Мулен-Руж – кафе-шантан в Париже.

Строка 625. Ливерпуль – город в Англии.

Строка 627. «Пажа-пажа!!» – от слова «пожалуйста»; зазывный возглас извозчиков и уличных торговцев.

Строка 631. – Имеется в виду стихотворение поэта С. М. Третьякова «Рыд матерный».

Строка 657. Фох Фердинанд (1851–1929) – французский маршал, главнокомандующий армиями Антанты в 1918–1919 годах. Один из организаторов антисоветской интервенции.

Строка 666. Аполлон Бельведерский – знаменитая статуя древнегреческого бога Аполлона.

Строка 686...брат черноморий. – Имеется в виду заколдованная голова брата Черномора из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Строка 691. Маркони Гульельмо (1874–1937) – итальянский инженер, вслед за А. С. Поповым является изобретателем радиотелеграфа.

Строка 703. Лета – в древнегреческой мифологии река забвения в подземном мире.

Строка 761. Фоккер – немецкий военный самолет фирмы Фоккер.

Строки 921–922. Фурье Шарль (1772–1837), Оуэн Роберт (1771–1858), Сен-Симон Анри Клод (1760–1825) – социалисты-утописты.

Про это (стр. 135). Черновая рукопись; беловая рукопись с правкой и дополнениями; беловая рукопись с поправками (все три рукописи хранятся у Л. Ю. Брик); журн. «Леф», 1923, № 1, март; «Про это» (отдельное издание); «Вещи этого года»; Сочинения, т. 3.

В настоящем издании в текст 3-го тома Сочинений внесены следующие исправления: в строке 59 вместо «нырнет под события» – «нырнет под события» (по тексту трех рукописей); в строке 78 вместо «Эта тема день истемнила в темень, колотись – велела – строчками лбов» – «Эта тема день истемнила, в темень колотись – велела – строчками лбов» (по тексту трех рукописей); в строке 429 вместо «влез на льдину» – «взлез на льдину» (по тексту двух беловых рукописей и изданий: «Леф», «Про это», «Вещи этого года»); в строке 438 вместо «лихоражусь на льдине-подушке» – «лихорадусь на льдине-подушке» (по тексту двух беловых рукописей и «Лефа»); в строке 548 вместо «меж домовых камней» – «меж домовых камней» (по тексту трех рукописей); в строке 915–917 вместо «Иисус, приподняв венюк тернистый» – «Иисус, приподняв венюк тернистый» (по тексту беловой рукописи с поправками); в строке 1094 вместо «обмерят спящелобых» – «обметят спящелобых» (по тексту трех рукописей и изданий: «Про это», «Вещи этого года»); в строке 1216 вместо «только б не ее» – «только б не ея» (по тексту трех рукописей).

Ввиду того, что в прижизненных изданиях текст поэмы публиковался с многочисленными погрешностями в области пунктуации, за основу принята пунктуация беловой рукописи, подготовленной поэтом к печати.

Впервые о замысле поэмы Маяковский упоминает в автобиографии «Я сам» (1922): «Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу» (т. 1 наст. изд., стр. 374).

К работе над поэмой он приступил в конце декабря 1922 года. Закончив работу над черновой рукописью, Маяковский переписывает текст набело, после чего правит рукопись, внося в нее значительные поправки и дополнения; дата окончания работы над этой второй рукописью – 11 февраля 1923 года. Затем поэма опять переписывается с новыми, несколько менее значительными поправками; в конце третьей рукописи повторена та же дата – 11 февраля 1923 года.

Условия работы над поэмой были для Маяковского необычными. Он писал ее в период добровольного домашнего «заключения», к которому как бы приговорил себя ровно на 2 месяца, чтобы наедине с самим собой разобраться во всем, что вставало неотступной, еще нерешенной темой: каким должен быть новый человек, его мораль, его любовь, его быт?

В последней редакции автобиографии «Я сам» (1928), в главке «23-й год» говорится: «Написал: «Про это». По личным мотивам об общем быте» (т. 1 наст. изд., стр. 26).

Главную тему поэмы «Про это» Маяковский определил, выступая 3 апреля 1923 года на диспуте в Пролеткульте с чтением отрывков:

«Здесь говорили, что в моей поэме нельзя уловить общей идеи. Я читал прежде всего лишь куски, но все же и в этих прочитанных мною кусках есть основной стержень: быт. Тот быт, который ни в чем не изменился, тот быт, который является сейчас злейшим нашим врагом, делая из нас – мещан».

Образ лирического героя поэмы несет в себе живые, реальные черты Маяковского.

После 84 строки. Баллада Редингской тюрьмы – произведение английского писателя Оскара Уайльда (1856–1900), которое было написано им в тюрьме.

Строка 88. Лубянский проезд – улица в Москве, где жил тогда Маяковский. Теперь – проезд Серова.

Водопьяный – см. стр. 433*.

Строки 114–115. Фабричная марка телефонов того времени – две перекрещивающиеся молнии.

Строка 137. Мясницкая – улица в Москве, теперь – улица Кирова. Путь от Лубянского проезда к Водопьяному переулку идет по Мясницкой улице.

Строка 153. 67–10! – номер тогдашнего телефона Л. Ю. Брик.

Строка 184. Почтамт – находится на Мясницкой улице в Москве.

Строка 294. Дантес – убийца Пушкина.

Строка 321. Эрфуртская – программа германской социал-демократии, принятая на партийном съезде в Эрфурте в 1891 году.

Строка 363. Бальшин – сосед Маяковского по квартире.

Строки 463–548. Человек из-за 7-ми лет – в этих строках речь идет о лирическом герое поэмы «Человек», написанной Маяковским за семь лет до поэмы «Про это», в 1916–1917 годах.

Строки 616–618. Петровский парк, Ходынка (Ходынское поле) – находятся в Москве.

Строка 620. Впереди Тверской простыня – здесь имеется в виду Тверская улица (теперь – улица Горького).

Строка 622. Садовая – улица в Москве.

Строка 719. Пресня – улица в Москве, где жили мать и сестры Маяковского.

Строки 766. 600 с небольшим этих крохотных верст – расстояние от Ленинграда до Москвы.

Строка 779. Алясандра Алясеевна – Александра Алексеевна Маяковская, мать поэта. (1867–1954).

Строка 822. Кудринские вышки – Кудринская площадь в Москве; теперь – площадь Восстания.

и надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Строка 869. Нечаянная радость – название книги стихов А. Блока.

Строка 891...ангел-хранитель – жилец в галифе. – Обыватели в те годы, боясь уплотнения, старались заполучить себе «ответственного» жильца.

Строка 979. «Мистерия» – «Мистерия-буфф» Маяковского.

Строка 1064. Бёклин, Арнольд (1827–1901) – швейцарский живописец, символист. Для Маяковского картина «Остров мертвых» олицетворяла мещанские вкусы.

Строки 1073 и 1091. Недвижный перевозчик Харон – в древнегреческой мифологии старик, перевозчик умерших душ через подземную реку в царство смерти. (Харон и тополя – строка 1078 – изображены на картине Бёклина.)

Строка 1137. Раскольников – герой романа Достоевского «Преступление и наказание».

Строка 1164. Аннушка – А. Ф. Губанова, домашняя работница на квартире в Водопьяном переулке.

Строки 1171, 1212. Уанстеп и тустеп – западные танцы.

Строки 1286, 1290, 1294 – Любань, Тверь (теперь – г. Калинин), Клин – станции на пути из Ленинграда в Москву.

Строка 1295. Разумовское – Петровское–Разумовское, последняя станция на пути из Ленинграда в Москву.

Строка 1296. Николаевский – теперь Ленинградский вокзал в Москве.

Строка 1312...из-за верст шести ста – имеется в виду расстояние от Ленинграда до Москвы.

Строка 1454...как будто с вербы – руками картонными. – На базаре в Москве, устраивавшемся на Красной площади в «вербную неделю», продавались различные игрушки.

Строка 1459. Пинкертон – сыщик, герой детективных рассказов.

Строка 1503. Один уж такой попался – гусар! – Имеется в виду Лермонтов, убитый на дуэли в Пятигорске, у подножия Машука.

Строка 1539...затрубадурила Большая Медведица. – Трубадуры – провансальские странствующие поэты-певцы 11–13 веков.

Строка 1569...гора Килиманджаро – находится в Восточной Африке.

Строка 1570. Кения – вулкан на востоке Африки.

Агитплакаты
Товарищи! Граждане!.. (стр. 187).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

На плакате напечатаны резолюции IX Всероссийского съезда советов о мерах борьбы с голодом в Поволжье. Съезд происходил в декабре 1921 года.

В РСФСР 130 миллионов населения...(стр. 188).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

№ 12. Цектран – Центральный комитет объединенного профсоюза работников

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Железнодорожного и водного транспорта.

№ 14. Помгол – см. стр. 420*.

Надо помочь голодающей Волге (стр. 190).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

Написан в связи с введением специального налога в пользу голодающих.

Займем у бога (стр. 193).

Беловой автограф с поправками текста для плаката (БММ).

На обороте автографа записан текст стихотворения «Выждем».

При жизни поэта не перепечатывалось. Публикуется по тексту автографа.

Написано в связи с постановлением ВЦИК 16 февраля 1922 года об изъятии из церквей золота и драгоценных камней для помощи голодающим Поволжья.

Граждане! Поймите же, наконец (стр. 194).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в 1922 году в Госиздате с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

Нечего есть! Обсемениться нечем! (стр. 196).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в 1922 году в Госиздате с рисунками худ. М. Черемных. При жизни поэта не перепечатывалось.

Топливо – основа республики (стр. 198).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных. При жизни поэта не перепечатывался.

Транспортники! (стр. 201). Черновой автограф (БММ), белой автограф (БММ).

Прижизненные публикации не установлены. Напечатано в газ. «Вечерняя Москва», М. 1931, № 89, 14 апреля.

Печатается по беловому автографу.

В бумагах Маяковского сохранился машинописный текст обращения к транспортникам, переданный ему из Цектрана для переработки. Черновой автограф написан под машинописным текстом. На беловом автографе, переписанном чернилами, резолюция: «В печать, 21.III-22».

Очерки

В результате двухмесячного пребывания за границей, в Германии и во Франции, осенью 1922 года Маяковский написал, кроме стихотворений «Германия» и «Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней», восемь очерков. Шесть из них были напечатаны в газете «Известия ВЦИК».

1. Париж (Записки Людогуся) (24 декабря 1922 г.).

2. Осенний салон (27 декабря 1922 г.).

3. Париж. Художественная жизнь города (13 января 1923 г.).

4. Париж. Театр Парижа (2 февраля 1923 г.).

5. Париж. Быт (6 февраля 1923 г.).

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

б. Парижские очерки. Музыка (29 марта 1923 г.).

Два очерка – «Сегодняшний Берлин» и «Парижские провинции» были опубликованы в Бюллетенях Агитпропа ЦК РКП(б) 31 января и 13 февраля 1923 года (подробнее о Бюллетенях см. стр. 428).

Кроме перечисленных восьми очерков, был напечатан в журнале «Красная нива», 1923, № 2, 14 января, очерк «Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине». Ввиду недостаточной ясности вопроса об авторстве очерка он печатается в разделе «Приложение».

Три очерка, опубликованные в газете «Известия» и посвященные вопросам живописи – «Париж. (Записки Людогуся)», «Осенний салон», «Париж. Художественная жизнь города» – Маяковский объединил в январе 1923 года в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи». При этом очерки были частично переработаны, а первый – «Париж. (Записки Людогуся)» – сокращен: из него исключены главки, не относящиеся к вопросам живописи.

Маяковский написал специально для книги предисловие и послесловие «Вывод». Книга была снабжена 25 иллюстрациями – репродукциями с картин французских художников, привезенными Маяковским из Парижа. Издание при жизни поэта осуществлено не было.

Рукопись книги (машинописная копия и газетная вырезка) с авторскими поправками была найдена в 1931 году в архиве Госиздата и впервые напечатана в альбоме рисунков Маяковского (Изогиз, 1932).

В настоящем издании очерки «Осенний салон» и «Париж. Художественная жизнь города», опубликованные в газ. «Известия» и включенные затем в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи», печатаются по тексту рукописи. Очерк «Париж. (Записки Людогуся)» печатается в двух редакциях – по тексту газ. «Известия» и в переработанном виде по тексту рукописи книги «Семидневный смотр французской живописи» (см. стр. 234–238).

Париж (Записки Людогуся) (стр. 205). Газ. «Известия ВЦИК», м. 1922, № 292, 24 декабря.

В сокращенном, частично переработанном виде, очерк вошел в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи».

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В настоящем издании в текст «Известий» внесено исправление: на странице 211 в строке 24 вместо «А на каждого приходится...» – «А на каждого с именем приходится» (восстановление пропущенного слова по тексту «Семидневного смотра французской живописи»).

Стр. 205. Людогусь – образ из поэмы Маяковского «Пятый Интернационал», над которой Маяковский работал в 1922 году до отъезда за границу.

4-я Тверская Ямская – улица в Москве.

Стр. 206. Улица Жака Калло – улица в Париже. Жак Калло (ок. 1591–1635) – французский художник.

Веселенький разговорчик в германском консульстве – речь идет о французском консульстве в Берлине.

«Беленькое консульство!» – бывшее консульство царской России; после Октябрьской революции – белогвардейское.

Унтер-ден-Линден – на этой улице в центре Берлина находилось советское посольство.

Стр. 207. Откуда едете? – Из Берлина.. из Штетина.. из Ревеля.. из Нарвы. – После того, как было опубликовано стихотворение «Как работает республика

надцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский «демократическая», Латвийское правительство отказало Маяковскому в транзитной визе и он вынужден был поехать в Германию кружным путем – через Эстонию, затем морем (см. очерк «Сегодняшний Берлин»*)).

Санитарный паспорт. – По окончании интервенции и гражданской войны империалисты установили на границах Советской России, под предлогом борьбы с эпидемией тифа, так называемый «санитарный кордон», чтобы «зараза большевизма» не проникла в другие страны.

Стр. 208. Майоль – см. очерк «Париж», гл. «Разноцветный вкус», стр. 213.

Стр. 209. Версальский мирный договор 1919 года и Севрский договор – см. стр. 429.

Из обязательств нашего Николая. – Речь идет о займах, предоставленных французскими банкирами царскому правительству. Значительная часть облигаций займов была размещена среди французской мелкой буржуазии.

Галль – «желудок Парижа» – центральный рынок в Париже.

Стр. 210...«мораторий», «передышка» – речь идет об отсрочке германских репарационных платежей.

270 интервью Эррио. – Один из крупнейших политических деятелей Франции Эдуард Эррио (р. 1872) приезжал в 1922 году в Москву, чтобы подготовить почву для восстановления дипломатических отношений между Россией и Францией. По возвращении на родину дал многочисленные интервью газетам.

Вячеслав Иванов – русский поэт-символист.

Вержболово – русская пограничная станция между Россией и Германией до первой мировой войны.

Стр. 211. Балиев Н. Ф. – руководитель и конферансье театра-кабаре «Летучая мышь» в Москве. После революции эмигрировал за границу.

Стр. 212... «да-да» – дадаизм, одно из формалистических течений западноевропейского искусства.

Сомов К. А. (1869–1939) – русский художник-стилизатор, входил в эстетское объединение «Мир искусства».

...моментажно за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных... – Русский художник Ф. А. Малявин, посланный в 1922 году советской властью за границу, перешел в лагерь белой эмиграции и отказался вернуться на родину. (См. очерк «Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине», стр. 261.)

Гиппиус З. Н. – Русская поэтесса, декадентка, после Октябрьской революции – белоэмигрантка.

Париж. Театр Парижа (стр. 213). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 23, 2 февраля.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В записной книжке 1922 г., № 18 содержатся заметки, использованные поэтом в главах «Разноцветный вкус», «Серый вкус», «А что еще?» (книга «Семидневный смотр французской живописи»).

Стр. 213. Комедия – «Французская комедия», театр с классическим репертуаром, ведет начало от труппы Мольера (1680).

Театр Сары Бернар – драматический театр с 1899 года, возглавлявшийся знаменитой французской актрисой Сарой Бернар (1844–1923).

Стр. 215. Жорес Жан (1859–1914) – видный деятель французского социалистического движения, выступал против развязывания первой мировой войны. Был убит агентами

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Импрессионизм за день до войны.

Вильсон Вудро (1856–1924) – президент США в 1913–1921 годах.

Стр. 216. Бисмарк, Отто (1815–1898) – канцлер Германской империи (1871–1890).

Париж. Быт (стр. 218). Газ. «Известия ВЦИК», м. 1923, № 26, 6 февраля.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В записной книжке 1922 г., № 18 содержатся заметки, использованные поэтом в главках «Отношение к эмиграции», «Палата депутатов» (книга «Семидневный смотр французской живописи»).

В настоящем издании в текст газ. «Известия» внесены исправления: на странице 219 вместо «с истинно мартовской любезностью» – «с истинно парижской любезностью»; на странице 224 вместо «не добредают» – «не добредаю».

Стр. 219. Жоффр Жозеф (1852–1931) – французский маршал, главнокомандующий французской армией в первую мировую войну, один из организаторов иностранной интервенции против Советской России.

...на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра. – Банкет состоялся 24 ноября 1922 года.

Стр. 220. Бахметьеву в Вашингтоне. – После Великой Октябрьской социалистической революции многие дипломатические представители царской России отказались подчиниться советскому правительству и продолжали незаконно именовать себя «послами» России.

Мережковский Д. С. (1865–1941) – русский реакционный писатель, белоэмигрант.

Гиппиус З. Н. – см. стр. 442*.

Бунин И. А. (1870–1953) – русский писатель, после революции эмигрировал за границу.

...разный смысл «12». – Речь идет о поэме Александра Блока «Двенадцать».

Дюшес де Клармонт – герцогиня де Клармонт.

Стр. 221. Монпарнас – район Парижа.

Стр. 222. Сидят с величием Рамзеса. – Рамзес II, египетский фараон (1317–1251 до н. э.).

Тюльерийский сад – парк в Париже.

Стр. 223. «Диле» – берлинские кафе, в которых посетители танцуют.

Фореггер Н. М. – советский режиссер.

Стр. 225. Узкая и без того коммунистическая полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в Москву. – Во время пребывания Маяковского за границей в Москве открылся 4-й конгресс Коммунистического Интернационала, в котором приняли участие несколько коммунистов-депутатов французского парламента.

Парижские очерки. Музыка (стр. 228). «Известия ВЦИК», м. 1923, № 69, 29 марта.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В настоящем издании в текст «Известий» внесены исправления на странице 229 вместо «из оперы «Мавр» – «из оперы «Мавра»; вместо «Гайфер» – «Тайфер».

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. Стр. 228. Между мной и музыкой древние контры – см. «Я сам» – автобиография, т. 1, стр. 19.

Бурлюк Давид – художник и поэт-футурист. Соученик Маяковского по Училищу живописи, ваяния и зодчества.

Благородное собрание – Дом московского дворянского собрания. Теперь – Дом Союзов.

Стравинский – Игорь Стравинский, русский композитор, с 1910 года постоянно жил за границей.

Стр. 229. «Петрушка» – балет Игоря Стравинского. «Соловей» – его же опера.

Дягилев С. П. – русский художественный и театральный деятель, организатор художественных выставок и русских балетных спектаклей в Париже и Лондоне в 1904–1929 годах.

Прокофьев С. С. (1891–1953) – известный советский композитор. С 1918 по 1924 год жил за границей.

«Мавра» – опера И. Стравинского, на сюжет поэмы Пушкина «Домик в Коломне».

...под влиянием нашей «пятерки» – то есть пяти выдающихся русских композиторов второй половины XIX века (Балакирева, Бородина, Кюи, Мусоргского, Римского-Корсакова) так называемой «могучей кучки».

...в последнем номере журнала «Запад» – имеется в виду статья А. Лурье «Шестерка» в журнале «Современный Запад» (1922, № 1).

Стр. 230. Бенуа Пьер – французский писатель XX века, автор многочисленных романов авантюрно-приключенческого жанра.

«Всемирная литература» – советское издательство, организованное в 1919 году по инициативе А. М. Горького. Выпускало классические произведения мировой художественной литературы.

Стр. 231. «Эспри нуво» – журнал, издававшийся группой поэтов и художников на паях в Париже.

Галлиени Жозеф (1849–1916) – командующий одной из французских армий. В сентябре 1914 года, в период немецкого наступления на Париж, организовал успешное контрнаступление на Марне.

...при первом феврале...– Маяковский имеет в виду февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года в России.

«Семидневный смотр французской живописи» (стр. 233). Машинопись с вклеенными в середину газетными вырезками, правленная и дополненная автором (хранится у В. А. Катаняна).

Публикуется по машинописному тексту, подготовленному Маяковским в начале 1923 года для издания отдельной книгой.

Издание при жизни Маяковского осуществлено не было.

Сохранилась расписка, свидетельствующая, что Маяковский сдал в Госиздат иллюстрации к книге «Париж» 28 декабря 1922 года и двадцать страниц текста под названием «Семидневный смотр парижской живописи» 15 января 1923 года.

Договор на издание книги, носящей окончательное название «Семидневный смотр французской живописи» с десятью красочными и пятнадцатью черными рисунками, заключен Госиздатом 12 февраля 1923 года.

Примечания к тексту книги, совпадающие с примечаниями к очерку «Париж (Записки Людогуса)» – см. на стр. 440*.

Стр. 235. «Бубновый валет» (1910–1926) – общество художников, стоявших на

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлублики и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский в различных позициях «искусство для искусства».

Стр. 236. Камерный театр – драматический театр в Москве (1914–1950).

«Ротонда» – кафе в Париже, в котором обычно собирались русские поэты и художники.

Стр. 239. Нью (франц.) – изображение обнаженного женского тела.

Стр. 241. Павлова А. П. (1881–1931) – знаменитая русская балерина, с большим успехом гастролировавшая за границей.

Стр. 241. «Биржевка» – петербургская газета «Биржевые ведомости» (1880–1917).

Стр. 242. Боттичелли Сандро (1444–1510) – выдающийся итальянский живописец эпохи Возрождения.

Пентр (франц.) – художник. Здесь употреблено иронически.

Стр. 243. Бурбонские лилии – эмблема французской королевской династии Бурбонов.

Елисейские поля. – На этой улице в Большом дворце обычно устраиваются художественные выставки-салоны.

«Парижские провинции» (стр. 254). Бюллетень Пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП(б), выпуск «А», М. 1923, № 10, 13 февраля.

Перепечатано в газетах: «Звезда», Минск, 1923, № 39, 17 февраля; «Рабочий клич», Рязань, 1923, № 44, 27 февраля; «Харьковский понедельник», 1923, № 13, 19 марта.

Сегодняшний Берлин (стр. 257). Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б), выпуск «А», М. 1923, № 7, 31 января.

Перепечатано в газетах: «Звезда», Минск, 1923, № 28, 4 февраля; «Брянский рабочий», 1923, № 136, 6 февраля; «Тамбовская правда», 1923, № 25, 6 февраля; «Саратовские известия», 1923, № 29, 7 февраля; «Советская правда», Челябинск, 1923, № 30, 9 февраля; «Красное знамя», Краснодар, 1923, № 31, 10 февраля; «Степная правда», 1923, Семипалатинск, № 32, 14 февраля; «Красный Алтай», 1923, Барнаул, № 34, 14 февраля.

В Собрание сочинений включается впервые.

Стр. 257...я однажды побывал в Латвии – весной 1922 года.

Французы ходили с молотками и разбивали новенькие моторы. – По условиям Версальского мирного договора вся немецкая военная авиация подлежала уничтожению.

Гросс Георг – немецкий художник-карикатурист, автор острых зарисовок жизни и быта Германии двадцатых годов XX века. Маяковский привез из Берлина два альбома репродукций рисунков Гросса; некоторые из них были напечатаны в журн. «Красная нива» (1923, № 1) с заметкой О. М. Брика «Художник-коммунист Жорж Гросс».

Приложение

Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине (стр. 261). Журнал «Красная нива», 1923, № 2, 14 января.

Подписано буквой «М».

Стр. 261...в тот день, когда на улицах Берлина, у цирка Буша, немецкие коммунисты дрались с националистами. – 15 октября 1922 года фашистская организация «Союз охраны свободы и порядка» устроила в помещении цирка Буша собрание. Рабочие сорвали собрание и разогнали фашистов.

Штеренберг – см. стр. 430*.

Иллюстрации

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский. 1923 г. Берлин.

В. Маяковский. Фото Рижской полиции, переснятое с паспорта В. Маяковского в 1922 г.

Страница из Записной книжки 1922 г., № 12, с черновым автографом поэмы «IV Интернационал».

Страница из Записной книжки 1922 г., № 15, с черновым автографом поэмы «Пятый Интернационал».

В. Маяковский. Фото 1923 г.

В. Маяковский. Фото 1923 г.

фото-монтаж А. Родченко к первому изданию поэмы «Про это».

Страница черновой рукописи поэмы «Про это».

Выходные данные
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ
Полное собрание сочинений. Том 4.

Редактор тома А. Февральский
Редактор К. Малышева
Оформление художника Б. Воронцовского
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор Г. Архангельская
Корректоры А. Сабадаш и Г. Фальк

Сдано в набор 5/VI 1956 г.

Подписано к печати 11/II 1957 г.

Бумага 84×108 1/32. – 14,13 печ. л. = 23,17 усл. печ. л.

21,69 уч. – изд. л. + 8 вклеек = 21,97 л.

Тираж 200 000 экз. Заказ № 1851. Цена 11 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР

и одиннадцати томах. Том 4. Стихотворения, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923. Владимир Владимирович Маяковский

Главное управление полиграфической промышленности

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Примечания

1 Северный вокзал (франц.)

2 Площадь Согласия (франц.).

3 левый берег (франц.).

4 Дальнейшие части показывают безотносительность моего Интернационала немецкому. Второй год делаю эту вещь. Выделявая дальнейшее, должно быть, буду не раз перерабатывать и «открытое». (Прим. автора.)

5 «Берлин. Долой!» (нем.)

6 На плакате – «Резолюции, принятые на IX Всероссийском съезде Советов по докладу тов. Калинина».

7 Большой приз (франц.).

8 Качество (франц.).

9 Учебная работа графического факультета Вхутемаса.

10 По свидетельству проф. М. Шац-Анина (газ. «Советская молодежь», Рига, 1950, № 74, 14 апреля), рабочее издательство «Арбейтергейм» в Риге выпустило в 1922 году, во время пребывания Маяковского в Латвии, два издания поэмы «Люблю»; первое было конфисковано полицией.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskiyvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!